

# ВИЗАНТИЙСКОЕ «СОДРУЖЕСТВО»: ТРАДИЦИИ И СМЕНА ПАРАДИГМ



*Тезисы докладов  
XXII-й всероссийской научной сессии  
византинистов РФ*

*Екатеринбург  
24–28 сентября 2019 г.*



Уральский  
федеральный  
университет  
имени первого Президента  
России Б.Н.Ельцина

НАЦИОНАЛЬНЫЙ КОМИТЕТ ВИЗАНТИНИСТОВ  
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ  
УРАЛЬСКИЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ  
ИМЕНИ ПЕРВОГО ПРЕЗИДЕНТА РОССИИ Б.Н. ЕЛЬЦИНА  
УРАЛЬСКИЙ ГУМАНИТАРНЫЙ ИНСТИТУТ  
КАФЕДРА ИСТОРИИ ДРЕВНЕГО МИРА И СРЕДНИХ ВЕКОВ

# ВИЗАНТИЙСКОЕ «СОДРУЖЕСТВО»: ТРАДИЦИИ И СМЕНА ПАРАДИГМ

Тезисы докладов  
XXII-й всероссийской сессии  
византинистов РФ

*Екатеринбург, 24–28 сентября 2019 г.*

ЕКАТЕРИНБУРГ  
Издательство Уральского университета  
2019

УДК 94(100)(063)

ББК ТЗ(0)я43

В 428

Под редакцией *М. В. Грацианского, Т. В. Куш*

В 428 ***ВИЗАНТИЙСКОЕ СОДРУЖЕСТВО: ТРАДИЦИИ И СМЕНА ПАРАДИГМ:***  
тез. докл. XXII-й всероссийской научной сессии византинистов РФ,  
Екатеринбург, 24–28 сентября 2019 г. / [под ред. М. В. Грацианско-  
го, Т. В. Куш]. — Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2019. — 187 с.

ISBN 978-5-7996-2736-2

Издание содержит тезисы докладов XXII-й всероссийской научной сессии византинистов РФ, проходившей на базе Уральского федерального университета 24–28 сентября 2019 г. В докладах представлены научные темы и направления современного российского византиноведения.

Для студентов и специалистов, интересующихся актуальными подходами к изучению византийской истории.

УДК 94(100)(063)

ББК ТЗ(0)я43

*На обложке:*

Миниатюра с изображением Михала III с Феодорой и Феоктистом из Мадридской рукописи «Хроники» Иоанна Скилицы, Национальная библиотека Испании, <http://bdh-rd.bne.es/viewer.vm?pid=d-1754254>

В оформлении сборника использованы графические материалы сайтов:  
<http://ru.freepik.com>, <http://www.webdesignhot.com/>

ISBN 978-5-7996-2736-2

© Уральский федеральный университет, 2019





**Л. Т. Авилушкина**

*Российский государственный институт сценических искусств  
(Санкт-Петербург)*

### **Ветхозаветная история в «Хронике» Михаила Глики**

«Хроника», написанная Михаилом Гликой во второй половине XII в., охватывает всемирную историю от Сотворения мира до 1118 г. Первый издатель «Хроники» Ф. Лаббе, осуществивший издание греческого текста по пяти рукописям с латинским переводом, разделил текст на четыре части<sup>1</sup>. Первая часть содержит описание шести дней творения и обширные рассуждения автора, касающиеся богословских тем, вторая – ветхозаветную историю и отдельные эпизоды из языческой и восточной; третья – историю Римской империи и подробное описание новозаветных событий с комментариями автора; четвертая – историю Византийской империи от Константина Великого до 1118 г. О своеобразии «Хроники» Глики Ф. Лаббе писал во введении, что это не вполне историческое сочинение, как труды Георгия Кедрина, Иоанна Зонары, Константина Манасси, т. к. ее автора можно считать также богословом и комментатором Священного Писания и весьма хорошим знатоком естественных наук и медицины.

С. Мавромати-Катсуяннопулу изучила источники нескольких разделов «Хроники» Михаила Глики: неполный текст третьей части (СВ 379–387; 435–457), четвертой части (СВ 460–625), Шестоднева Глики в первой части (СВ 3–126), а также описала метод работы Глики с источниками (принцип выбора материала и его изложения)<sup>2</sup>.

Вторая часть «Хроники» Глики, в которой освящается ветхозаветная история, еще не привлекала внимания исследователей, поэтому до сих пор остаются неизученными ее состав и источники. Традиционной канвой при составлении этого раздела хроник служили события истории еврейского народа, как они изложены в Библии, и некоторые эпизоды языческой истории и восточных держав, при этом наблюдается самостоятельность автора в

---

<sup>1</sup> Michael Glycas *Annales* / Ed. Ph. Labbeus. Parisiis, 1660. (Далее: СР); переиздания: Venttiis, 1729; Bonnae, 1836; PG. T. 158. Col. 9–624. Подробнее об изданиях см.: Авилушкина Л.Т. Особенности и характер изданий «Хроники» Михаила Глики // АДСВ. 2009. Вып. 39. С. 389–397.

<sup>2</sup> *Μαυρομάτη-Κατσουγιαννοπούλου Σ.* Χρονογραφία του Μιχαήλ Γλυκά και πηγές της (περίοδος 100 π. Χ. – 1118 μ. Χ.). Θεσσαλονίκη, 1984; *Eadem.* Η Εξαήμερος του Μιχαήλ Γλυκά εκλαϊκευτική επιστημονική πραγματεία του 12ου αιώνα // Βυζαντινά. 1994. Τ. 17. Σ. 7–70.



выборе материала из источников и его компоновке. Наши предварительные наблюдения позволяют говорить, что Глика, создавая этот раздел, в первую очередь опирался на библейский текст и патристические сочинения, использовал в разной степени хроники Георгия Синкелла, Георгия Монаха, Георгия Кедрина, Иоанна Зонары, Константина Манасси и «Иудейские древности» Иосифа Флавия, а также привлекал другие источники, в том числе апокрифы. Глика последовательно излагает ветхозаветную историю, начиная с Адама, и приводит лишь отдельные общие для хронистов эпизоды из древней восточной и языческой истории (Нин, Зороастр, Сарданапал, Крез, Ромул и Рем, Александр Македонский). Следует заметить, что Глика полнее освещает ряд библейских сюжетов (Каин и Авель; потоп; истории Авраама, Иакова, Иосифа, Моисея, Иудифи, Есфири, Товита) по сравнению с хрониками, материал которых он использует.

По нашим наблюдениям, имеются сюжетные параллели между «Хроникой» Глики и «Палеей исторической», которая могла появиться в Византии, как полагают, в конце IX в. Греческий текст «Палеи исторической» был издан под заглавием «Ἱστορία παλαιῶν περιέχων ἀπὸ τοῦ Ἀδάμ»<sup>1</sup>.

В «Хронике» Глики после описания гибели Содома и Гоморры и греха Лота с дочерьми следует апокрифический рассказ о Лоте и трех головнях. Приведем кратко его содержание. Авраам, узнав о его падении, велел Лоту идти к реке Нил и принести три головни, подумав, что он будет съеден дикими зверями и смертью искупит свой грех. Лот принес три головни от кипариса, певга (сосны) и кедра. Авраам, поднявшись с Лотом на гору, посадил головни, а через три месяца они срослись в одно дерево, только корни остались разделенными. Авраам, увидев это сказал, что это дерево станет упразднением греха. Дерево выросло большое и сохранилось до царствования Соломона. Авраам понял, что грех Лота прощен. На этом дереве был распят Христос (СР Р. 358; PG 158. Col. 263. N 26). В «Палее исторической» также присутствует рассказ о трех головнях, принесенных Лотом по указанию Авраама с берегов Нила (С. 218–219). Рассказы в «Палее» и в «Хронике», имея большое сходство в передаче сюжета, заканчиваются по-разному. В Палее в конце рассказа сообщается, что дерево сохранилось до царствования Соломона, но о дереве этом в другое время поведаем. Авраам же с полной уверенностью принял весть о раскаянии Лота и возблагодарил Бога. В «Хронике» Глики слова «но о дереве этом в другое время поведаем» отсутствуют, а в конце добавлено: «Когда же строили Иерусалимский храм вместе с другими и это дерево было срублено, но не было употреблено тогда в храме по воле Бога. Когда же за

---

<sup>1</sup> *Васильев Аф.* Anecdota graeco-byzantina. Pars prior. Mosquae, 1893. P. 13; Палея историческая. С. 188–292.

спасение мира благоволил пострадать Христос и Бог наш, то на нем был распят иудеями».

В «Хронике» Глики законы, которые были даны Моисею на горе Синай, описываются детально. Опираясь на библейский текст (книги Исход, Левит, Второзаконие), Глика подробно излагает десять заповедей, но по своему располагает используемый материал (СР Р. 359; PG 158. Col. 301. N 29). В «Палее исторической» есть также подробное описание десяти заповедей (С. 240–241), близкое тексту, приведенному в «Хронике» Глики, но имеется ряд отличий в изложении заповедей между текстами этих сочинений.

Апокрифический рассказ о Лоте и трех головнях, греческий текст которого, как полагают, сохранился только в греческой «Палее исторической» и «Хронике» Михаила Глики, византийские хронисты не включали в свои сочинения. Десять заповедей, в отличие от подробного их изложения в «Хронике» Глики, очень кратко приводятся в хрониках Георгия Синкелла, Георгия Монаха, Георгия Кедрина, Иоанна Зонары. В то же время следует отметить, что эти сюжеты присутствуют в тексте переводного славянского сочинения «Палее исторической»<sup>1</sup>. По нашим предварительным наблюдениям в тексте славянской «Палеи исторической» рассказ о Лоте и трех головнях передан близко к тексту греческой «Палеи», а десять заповедей приведены аналогично их подробному изложению в греческой «Палее».

Таким образом, вероятно, и Михаил Глика, и древнерусские книжники могли быть знакомы с греческой «Палеей исторической» и могли использовать ее.

*Н. А. Алексеенко*

*Институт археологии Крыма РАН (Симферополь)*

### **Константинополь и Таврика в совокупности традиционных интересов Византии. Новые находки императорских печатей**

Безусловно одной из наиболее ярких иллюстраций исключительной заинтересованности в Северо-Причерноморском регионе со стороны Византийской державы являются наличие на территории Таврики императорских печатей. Однако следует отметить, что их находки до последнего времени были известны лишь на территории юго-западной части Крымского полуострова. И, как правило, все они происходят из Херсона или его ближайшей

---

<sup>1</sup> *Попов А.* «Книга бытия небеси и земли» (Палея историческая с приложением Сокращенной палеи русской редакции // ЧОИДР. М., 1881. Кн. 1. С. 47–49, 82–84.



округи<sup>1</sup>. Несмотря на обилие византийских печатей в Сугдее и появление в последние годы находок в Восточном, Южном и Горном Крыму (Боспор, Южный берег Крыма, Мангуп и окрестности), императорские моливдовулы в этих регионах обнаружены не были.

Напомним, что корреспонденция византийских императоров поступает в Таврику уже начиная с середины V в., о чем красноречиво свидетельствуют самые ранние конусовидные и анэпиграфные буллы, находимые в Херсоне и его округе<sup>2</sup>.

Доминирующее место среди находок занимает группа моливдовулов юстиниановской эпохи и послеюстиниановского периода (конец V – первая половина VII вв.), появление которых в юго-западной Таврике вне всякого сомнения необходимо связывать с активной политикой византийских императоров, когда проводились значительные мероприятия по укреплению позиций Византии в Северном Причерноморье и самой Таврике. Из Херсона и его предместий происходят печати Анастасия I (491–518), Юстиниана I (527–565) (их большинство), Тиверия Константина (578–582), Маврикия (582–602), Фоки (602–610) и Ираклия (610–645).

Удивительно, но складывается впечатление, что во второй половине VII столетия и вплоть до рубежа VIII–IX вв., очевидно в силу сложной внутри- и внешнеполитической ситуации в империи, византийские императоры оставляют крымский регион без внимания. По крайней мере находок их булл пока нет. Хотя в истории хорошо известен эпизод со ссылкой Юстиниана II в Херсон и связанные с нею местные перипетии.

Однако, судя по дошедшим до нас моливдовулам византийских василевсов, мы можем констатировать, что лишь с организацией в Таврике фемы Климатов сюда вновь начинают поступать высочайшие указы и распоряжения.

Печати второй половины IX – середины XI вв. совсем немногочисленны. Среди них буллы императоров Михаила III (842–867), Константина VII (913–959), Феофано, Василия II (963–1025) и Константина VIII (963–1028) и Константина IX (1042–1055). Все они, несомненно, показывают неизменный интерес византийской администрации к крымскому региону в тот период,

---

<sup>1</sup> Соколова И. В. Византийские печати VI – первой половины IX вв. из Херсонеса // ВВ. 1991. Т. 52. С. 201–213, № 1–9; Алексеенко Н. А. Провинциальный Херсон в сфере интересов византийского двора по данным императорских моливдовулов // Древности 1997–1998. Харьков, 1999. С. 145–160. № 1–11; *Он же*. Новые императорские моливдовулы из Херсона (к вопросу о малых печатях византийских императоров) // Древности 2009. Харьков, 2009. С. 237–241. № 1, 2.

<sup>2</sup> Алексеенко Н. А., Нессель В. А. Позднеримские и ранневизантийские пломбы из Херсона и его окрестностей // Ученые Записки Крымского Федерального университета им. В. И. Вернадского. 2016. Вып. 2 (68). № 1. С. 59–69. № 2, 14, 15. Рис. 1.2, 2.1–4.



когда Херсон был главным форпостом на северных границах империи и являлся проводником и защитником ее интересов в Северном Причерноморье.

Сегодня в эту группу печатей мы можем включить еще один моливдовул, принадлежавший Константину VII Багрянородному, на котором император изображен вместе со своей матерью Зоей. Тип достаточно хорошо известный по буллам из собрания Эрмитажа<sup>1</sup>. Благодаря анализу изображений (одна из фигур в характерной женской короне и длинный шестиконечный крест, а не лабарум в руках коронованных особ), представленных на обороте моливдовула, И. В. Соколова сумела, на наш взгляд, убедительно доказать принадлежность печати начальному периоду правления Константина VII в 914–919 гг., в то время как Н. П. Лихачев относил известный ему моливдовул этого типа к правлению Василия I (867–886) с его сыном Константином<sup>2</sup>.

Самыми поздними из известных моливдовулов, найденных в Крыму, являлись три находки конца XIX – начала XX вв., принадлежащие уже императорам Трапезундской империи XIII–XIV вв., одна из которых принадлежала Мануилу II Комнину (1324)<sup>3</sup>, и подтверждающие свидетельства письменных источников, что с XIII столетия Херсон и, очевидно, вся остальная территория византийского влияния в Таврике перешли под патронаж императоров Трапезундской империи. Но, очевидно, интересы реставрированной Михаилом VIII Палеологом (1259–1282) империи по-прежнему тяготели к стратегически важным землям Таврики.

Сегодня у нас есть возможность ввести в научный оборот еще один интересный памятник, также относящийся к эпохе заката Византийской империи и, на наш взгляд, отражающий факт сохранения интересов Константинополя к крымскому региону в этот период.

В окрестностях с. Мичуринское Белогорского района (Центральный Крым) была найдена печать византийского императора Андроника Палеолога, тип которой И. В. Соколова относит к Андронику III Палеологу (1328–1341), занявшему константинопольский престол вслед за своим дедом Андроником II (1282–1328)<sup>4</sup>.

Таким образом, новый моливдовул стал самым поздним свидетельством проявления традиционного интереса византийских правителей к Таврике. Находка буллы не в юго-западном регионе, а в степном Крыму показывает изменение вектора в направлении политических интересов правителей палеологовского Константинополя в Крыму, которое теперь (после ухода Херсона

---

<sup>1</sup> Соколова И. В. Печати византийских императоров. Каталог коллекции. СПб., 2007. С. 53. № 81, 82.

<sup>2</sup> Лихачев Н. П. Моливдовулы греческого Востока // Научное наследство. М., 1991. Т. 19. С. 250. Табл. LXXVI.6.

<sup>3</sup> Соколова И. В. Печати... С. 205. № 7–9.

<sup>4</sup> Там же. С. 104. № 205.

с внутри- и внешнеполитической арены) соответствовало новым реалиям и, очевидно, было направлено на заключение или поддержание очередного союза против внешних врагов империи, но, надо полагать, теперь уже с татарскими ханами.

**А. Ж. Арутюнян**

*Ереванский государственный университет (Ереван)*

**Фракия и ее население по данным «Древнеармянской географии»  
или «Ашхар(h)ацуйц»-а**

В «Древнеармянской географии» или «Ашхар(h)ацуйц»-е можно найти достаточно подробные сведения не только о географии, но и о составе населения Фракии. Фракия в армянском источнике отмечена как десятая страна Европы<sup>1</sup>. Условно ту часть «Ашхарацуйц»-овского текста, которая касается описания Фракии, мы разделили на две части: историко-географическое<sup>2</sup> и этнографическое описание.

Источник указывает, что Фракия состоит из пяти маленьких областей. Однако помимо этих пяти провинций в составе Фракии названа провинция *Верхняя Мёзия (Μοισία)*. Изучение состава населения Фракии по «Ашхарацуйц»-у показывает, что данная территория была одним из важнейших центров не только Европы, но и Азии. Самым главным недостатком «Ашхарацуйц»-а в этом описании следует считать сумбурное изложение событий. В тексте отсутствует хронология появления племен и народов на территории Фракии. «Ашхарацуйц» упоминает: «[Здесь] находится четырехградная Дардания (в Мёзии. – А. А.). В стороне меридиана находится сама Фракия, а в Медвежьей стороне большая страна Дакия, где проживают 25 славянских племен. На их место войной вторглись готы, которые пришли из острова Скандио, который называется Германским Емиосом. А славяне перешли Дунай и взяли другие области во Фракии и Македонии. Позже отсюда они перешли в Ахайю и Далмацию. Прежде могущественными и воинственными отряда-

---

<sup>1</sup> См: Анания Ширакаци. Ашхарацуйц. Ереван, 1979. С. 270–276. См. также: Каланкатуаци. История страны Алуанк. Ереван, 1984. I, 2. Драсханакертци. История Армении. Ереван, 1986. Гл. I, V.

<sup>2</sup> См.: Арутюнян А.Ж. Карта раннесредневековой Европы согласно «Армянской географии» или «Ашхарацуйц»-у // Научная мысль Кавказа. 2011. № 4. С. 124–130; *Он же*. К вопросу территории расселения древневосточных славян согласно трудам Мовсеса Хоренаци // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2012. № 2. С. 365–371. Об авторстве «Ашхарацуйц»-а см.: Арутюнян А.Ж. К вопросу определения авторства древнеармянской карты (или «Ашхарацуйц»-а) // Сб. материалов I междунар. научно-практич. конф. «Интеграция мировых научных процессов как основа общественного процесса. Общество науки и творчества». Казань, 2013. С. 1–5.



ми Фракии были дантихийяны, сардикяны, устдикисикяны, сикилитяны...»<sup>1</sup> Дардания (*Δαρδάνια*), как подсказывает источник, находилась на Балканах. «Ашхарацуйц»-овскую Дарданию не следует путать с городом Дардан(ы), который находился в Малой Азии.

Вопрос о Дардании мог еще долго оставаться открытым, если бы не упоминание о дантихийянах, сардикянах, устдикисикянах, сикилитянах. Это упоминание переносит нас во вторую половину II тыс. до н.э., т. к. речь идет о народах моря. Ключевым в этом тексте является упоминание сардикян: можно утверждать, что это шерданы (*ŠRDN*), из числа которых фараоны в основном комплектовали отряды для своей охраны<sup>2</sup>. В армянском тексте они названы по месту происхождения – выходцы с о. Сардиния. По аналогии можно заключить, что сикилитяне – это аборигены о. Сицилия. Для определения происхождения названий двух других упомянутых в источнике племен или вооруженных отрядов – дантихийян и устдикисикян – поможет герменевтический подход. На наш взгляд, эти лексемы «арменизированы». Так можно объяснить их происхождение, однако трудно предположить, являются ли эти названия аллегорией каких-то племен народов моря? Перечислим состав народов моря: экўэш (акайваша), денйен (данайцы), мешўэш (мушки?), пелесет (пеласги), филистимляне, лука, турша, шекеlesh (сикулы), чаккара и т.д.

Итак, как дарданы, так и сардикяне и сикилитяне упомянуты в «Ашхарацуйц»-е согласно территории их первоначального проживания. Пока открытым остается вопрос дантихийянов и устдикисикянов. Эти названия не совпадают ни с одной из вышперечисленных лексем. Нам кажется, что авторы «Ашхарацуйц»-а либо не знали их настоящие имена, либо, зная их, сознательно дали им армянские названия. Корнем слова *дантихийян* является *данте*. В армянском языке слово *данте* синоним прилагательного *адский* (древнегреч. *Αδης*)<sup>3</sup>. Такая трактовка дает возможность предположить, что какое-то племя из наступающих народов моря отличилось от остальных своей свирепостью и жестокостью.

Что касается народа-племени устдикисикянов, то источник упоминает этот народ между сардикянами и сикилитянами. Между Сицилией и Сардинией в бассейне Тирренского моря находятся Липарские острова. Можно предположить, что авторы перечисляли народы в направлении север – юг,

<sup>1</sup> Анания Ширакаци. Ашхарацуйц. С. 272–273.

<sup>2</sup> Хрестоматия по истории Древнего Востока / Под ред. Коростовцева М.А. и др. М., 1980. Ч. I. С. 112, 114, 115; The Cambridge Ancient History / Ed. R.D. Barnett. Cambridge, 1967 Vol. II. P. 2, P. 359–378; *Peczynski S.* The Sea Peoples and their Migration. N. J., 2009. P. 56–68; *Woudhuizen F.C.* The Ethnicity of the Sea Peoples. Rotterdam, 2006.

<sup>3</sup> См.: *Ачарян Р.А.* Этимологический коренной словарь армянского языка. Ереван, 1971. С. 664–665.



т. к. данный источник имеет северную географическую ориентацию<sup>1</sup>. При лингвистическом подходе к вопросу устдикисикянов можно заключить, что они имели широкие плечи (на арм. слово *ус* означает *плечо*). Что может означать вторая часть этого названия, пока невозможно выяснить.

Исходя из того, что народы перечисляются в направлении север – юг, можно высказать предположение, что дантихикяны, названные в списке первыми, проживали на о. Корсика или восточнее него, на островах Тосканского архипелага.

Итак, в «Ашхарацуйц»-е упомянут северный «поток» передвижения народов моря, который мог при подходящем случае оказаться в Армении. Можно утверждать, что центром концентрации всех сил была Фракия. Народы продвигались до западного побережья Малой Азии, по всей вероятности, до г. Троя, а самые судьбоносные события происходили в Египте.

***Н. Д. Барабанов***

*Волгоградский государственный университет (Волгоград)*

### **Колонна как сакральный объект в византийском народном христианстве**

Народное христианство, в структуре которого большое значение имеет почитание материальных объектов, таких как иконы, мощи, реликвии, допускает сакрализацию или просто наделение религиозным смыслом объектов живой и неживой природы, а также по сути всего окружающего человека пространства, включая постройки, памятники, архитектурные сооружения разных типов со всем разнообразием их элементов. Один из таких элементов – колонна. В храмах колонны совмещали роль необходимой конструктивной детали с эстетическими функциями и решали задачу организации церковного пространства. С разными целями они устанавливались на улицах и площадях городов. Развившееся со временем восприятие некоторых колонн в качестве предметов, наделенных сверхъестественной силой и по сути равных реликвиям, стало специфическим проявлением религиозной картины мира, утвердившейся в сознании византийцев.

Изначально следует отметить, что дефицит информации о формах почитания колонн в византийских источниках для уточнения нюансов культа побуждает обратиться к материалам греческой религиозной этнографии более позднего, даже новейшего времени. Рассмотрение феномена в рамках конкретной традиции со всеми методологическими допущениями и с учетом консерватизма религиозного сознания и поведения вполне допускает это.

---

<sup>1</sup> *Арутюнян А.Ж.* Ориентация древнеармянской карты «Ашхарацуйц». // Восток (Oriens). Афро-азиатские общества: История и современность. 2013. № 3. С. 88–94.

Один из примеров живучести верования в чудотворную силу колонн – почитание колонны св. Иоанна Предтечи в центре современных Афин. Неподалеку от перекрестка улиц Эврипида и Менандра за жилыми домами скрывается крохотный храм простейшей архитектуры. Его особенность состоит в том, что крыша сооружения как бы проткнута античной колонной, увенчанной коринфской капителью, которая возвышается над постройкой (см. фото 1). Основные компоненты связанного с колонной верования зафиксированы этнографами еще в начале прошлого столетия.



*Фото 1. Храм с коринфской колонной*

Легенда утверждает, что св. Иоанн перед смертью успел передать свою чудотворную силу этой колонне. Затем она оказалась в Афинах и с тех пор служит людям, исцеляя их от недугов. Чтобы изгнать хворь, следует извлечь нить из одежды больного или опоясать его полоской ткани, а затем обвязать их вокруг колонны, что является универсальным для народной религиозности ритуалом передачи болезни. Можно с большой долей вероятности предполагать, что подобный способ обращения с почитаемыми колоннами присутствовал и в арсенале византийцев.

Что касается истоков и первоначального развития сакрализации колонн, то банальным будет утверждение, что они восходят к античным временам. Но в период ранней истории христианства были заложены основы собственного специфического восприятия этих объектов. Само Священное Писание, в котором столпы (столбы, колонны) используются как образ и метафора и упоминаются более ста раз, наделило их религиозным смыслом. Напомню, что Бог являлся еврейскому народу в двух видах столпов, а в Новом Завете даже Церковь названа «столпом и утверждением истины» (1 Тим. 3:15).



По мере развития христианского культа почитание колонн заняло в нем весьма заметное место, как на официально-церковном, так и на народном уровнях. Из наиболее известных примеров напомним о колонне бичевания Христа, два варианта которой до сих пор популярны у паломников в Риме (базилика Санта Прасседе) и в Стамбуле (церковь св. Георгия). На Кипре в Пафосе почитается колонна бичевания ап. Павла. Широко известна Лиддская икона Богоматери, первоначально явившаяся на столпе. Первое чудо св. Георгия было связано с колонной, которую он чудесным образом помог вдове доставить в строящийся храм.

Существенно и то, что по мере развития христианской литературы в ней занял свое место образ святого как столпа, опоры веры. Почитание святых столпников сопровождалось почитанием их столпов. Примеры такого рода можно умножить, и они рассматриваются в докладе. Но нельзя обойтись без упоминания сложнейшего культового комплекса храма св. Софии в Константинополе, в котором колонны, числом более ста, играют исключительно важную роль, что отражено в многочисленных исследованиях о специфике архитектуры церкви. Для данной темы важно, что их сакрализация началась уже на этапе строительства, поскольку то ли в базы, то ли в места соединения с капителями, закладывались мощи святых.

Сохранился связанный с этим фактом широко известный объект – «плачущая» или «мокрая» колонна в северо-западном углу храма. Источники византийского времени связывают ее с почитанием св. Григория, скорее всего, Богослова, мощи которого были в ней замурованы, и наделяют ее исцелительной силой. Свидетельства более позднего, уже турецкого периода, утверждают, что когда-то колонна стояла в доме, где жила Дева Мария, и объясняют ее чудотворное могущество тем, что имеющееся на ней углубление в мраморе как бы выжжено горячими слезами Богоматери, узнавшей о страданиях Иисуса. Религиозный фольклор мог развиваться и приводить к новым интерпретациям известных явлений. Неизменным оставался интерес византийцев к колоннам как разновидности чудотворных реликвий, связанных с персонажами священной истории и святыми, в качестве заместителей которых они могли выступать, будучи окружены традиционным для народного благочестия комплексом почитания.



**О. А. Барынина**

*Санкт-Петербургский государственный университет промышленных технологий и дизайна (Санкт-Петербург)*

### **Македонский ренессанс как историческая проблема**

Понятие «Македонский ренессанс», введенное немецким историком искусства Куртом Вейцманом в 1948 г.<sup>1</sup> при анализе так называемого Свитка Иисуса Навина<sup>2</sup>, продолжает использоваться в исторической науке, но по-прежнему в основном только для характеристики состояния художественной культуры. Так, и О. Демус<sup>3</sup>, и К. Вейцман с своих дальнейших исследований<sup>4</sup> определяют ренессансные черты македонского периода как продолжение и «оживление» античных традиций. Такой подход к толкованию понятия «Македонский ренессанс» до сих пор используется в научной литературе<sup>5</sup>. На наш взгляд, невозможно ограничить только эллинизирующими или (и) гуманистическими чертами ренессансные явления. Скорее мы согласимся с мнением И. Шевченко, готового принять «нарочитый термин “Македонский Ренессанс”, если только он не равнозначен “классицизму”, но обозначает, так сказать, всецело улучшенное качество»<sup>6</sup>.

Нам уже приходилось говорить о том вкладе, который внесла отечественная школа византиноведения (прежде всего дореволюционная) в изучение одного из самых интересных периодов в истории Византии – времени правления Македонской династии (867–1056 гг.)<sup>7</sup>. Современное состояние как отечественной, так и западной историографии в отношении Македонского ренессанса освещено нами в другой публикации<sup>8</sup>. В настоящей работе нам хотелось бы, обобщив существующие в современной исторической науке точки зрения и мнения, допустить возможность определить Македонский ренессанс не только как период расцвета художественной культуры и эллини-

<sup>1</sup> *Weitzmann K.* The Joshua Roll: A Work of the Macedonian Renaissance. [Studies in Manuscript Illumination, 3]. Princeton, 1948.

<sup>2</sup> Joshua Rotulus, Cod. Vat. Pal. gr. 431.

<sup>3</sup> *Demus O.* Die Rolle der byzantinischen Kunst in Europa // *JÖBG.* 1965. 14. S. 141.

<sup>4</sup> *Weitzman K.* The Classical Mode in the Period of the Macedonian Emperors: Continuity or Revival? // *Byzantina kai Metabyzanina, I: The ‘Past’ in Medieval and Modern Greek Culture* / Ed. by S. Vryonis, Jr. Malibu, 1978. P. 71–85.

<sup>5</sup> *Мишакова И. А.* К историографии средневизантийского Ренессанса // *Проблемы всеобщей истории: Сб. статей.* М., 1974. С. 300–316.

<sup>6</sup> *Шевченко И. И.* Перечитывая Константина Багрянородного // *ВВ.* 1993. Т. 54. С. 26.

<sup>7</sup> *Барынина О. А.* Македонский ренессанс в исследованиях отечественных византинистов // *Российское византиноведение: Традиции и перспективы. Тез. докл. XIX Всероссийской научной сессии византинистов.* М., 2011. С. 35–36.

<sup>8</sup> *Барынина О. А.* Македонский ренессанс в современной историографии // *Международная научно-практическая конференция «Петербургские чтения. Русский мир: пути цивилизационных взаимодействий»:* Сб. ст. СПб., 2019 (В печати).

зации интеллектуальной жизни, но как явление, затронувшее все сферы общественной жизни империи и предопределившее дальнейшие исторические процессы не только в самой Византии, но и далеко за ее географическими и хронологическими пределами.

Македонский ренессанс стал, с одной стороны, временем концентрации всего того, что мы называем «византизмом» (как это уже отмечено исследователями), а с другой – периодом максимального же впитывания и распространения «синтетических» византийско-арабских черт на другие, формирующиеся культуры<sup>1</sup>. Ярким примером всей сложности происходящих в македонскую эпоху процессов может послужить трактовка образа Иисуса Навина, которая нашла свое отражение в памятниках интересующего нас времени.

Тенденции к тому, чтобы оценить период македонского правления как значимый не только в истории искусства, наблюдаются и в современной византинистике. Так, А. Камерон считает, что Македонский ренессанс не в меньшей, а, вероятно, в большей степени был временем расцвета литературы, чем расцвета искусства<sup>2</sup>. С ней соглашаются и историки права, говоря о «ренессансном» характере процессов, происходящих в правовой культуре Византии интересующего нас периода<sup>3</sup>.

Интеллектуальную жизнь империи и отношение к античному наследию в Византии до X в. достаточно подробно проследил еще П. Лемерль<sup>4</sup>. Много сказано и об интеллектуализме палеологовской эпохи<sup>5</sup>. Историки говорят о нем как о предшествующем и вдохновившем интеллектуальный взлет европейского Возрождения<sup>6</sup>. На наш взгляд, истоки интеллектуального подъема как поздневизантийского, так и общеевропейского, мы можем видеть именно в Македонском ренессансе.

Само понятие «ренессанса» предполагает не только количественные, но и качественные изменения в культуре, и таковые, на наш взгляд, произошли в период Македонского ренессанса. Очевидно, много из достигнутого было

---

<sup>1</sup> Один из наглядных примеров этого явления может служить распространение так называемого «куфического орнамента» на памятниках этого времени. См.: *Pedone S., Cantone V. The pseudo-kufic Ornament and the Problem of Cross-Cultural Relationships between Byzantium and Islam // Opuscula historiae artium. 2013. Vol. 62. iss. Suppl. P. 120–136.*

<sup>2</sup> *Cameron A. M. The Byzantines. Oxford, 2006. P. 156.*

<sup>3</sup> *Chitwood Z. Byzantine Legal Culture and the Roman Legal Tradition, 867–1056. Cambridge, 2017. P. 182.*

<sup>4</sup> *Lemerle P. Le premier humanisme byzantin: notes et remarques sur enseignement et culture à Byzance des origines au X<sup>e</sup> siècle. P., 1971.*

<sup>5</sup> Назовем только основные отечественные исследования по этой теме: *Медведев И. П. Византийский гуманизм XIV–XV вв. СПб., 1997; Куц Т. В. На закате империи: интеллектуальная среда поздней Византии. Екатеринбург, 2013.*

<sup>6</sup> *Cameron A. M. The Byzantines. P. 77.*



утрачено и не стало частью того, что определяло византийскую культуру в дальнейшем, но с учетом тех масштабов исторических процессов, которые связаны с правлением Македонской династии, мы можем говорить о влиянии Македонского ренессанса на последующие исторические и культурные процессы не только с точки зрения сохранения так называемого классического наследия (о чем уже сказано немало), но и с учетом трансляции духа новаторства и свободы, что, как нам кажется, определяет любой ренессанс не в меньшей степени, чем «возрождение» прошлого, и что отличает Македонский ренессанс от последующих византийских ренессансов.

*М. Н. Бахматова*

*Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова  
(Москва)*

### **Запад и Восток в философии истории Никифора Григоры и Л. Н. Толстого**

Связь между византийской и русской духовностью и их противостояние западной латинской традиции является одной из наиболее плодотворных тем исследования последних двух столетий. В связи с этим хотелось бы сопоставить некоторые аспекты мировоззрения двух великих мыслителей второго тысячелетия нашей эры: русского писателя Л. Н. Толстого (1828–1910) и византийского историка XIV в. Никифора Григоры (прим. 1290/4–1359/61). Григора и Толстой, соответственно, в труде «Римская история» и романе-эпопее «Война и мир» описали два кризисных периода в истории «второго» и «третьего» Рима, когда «силы двенадцати языков» ворвались из Европы сначала, в ходе Четвертого крестового похода 1204 г., в Византию, а затем, в ходе наполеоновских войн в 1812 г., в Россию.

Оба автора, горячие патриоты своей родины, чувствовали потребность переосмыслить исторические события, поставившие под угрозу их отечество, понять глубинные причины трагических событий недалекого для них прошлого. Ключевым вопросом становится вопрос взаимоотношений между Западом и Востоком как культурно-антропологическими реалиями, и именно в данном контексте они размышляют над судьбой общества и государства, ролью личности в истории, природой власти, закономерным и случайным в историческом процессе, а также соотношением божественного провидения и человеческой свободы, – во многом предвосхищая в своих размышлениях последующие дискурсы гуманитарного и научного характера.

Лев Толстой, исследуя проблему причинности исторических явлений, поднимает вопрос о том, какая сила производит движение народов. При этом он вписывает события войны 1812 г. в контекст всемирной истории и с неизбежностью обращается к эпохе Крестовых походов, задаваясь вопросом о



том, какими причинами было обусловлено «движение народов с запада на восток», почему миллионы «людей-христиан, исповедующих законы любви ближнего», «оставляют свои обычные занятия, стремятся с одной стороны Европы в другую, грабят, убивают один другого, торжествуют и отчаиваются, и весь ход жизни на несколько лет изменяется и представляет усиленное движение, которое сначала идет возрастая, потом ослабевая». Тем же самым вопросом задавался и Никифор Григора, пытаясь осмыслить события рокового для будущности христианской Европы XIII в., когда в результате Четвертого крестового похода происходит окончательное осознание различий между культурно-антропологическими и религиозно-идеологическими типами, сложившимися на католическом Западе и православном Востоке, вылившееся в оформление бинарной оппозиции «свой-чужой». Оба с интересом присматриваются к поведению больших групп людей – от войска до толпы простолюдинов на городской площади, – пытаясь раскрыть механизмы, влияющие на настроения того, что можно назвать коллективной личностью, опережая во времени рассуждения о «психологии толпы» Гюстава Лебона.

Авторы исследуют вопрос о соотношении коллективного и индивидуального, о роли личности в истории: конфронтация между Западом и Востоком у них олицетворяется противостоянием конкретных исторических персонажей. У Толстого это император-полководец Наполеон Бонапарт, противопоставленный императору Александру I, с одной стороны, и полководцу М. И. Кутузову, с другой. У Григоры это Михаил VIII Палеолог, объединяющий парадоксальным образом в своем лице черты, напоминающие как толстовского Александра I, так и Кутузова, и Карл Анжуйский, сделавший из завоевания Константинополя и восстановления под своей властью древней римской державы времен Цезаря и Августа цель всей своей жизни. Равновесие сил между Карлом Анжуйским и Михаилом VIII Палеологом Григора объясняет божьим промыслом, который, когда хочет, чтобы обе враждующие державы оставались независимыми, «даже крайности сводит к единому концу», создавая из них одно – безопасность.

Оба автора уделяют внимание и явлению закономерного и случайного, дискретности и континуитета в исторических событиях. Лев Толстой, вдохновленный идеями Г. В. Лейбница, вводит понятие «дифференциала истории», согласно которому движение человечества, «вытекая из бесчисленного количества людских произволов, совершается непрерывно», а иные великие события становятся результатом бесконечно малых факторов, которые вносят элемент однородности или, наоборот, хаоса, следуя своей невидимой нам логике, которая приводит к закономерному результату. Схожий взгляд на историческое развитие как на «спонтанное становление общественных систем, происходящее в итоге индивидуально мотивированного, но проявляющегося как хаотичное социального поведения» выявила у византийских

авторов К. В. Хвостова. Она отмечала, что в воззрениях византийцев существовало два типа представлений о случайном, т. е. речь шла, с одной стороны, об идеях, непосредственно восходящих к античным понятиям случая как итога совпадения причин, а с другой – о взглядах, включенных в богословские концепции сущности и явления. Такая двойственность, по мнению исследовательницы, отражает, как и многие другие проявления византийской цивилизации, ее гетерогенность. Нам думается, что толстовский «дифференциал» мог бы быть сопоставлен с двумя важными элементами исторического процесса, которые у византийских историков назывались «тихи» и «кайрос».

Другой большой проблемой, сблизившей Григору и Толстого, была проблема соотношения божественного провидения и свободы личности, непознаваемости путей господних и хаотичности человеческих поступков. Видение обоих созвучно идеям «синергии», являвшейся одним из основополагающих элементов византийской картины мира. Исходя из всего вышеизложенного, представляется очевидным факт концептуальной и мировоззренческой близости, которой – естественно, с поправкой на эпоху и культурно-исторический контекст – пронизаны страницы рассмотренных нами произведений. Близость эта обусловлена общей восточно-христианской традицией, тем «геном» родства, который является неотъемлемой составляющей процесса духовного развития наследницы «Второго Рима».

***М. В. Бибиков***

*Институт всеобщей истории РАН,*

*Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова*

*(Москва)*

### **Неизвестный греческий вариант жития Феодосия Печерского**

В непосредственной связи с трудом Иакова Неаскитиота (90-е гг. XVIII в. – 1869) «Афониада» находится кодекс, хранящийся на Афоне в рукописном собрании Русского монастыря св. Пантелеимона и обнаруженный в ходе работы осенью 2018 г. Это – Codex Athos Panteleemon. gr.283: в книге содержатся не известные доселе греческие переводы древнерусских литургических и агиографических памятников и другие материалы по русской, сербской, болгарской истории Афона. Кодекс (330x210) содержит 148 листов, и, как следует из колофона, переписан «рукой Иакова Святогорца пресвитера», т. е. известным Иаковом Неаскитиотом. Рукопись содержит греческие тексты «Последования св. Покрову», «Последования прп. Антонию Россу» (т. е. Антонию Печерскому), его «Жития», «Службы Феодосию игумену Печерскому, т. е. Пещеры» и др. На лл.35 об. – 40 об. помещено Житие Феодосия Печерского. Раздел открывает черно-красный орнамент с надписанием киноварью «Преподобного Феодосия». И далее текст леммы: «Житие вкрат-



це преподобного отца нашего Феодосия – ученика преподобного Антония, игумена Обители Пресческвуи, т.е. Пещерной». С самого начала жизнеописание Феодосия в рассматриваемом памятнике привязано к судьбе Антония Печерского, чьим учеником он был и чей «светоч взошел над Россией», по словам агиографа, сразу после кончины Антония. Начало памятника носит вводный ориентирующий читателя характер и при этом не повторяет ни один из известных текстов ни в древнерусской, ни в греческой традиции. Рождение в Василеве под Киевом, происхождение, рассказ о родителях преподобного, о переселении семьи в Курск – все это кратко описывается в соответствии с Киево-Печерской патериковой традицией. К ней же восходит свидетельство о подвижничестве будущего святого, облекшего свое тело железными веригами, рассказ о непонимании его устремлений собственной матерью, чинившей препятствия аскетическому подвигу. Вместе с тем, в греческом тексте отсутствует сюжет о желании и попытке юного Феодосия отправиться вместе с проходившими мимо паломниками в Святую землю, в Иерусалим. Здесь кратко упомянуто, что мать вернула юношу, отправившегося было в Киев. С другой стороны, эмоционально описана встреча и знакомство Феодосия с Антонием Печерским, ставшим его наставником и учителем на всю жизнь. Он же его посвятил в монастырскую жизнь и благословил на иночество, поручив священнику Никону постричь двадцатитрехлетнего молодого человека «в святую схиму».

Дальнейшую жизнь Феодосия в обители агиограф подчеркнуто привязывает к определенному историческому моменту – к «правлению («игемонию») Иерослава Киевского – сына Владимира – эксусиаста России». Повествование о беспрестанной борьбе с бесами преподобного близко к аналогичному тексту греческого Афонского Синаксаря Макария Симонопетрского.

Эпизод с матерью Феодосия, пришедшей к Антонию в поисках сына и умолявшей его вернуться домой, на что Феодосий в ответ посоветовал ей постричься в женский монастырь св. Николая, что и случилось — все это изложено в соответствии с древнерусским Житием Феодосия по Успенскому сборнику. Рассказ об уходе преп. Никона соответствует в целом тому же тексту, но с уточнением, что Никон отбыл сначала в монастырь св. Мины вместе с неким болгарским иноком. Здесь же следует сообщение о возведении Антонием Феодосия в священнический сан. В это же время Антоний поставляет игуменом Киево-Печерским Варлаама, а сам удаляется в другую пещеру – так вкратце повторяется киево-печерский сюжет. Повторяет Иаков Неаскитиот и рассказ о трудных условиях жизни печерских иноков: о голоде, стеснении, отсутствии средств и орудий для обработки земли, о нехватки хлеба и дров для огня.

Далее следует сообщение о переводе киевским князем Варлаама в монастырь св. Димитрия в качестве игумена. Тогда печерская братия, насчитывав-

шая двадцать человек, попросила Антония поставить своим игуменом Феодосия. Все это излагается в последовательности Киево-Печерского Жития и Афонского Синаксаря Макария. С ними же в соответствие приведен рассказ о расширении монастыря, о новом строительстве, в частности, Успенского собора, а также о заботах Феодосия по обретению Студийского и Святогорского монастырского устава. Правда, и в Киево-Печерской, и Симонопетрской Макариевской версиях текста речь идет о получении только в Студийского Типикона, тогда как введение афонской редакции св. Саввы обычно связывалось уже с деятельностью Киприана Киевского. В анализируемом же памятнике дело об обретении Студийского устава приписано некоему монаху-студиту в России (в ПВЛ названо его имя – Михаил), пришедшему сюда вместе с митрополитом Георгием из Константинополя. Этот устав и распространился по обителям страны.

В греческом Житии подробно излагается эпизод с приказом Феодосия закрыть ворота монастыря после трапезы вплоть до вечерни, так что даже князь Изяслав не смог пройти к преподобному в неурочный час, нарушая его уединение. Весь этот пассаж изложен по-гречески в соответствии с текстом Жития в Успенском сборнике. В таком же почти виде воспроизведен эпизод с возникшим повозки, выданной князем для доставки Феодосия из Киева в монастырь. В целом сюжетно повторяет древнерусский текст и рассказ об утаенных келарем хлебах на праздник св. Димитрия и о чудесном разоблачении ослушания преподобного, как и эпизод с попыткой кражи разбойниками утвари, икон и проч.

Менее детально и со смещением акцентов описан в греческом Житии случай с «боярином Изяслава», пообещавшего пожертвовать монастырю оклад на образ Богородицы, но забывшего об обете, лишь только выжил в жестоком бою. В отличие от русского текста не упоминается ни имени «архонта» (Климент), ни имени князя (Изяслав); и раскаявшийся герой события приносит в дар монастырю святое Евангелие (в русском оригинале вклад был сделан по первоначальному обету).

Рассказы о благословении умирающим Феодосием на дальнейшее игуменство Стефана и о приходе в обитель, после слуха о кончине преподобного и появлении чудесного свечения, князя Святослава, свергнувшего брата Изяслава, воспроизведены в греческом тексте, но, что характерно, без упоминания имени Святослава. Обстоятельства упокоения Феодосия, его погребения, перенесения затем его мощей, начала игуменства Стефана излагаются скорее в соответствии с текстом Повести временных лет (год 6582/1074).

Заключительная часть греческого Жития не находит соответствия ни в одном из известных русских или греческих текстов: в тексте, писанном другой рукой, сообщается о нахождении в той же обители останков ста десяти



праведников, а также мастеров-строителей собора и художников, расписавших храм монастыря.

**Н. Н. Болгов**

*Белгородский государственный национальный исследовательский университет (Белгород)*

### **Захария Ритор и его сочинение «Жизнь Севира Антиохийского»**

Захария упоминается в источниках как «схоластик», «ритор» или «(епископ) Митилены». «Scholastikos» он именуется в рукописях «Жизни Севира» и «Жизни Исаяи», а также в рукописях диалога «Аммоний». Напротив, Захария как автор «Церковной истории» регулярно упоминается как «ритор», как и в различных ссылках на него в «Церковной истории» Евагрия (Hist.Eccl. II.2.10; III.5.9). Исходя из предположения, что все три эпитета относятся к одному и тому же человеку, можно построить схему жизни Захарии, более раннюю часть которой в значительной степени основывают на его собственных работах, и, в частности, на информации из «Жизни Севира».

Родился он в Майуме близ Газы, вероятно, во второй половине 60-х гг. V в. и, возможно, был братом Прокопия Газского. Вполне вероятно, что сначала он учился в школе Газы, а затем переехал (в 485 г.) в Александрию для продолжения обучения. Там он посещал лекции Аммония и стал членом группы студентов-христиан – «филопонов».

Во время своего пребывания в Александрии он впервые встретился с Севиром, приехавшим из Писидии и ставшим учиться вместе с Захарией. На этом этапе их знакомство было не особенно близким, поскольку Захария рассказывает, как он был приятно удивлен тем, что Севир вспомнил о нем, когда он прибыл в Бейрут через год после того, как Севир уже начал там юридическое обучение. Но затем между ними завязалась тесная дружба, и Захария всерьез заинтересовал Севира христианством, порекомендовав ему книги для чтения. Севир после крещения вступил в монашескую жизнь, а Захария занялся юридической практикой в Константинополе. Захария снова встретился с Севиром во время длительного визита последнего в столицу в 508–511 гг., и они явно продолжали оставаться в тесном контакте даже после смещения Севира с антиохийской кафедры в 518 г. Когда Юстиниан вступил на престол в 527 г., Захария, очевидно, был схоластиком с определенным положением, выпустившим антиманихейскую книжицу. Когда и как Захария стал епископом Митилены, неизвестно, но можно предположить, что это было в начале 30-х гг. VI в. Захария записан как епископ Митилены, присутствовавший в мае 536 г. на первых четырех сессиях Константинопольского собора. Пятая сессия закончилась осуждением его старого однокурсника Севира. Исход собора был для него тяжелым ударом, как и для любой дальнейшей возможно-

сти примирения между халкидонитами и миафизитами. Как Захария отреагировал на это и когда умер, остается неизвестным.

Возможно, в то время, когда он еще был в Берите, Захария написал «Жизнь Петра Ивира» (почти полностью утраченную; существующий вариант, вероятно, принадлежит Иоанну Руфу) и «Жизнь Исайи». Даты его других работ остаются неясными. «Церковная история», иногда также упоминаемая как «Хроника», длится до 491 г., но дата завершения работы может быть более поздней. Его философский диалог «Аммоний» обычно датируется 90-ми гг. V в., до отъезда в Константинополь. Две короткие работы Захарии против манихеев должны датироваться временем антиманихейского законодательства Юстиниана в начале его правления.

«Жизнь Севира», очевидно, датируется 512 г., но была ли она написана во время активного пребывания Севира в Антиохии (как это обычно принято считать) или относится к началу 520-х гг. (как считает Э. Уоттс), не ясно. Хотя эту работу Захарии традиционно называют «Жизнь», это на самом деле вводит в заблуждение, потому что это отнюдь не обычная биография, а скорее памфлет — ответ на некую непристойную книжицу, выпущенную противником Севира, утверждавшим, что в его студенческие дни в Берите Севир участвовал в языческих жертвоприношениях. Захария, который был сокурсником Севира в Александрии, а затем в Берите, натолкнулся на эту брошюру в Константинополе, где он в то время занимался адвокатской практикой, и был полон решимости опровергнуть ее.

Сочинение сохранилось в единственной сирийской рукописи 740/1 г. Оно имеет различные пагинации, в последнем английском издании 2013 г. принято деление на 160 глав, которые охватывают жизнь Севира от его рождения до вступления на престол патриарха Антиохии в 512 г. (патриарх в 512–518 гг., умер в 538 г. в Египте).

Захария приводит два подробных эпизода о студентах, одного в Александрии, а другого в Берите, которые были вовлечены в языческие обряды или магию, тогда как Севир этого не делал, а во втором случае действовал в качестве советника христиан, целью которых было обличать любые магические практики. Случай в Александрии касался языческого студента Паралия, который в конечном итоге принял христианство (пп. 12–58). Второй пример (пп. 74–102), взятый из студенческой жизни в Берите, касается некоторых студентов-юристов, которые увлекались магическими практиками, среди которых Севир снова явно не числился.

Захария старался изображать Севира как христианина, хотя тот был настолько сосредоточен на учебе в Берите, что долго откладывал крещение. Это произошло только после того, как он закончил учебу. Захария не мог не знать, что Севир происходил из нехристианской семьи, но, хотя он никогда не



отрицал языческого происхождения Севира, он (без сомнения, умышленно) оставлял у своих читателей впечатление, что его герой был христианином.

Изучение наследия Захарии в целом и «Жизни Севира» в частности активизировалось в последние годы (текст, изданный Кугенером в 1904 г., переиздан в 1993 г.; недавно вышло сразу два английских перевода: Амбьорн, 2008; Брок-Фитцджеральд, 2013), и это не может не радовать, так как данный текст является важным источником по истории высшей школы в ранней Византии (Watts, 2005; Болгова, 2018), в частности, относительно александрийской риторики, филопонов, школы Горуполлона, школы права в Берите, характера обучения и повседневной жизни студентов. Весьма ярки картины финальной борьбы с языческими идолами в Египте (пп. 33–34), эпизоды религиозной борьбы и монашеской жизни в Газе (пп. 129–147), магических практик в высших школах и др. Написанное живым языком свидетеля и участника событий, данное сочинение, несомненно, привлечет внимание исследователя ранней Византии.

***А. М. Болгова***

*Белгородский государственный национальный исследовательский университет (Белгород)*

### **Беритская школа права в изображении Захарии Схоластика**

Как известно, ведущей школой права в Ранней Византии была юридическая школа в Берите (Collinet 1925; Hall 2005). Берит привлекал студентов, которые хотели освоить римское право у самых известных профессоров. Захария Схоластик в «Жизни Севира» использует термин «мать законов» (ср. в Дигестах: *legum nutrix*, «питательница законов»). В своем сочинении он упоминает о студентах-законоведах из Армении, Малой Азии, Египта, Иллирии, Ликийи и других регионов, которые обучались в Беритской школе.

В «Жизни Севира» Захарии Схоластика мы находим самый обширный круг сведений о городской жизни и школе позднеантичного Берита. Это сочинение – отчасти биография, отчасти памфлет – было написано человеком, бывшим беритским студентом, поэтому ему можно доверять как в целом, так и в основных деталях. В «беритской» части этой работы (пп. 74–102) подробно описан конфликт из-за «магических книг», в который оказались втянуты четыре основные группы населения (имперские чиновники, церковные служащие, городские жители, поселяне), а движущей силой конфликта стали беритские студенты-филопоны («трудолюбывы»), которые со второй половины V в., когда они впервые появились в Александрии, не только обучались сами, но и ревностно следили за тем, чтобы содержание образования в высших школах империи не сопровождалось языческими религиозными практиками (при сохранении в значительной мере его классической основы).

Собственно, сама «Жизнь Севира» была написана как ответ на непристойную брошюру, выпущенную противником Севира, в которой утверждалось, что в студенческие годы в Берите тот принимал участие в языческих жертвоприношениях.

Захария подробно описывает взятый из студенческой жизни Берита эпизод о студентах, которые были вовлечены в борьбу с языческими обрядами и магией. В нем идет речь как о некоторых студентах-юристах, которые увлекались магическими практиками, так и горожанах – бывших студентах, имевших юридические книги. В этом эпизоде Севир действует в тесной взаимосвязи с другими христианами, так что создается полное ощущение того, что он также христианин, не уступающий самому вождю филопонов Евагрию в аскетизме (п. 73). Цель филопонов, в том числе и в Берите, заключалась в обличении и искоренении любых магических практик.

Захария называет имена некоторых студентов-юристов, которые приобрели в городе репутацию адептов магических практик. Это были Георгий из Фессалоники, Хрисаорий из Тралл, Асклепидот из Гелиополя, некий армянин, а также и другие, имевшие схожие наклонности. Они были помощниками Иоанна по прозвищу Сукновал, который происходил из египетских Фив. Они усердно занимались безбожной деятельностью (п. 74). Верхом их безбожия стала попытка убийства в магических целях ночью на ипподроме эфиопа-раба (п. 75). Интересна фраза о том, что «человек, который интересовался магией, был известен практически всем, кто изучал право в городе» (п. 77); он и был главным участником этого инцидента. Далее следует замечательная сцена, в которой группа филопонов терпеливо и вежливо вынуждает этого хозяина магических книг, египтянина, раскаяться, признаться в преступлении, добровольно выдать их и собственноручно сжечь (пп. 80–83). Через этого египтянина вскоре были установлены и все остальные владельцы магических книг (п. 87–88). Особенно досталось магистру Леонтию за увлечение астрологией (п. 89). Далее рассказывается о кознях лже-мага Хрисаория (пп. 95–102).

Из сочинения Захарии мы также узнаем о том, что студенты-новички в Берите назывались *dipondii* (термин имеет неоднозначное значение, поскольку латинский *dipondii* обычно относится к низкому жалованью, которое получают новобранцы) и подвергались целому ряду неформальных «ритуальных» воздействий со стороны *ediktalioi*. Это были студенты второго курса, называемые так потому, что их основным текстом для обучения были *Libri ad Edictum* Ульпиана (Collinet 1925, 99; MacAdam 2001/2, 212–213). Захария специально подчеркивает, что при этом не приходилось мириться с чем-то постыдным, но старшие студенты делали это просто для смеха, ради шутки (п. 62). Захария, поступивший в школу на год позже, думал, что Севир будет особенно склонен к такого рода обычаям, но, к счастью для себя, ошибся.



Захария отмечает, что он сам поступил в школу Леонтия, сына Евдоксия, самого авторитетного, по его мнению, профессора права в то время (конец V в.). Этот Леонтий фигурирует в Кодексе Юстиниана (CJ 1.17.2.9). Помимо этого, он известен только из текста Захарии (PLRE II, 672 «Leontius 20»; Collinet 1925, 147–149; Szabat 2007, 275). Также из этой главы становится ясно, что «большая» школа права в Берите могла делиться на ряд более мелких «школ», связанных с тем или иным преподавателем.

После занятий студенты-христиане (в том числе Захария) отправлялись в близлежащий храм Анастасии (п. 63), чтобы помолиться, а затем могли отправиться в церковь Марии Богоносной в центре города, расположенную недалеко от гавани. В п. 71 упоминается также церковь Воскресения. Возможно, Анастасия является испорченным Anastasis, церковью, которую Захария (Hist.Eccl. IV.9) отождествляет с храмом, который был построен епископом Евстафием в середине V в.

Самоидентификация в качестве студентов-юристов и будущих юристов была важна для молодых людей, стремящихся стать «схоластиками» в Берите. Севир и Захария определяли себя, прежде всего, как студенты юридических факультетов и будущие адвокаты с самого начала своего пребывания в Берите. Их самоидентификация сменилась на образ религиозных аскетов в ходе их проживания там. Тем не менее, интересно, что Севир и Захария, обычно посещавшие храм Марии Богоносной, специально посетили другую церковь с конкретной целью – возможностью брать там книги из библиотеки одного из священнослужителей.

### ***С. Г. Бочаров***

*Институт археологии имени А.Х. Халикова Академии наук Республики Татарстан, Казанский (Приволжский) федеральный университет (Казань)*

#### **Археология генуэзской Газарии. Введение в научную проблему**

Генуэзская республика в XIII–XV вв. в Северном Причерноморье создала цельную систему городов и торговых поселений. В политическом отношении последняя стала особым государственным образованием на краю Европы, подчиненным Генуе и основанным на Золотоордынских землях. Это государственное образование наряду с Золотой Ордой (позднее Крымским ханством) и Византийской империей (позднее Османской империей и княжеством Феодоро) определяло политическую обстановку в Северном Причерноморье и влияло на все значимые события в регионе.

Данная система возникла не сразу и развивалась в несколько этапов. В своем законченном виде к концу XIV в. она состоит из городов и поселений в дельте Дуная (Килия и Ликостомо), северном берегу Черного моря (Маврокастро, Зинестра, Иличе), Азовского побережья и дельты Дона (Портети, Пала-

стра, Кабарди, Тана, Пексо), Таманского полуострова (Копа, Матрега), побережье Северного Кавказа (Мапа, Мавро Лако). Главное место в этой системе занимают четыре города Крымского полуострова (Каффа, Солдайя, Чембало, Воспоро), их сельские округа, деревни и замки Южного берега Крыма<sup>1</sup>. Столицей этих владений был крымский город Каффа, глава которого – консул – был верховным правителем для всей этой территории. Здесь мы указали только основные пункты (рис. 1), существовала целая сеть селений и якорных стоянок по побережью Черного и Азовского морей, которые способствовали



каботажному плаванию и торговому обмену и были нанесены на компасные карты-портоланы.

При этом перед нами встает важнейший вопрос: как называть это политическое образование и, соответственно, к чему относить все материальные археологические свидетельства им оставленные?

Сегодня вопросы генуэзского присутствия в Северном Причерноморье на землях, принадлежавших основанному монголами государству Улус Джучи, в зависимости от исследовательского вектора являются одной из составных частей либо византинистики, либо изучения Золотой Орды. В византиноведческих штудиях существует общее понятие Латинской Романии: по определению С. П. Карпова это совокупность владений западноевропейских феодалов, а также итальянских морских республик, Генуи и Венеции, на тер-

<sup>1</sup> Бочаров С. Г. Археология Латинской Газарии: определение термина и научное содержание // Труды III Международного конгресса средневековой археологии евразийских степей «Между Востоком и Западом: движение культур, технологий и империй» / Под ред. Н. Н. Крадина, А. Г. Ситдикова. Владивосток, 2017. С. 57–58.



ритории Византийской империи в целом<sup>1</sup>. В отдельные области изучения выделяется Генуэзская Романия как предмет для исследования всего комплекса присутствия республики св. Георгия на византийских землях<sup>2</sup>.

В рамках Генуэзской Романии принято выделять Генуэзскую Газарию. Под термином Генуэзская Газария в подавляющем большинстве случаев понимаются все владения Генуэзской республики на Крымском полуострове. Правильно ли это? По моему мнению, термин Генуэзская Газария было бы верным применить для всей совокупности генуэзских владений на землях Золотой Орды и особенно для прибрежных северо-причерноморских ордынских территорий. Ключевым для Средних веков был вопрос владения землей. Исходя из этого критерия нам необходимо выделить Генуэзскую Газарию в отдельное политическое образование, т. к. разрешение на обустройство своих поселений в Северном Причерноморье республика св. Георгия получала не от византийских императоров, а от других владельцев – ханов Золотой Орды и основывала их не на византийских, а на ранее принадлежавших золотоордынскому государству землях. Несомненно, появление генуэзцев в Северном Причерноморье было частью общего исторического процесса латинского проникновения на земли Византийской империи, но основное локальное отличие между Генуэзской Газарией и Генуэзской Романией состоит именно в пункте: кто был собственником тех земель, на которых генуэзские торговцы обустроивали свои поселения.

В географическом выражении это территория северного побережья Черного моря (включая крымское) и все побережье Азовского моря с близлежащими территориями от устья Дуная с городами Килия и Ликостомо до Геленджикской бухты (пункт Мавро Лако). Четких государственных границ в прямом смысле у этой территории не было – это прибрежные зоны, находившиеся под властью ханов Золотой Орды, а после середины XV в. – под властью их преемников, где в золотоордынских городах генуэзцы получали отдельные кварталы, пользовались автономными правами или основывали на побережье свои поселения. Крымский полуостров был исключением в этой системе – там генуэзцы обустроили целую систему городов с сельскими округами и четкими административными границами (рис. 2). Предметом археологического изучения Генуэзской Газарии может быть вся совокупность материальных свидетельств генуэзского присутствия на очерченной территории: культурные напластования и их отдельные составляющие городов, селений, некрополей, якорных стоянок и других памятников, в хронологических

<sup>1</sup> *Карпов С. П.* Латинская Романия. СПб., 2000. С. 9.

<sup>2</sup> *Balard M.* La Romanie Génoise (XIII<sup>e</sup> – début du XV<sup>e</sup> siècle). Paris, 1978. Т. 1. P. 6–7.

рамках от первого появления в третьей четверти XIII в. и до 1475 г.<sup>1</sup>, когда армия и флот османского султана Мехмета II под руководством великого визиря Гедик Ахмед-паши при поддержке татар захватывает Каффу и все генуэзские владения на Крымском полуострове, Приазовье и на Западном Кавказе. Этим событием заканчивается эпоха генуэзского присутствия в Северном Причерноморье и политическое образование Генуэзская Газария исчезнет с истори-

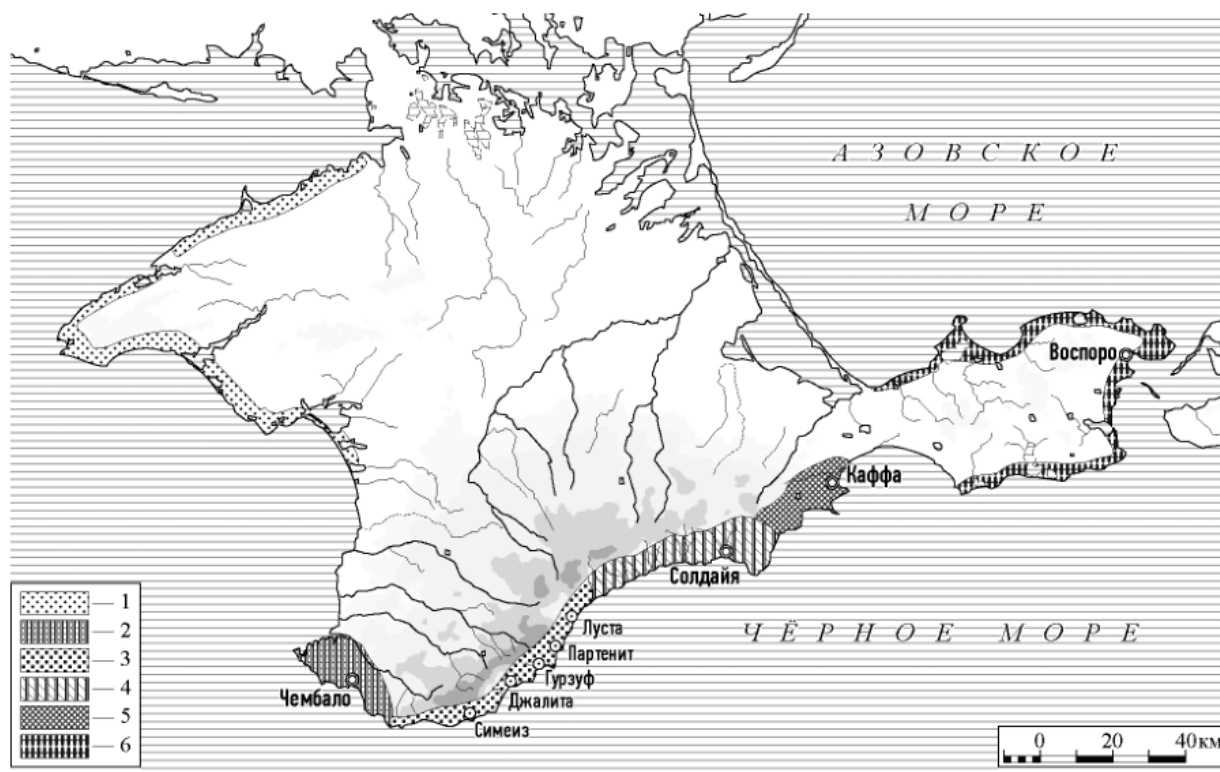


Рис 2.

ческой арены.

**Ю. В. Бузанаков**

*Белгородский государственный национальный исследовательский университет (Белгород)*

### **Эволюция крепостных сооружений ранневизантийской Антиохии в IV–VII вв.**

Антиохия Великая известна как жемчужина византийского Востока. Анализ источников и литературы позволяет сделать вывод, что Антиохия представляла собой культурный, экономический и политический центр ранневизантийской Сирии. Логично предположить, что подобное значение города должно вызвать адекватные меры по его защите. Однако известно, что

<sup>1</sup> Бочаров С. Г. Археология Генуэзской Газарии XIII–XV вв. Определение термина // Научные ведомости Белгородского государственного университета. История. Политология. 2018. № 15 (264). Вып. 43. С. 71–72.



Антиохия не выдержала ни одного нападения войск противника. Подобное явление включает в себя целый комплекс причин – политических, экономических и т. д. В данной работе мы попытаемся найти ответ на вопрос о слабых местах Антиохии в фортификационной топографии города, изучив эволюцию ее защитных сооружений.

Первые антиохийские укрепления упоминаются Иоанном Малалой. Из его «Хронографии» можно узнать, что первоначально поселения на горе не входили в состав города, т. к. Селевк окружил стенами только равнинную часть (Malala. VIII. 13–14).

Под римским владычеством стали активно сооружаться бани, акведуки, базилики и места для развлечения (театр, ипподром), была застроена часть города на горе. Однако мы не знаем, была ли укреплена эта часть города. Малалой упоминаются некие стены, построенные при кесаре Тиберию. Тем не менее, точных размеров и протяженности этих укреплений мы не знаем (Malala. XIII. 40).

Следующее упоминание городских оборонительных сооружений встречаем снова у Малалы. Рассказывая о периоде правления Феодосия Великого, автор сообщает, что к его времени Антиохия значительно разрослась, и некоторые здания находились на расстоянии мили от городских стен. Тогда император Феодосий приказал, чтобы дома за пределами города были окружены стеной. Стена была построена от ворот Филонавта до местечка Родион; при этом новая стена сомкнулась с горой, вплоть до старой стены, построенной Тиберию. Он протянул новую стену вплоть до потока Фирмин, который спускается в ущелье в горах. Он также снес акведук, идущий на Акрополь, отделив его от «вод лаодикейской дороги» (Malala. XIII. 40). Известно, что материалом для строительства послужил камень из старого Мономахиона, который был на Акрополе. Стоит отметить, что в это же время многие другие небольшие сирийские города также обзавелись стенами (Malala. XIV. 13).

Далее Малала вообще не упоминает вплоть до времени Юстиниана о строительстве каких-либо новых объектов, кроме восстановления пострадавших в пожарах и землетрясениях. О строительстве укреплений Малала также не сообщает, игнорируя, кроме этого, и строительную деятельность Юстиниана по реконструкции города после захвата последнего персами в 540 г.

Возможно, самое полное описание городских укреплений мы встречаем у Прокопия Кесарийского, в контексте описания византийско-персидских войн. Первое упоминание Антиохии в интересующем нас ракурсе мы встречаем в «Войне с персами». Царь «сарацинов» Аламундар во время аудиенции у персидского шаха Кавада предложил последнему совершить поход не традиционно в Месопотамию, а отправиться в Сирию к богатому городу Антиохия (Procopius. Bell. 1. XVIII. 34). По сообщению Аламундара, город этот по богатству, обширности и многолюдству первый из всех городов, имеющих

у римлян на востоке. И в нем нет ни охраны, ни войска (Procopius. Bell. 1. XVIII. 36). В этом сообщении дается довольно яркая и емкая характеристика ранневизантийской Антиохии, в том числе, в вопросе фортификации города.

Во время вторжения шахиншаха Хосрова в 540 г. Юстиниан отправил в Антиохию своего двоюродного брата Германа с тремястами спутниками, пообещав послать вскоре большое войско (Procopius. Bell. 2. VI. 10). Прибыв в Антиохию, Герман обошел кругом все стены и большую часть их нашел хорошо укрепленными. Вдоль той части стен, которая находится на равнине, протекает река Оронт, что делает ее на всем протяжении недоступной для вражеской атаки. Те же стены, которые тянулись по склону горы, поднимаясь по отвесным и скалистым местам, были совершенно неприступны. Однако, оказавшись на вершине горы, которую местные жители называют Орокасиадой, Герман заметил, что в этом месте стена может быть легко взята, т. к. здесь находилась довольно широкая площадка высотой немного ниже стены (Procopius. Bell. 2. VI. 11). Как известно, именно эта часть укрепления и станет в итоге ключом к взятию города персами. Не имея времени исправить этот недостаток укреплений, ромеям оставалось уповать на чудо, которого, увы, не произошло.

Персидское завоевание Антиохии в 540 г. произвело на Прокопия неизгладимое впечатление. Городу были нанесены значительные разрушения (Procopius. Bell. 2. X. 6–9). Интересно, что стен персы не тронули вовсе. По всей видимости это было связано с большими затратами сил и времени для их разрушения.

Восстановление Антиохии описывается Прокопием в его труде «О постройках». Согласно сообщению автора, Антиохия после восстановления стала еще более красивой и укрепленной, чем до завоевания (Procopius. De aedif. 2. X. 2.). Юстинианом были перестроены городские стены. Известно, что после временного персидского завоевания город значительно уменьшился в размерах, вместе с ним уменьшился и круг стен, выстроенных еще при Феодосии Великом (Procopius. De aedif. 2. X. 3.). Было изменено течение реки Оронт: с помощью каналов русло было перемещено ближе к крепостным стенам, что усилило защиту города (Procopius. De aedif. 2. X. 6, 7).

При восстановлении города крепостные стены были перемещены как можно дальше от печально известной горы, через которую персы ворвались в Антиохию, тем самым, было устранено самое слабое место в городской системе укреплений (Procopius. De aedif. 2. X. 10–12).

По мнению Прокопия Кесарийского, и сама Антиохия, сожженная персами, и все городские укрепления были фактически выстроены императором заново с учетом всех предыдущих ошибок и недочетов. Однако известно, что уже в начале VII в. город переживет еще одно персидское завоевание, а затем падет во время арабского нашествия. Эти события и ознаменуют конец исто-



рии Антиохии как города, безраздельно принадлежавшего греко-римскому миру.

***Н. И. Быстрицкий***

*Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова  
(Москва)*

**Отечественные сессии византинистов: инфометрический анализ**

Этот год ознаменован памятными датами – в их числе 125-летняя годовщина выхода в свет журнала «Византийский временник» и 75-летие отечественных византиноведческих сессий.

Первая сессия была проведена еще во время Великой отечественной войны, 5–6 мая 1944 г. в Москве<sup>1</sup>. Она была организована Отделением истории и философии АН СССР. Сессия проходила в большом зале здания Президиума АН под председательством вице-президента АН, академика В. П. Волгина. Впервые с дореволюционного был проявлен столь значительный интерес к истории Византии, которая рассматривалась на широком фоне ее международного влияния. Было прочитано 5 докладов: «Византия и Запад» (Е. А. Косминский), «Византия и славяне» (В. И. Пичета), «Византия и Восток» (Н. В. Пигулевская), «Византия и Московская Русь» (М. Н. Тихомиров) и «Русское византиноведение» (Б. Т. Горянов). Сегодня сложно переоценить значение этой сессии: византиноведение вновь после длительного перерыва получило научное признание и заняло надлежащее место в отечественной исторической науке.

На следующий год (27–28 апреля 1945 г.) состоялась вторая сессия Отделения истории и философии Академии Наук СССР, посвященная памяти академика Ф. И. Успенского в связи с исполнившимся столетием со дня его рождения. Его неопределимому вкладу в византиноведение было посвящено два доклада из шести прочитанных в ходе сессии: «Ф. И. Успенский и его значение в византиноведении» (Б.Т. Горянов) и «Неопубликованные материалы Ф. И. Успенского» (Н. С. Лебедев)<sup>2</sup>.

Последующие III и IV сессии созывались ежегодно в Москве (в 1946 и 1947 гг.), а пятая состоялась после трехлетнего перерыва в 1950 г. Шестая сессия, организованная в Ленинграде в 1958 г., существенно отличалась от предыдущих не только перемены места проведения, но и значительным

---

<sup>1</sup> Удальцова З.В. Роль Е. А. Косминского в развитии советского византиноведения // СВ. 1973. Т. 37. С. 282.

<sup>2</sup> Сессия Отделения истории и философии Академии наук СССР, посвященная памяти Ф.И. Успенского // ВВ. 1947. Т. 1. С. 370–371.

приращением числа и географии участников, широтой обсуждавшихся тем<sup>1</sup>. Практически за 15 лет византиноведческое направление вновь становится одним из ведущих в исторической науке.

Следовавшие за ней форумы в Тбилиси (1965 г.), Свердловске (1969 г.), Ереване (1971 г.), а также после X-й московской сессии 1975 г. тематические сессии в Севастополе (1983 г.), Киеве (1987 г.), Ростове (1990 г.), Барнауле (1998 г.) продемонстрировали значительное расширение византиноведческих исследований в стране и стали смотрами сил формирующихся региональных школ<sup>2</sup>. Естественным образом состав участников каждый раз весомо пополнялся местными специалистами.

С начала 2000-х гг. местом проведения вновь становится столица, где опять образуется серия из 5 научных форумов: XVI (2003 г.), XVII (2004 г.), XVIII (2008 г.), XIX (2011 г.) и XX (2013 г.). Две последние сессии, организованные Национальным комитетом византинистов РФ под председательством акад. С. П. Карпова в МГУ, стали самыми масштабными по составу заявленных участников, представлявших как Россию, так и ряд стран зарубежья (Украину, Армению, Грузию), и зачитанных докладов (более 100). В ходе XIX сессии «Российское византиноведение: традиции и перспективы» была сделана переоценка современного состояния российского византиноведения и намечены перспективы дальнейшего развития этой актуальной для страны отрасли исторической науки<sup>3</sup>.

Последняя по времени — XXI сессия — состоялась в Белгороде в 2016 г. в стенах Белгородского государственного национального исследовательского университета, в котором в предшествующее десятилетие сформировалась одна из наиболее динамично развивающихся научных школ. Этот научный форум продемонстрировал тематическое разнообразие исследований и значительный потенциал молодых ученых<sup>4</sup>.

Значимые вехи развития отечественного византиноведения можно проследить посредством инфометрических показателей, наглядно представлен-

---

<sup>1</sup> *Осипова К. А.* Сессия Отделения исторических наук АН СССР по проблемам византиноведения // ВВ. 1960. Т. 17. С. 357–366.

<sup>2</sup> Отчеты и материалы сессий регулярно помещались на страницах журнала «Византийский временник», см.: *Быстрицкий Н. И.* «Византийский временник» за 120 лет. Историко-инфометрический обзор. Ч. I. «Старая серия» (1894–1928) // ВВ. 2014. Т. 73. С. 140–169; *Быстрицкий Н. И.* «Византийский временник» за 120 лет. Историко-инфометрический обзор. Ч. II. «Новая серия» (с 1947 г.) // ВВ. 2015. Т. 74. С. 250–284.

<sup>3</sup> *Карпов С. П.* Российское византиноведение сегодня: школы, итоги и перспективы // Российское византиноведение: Традиции и перспективы. Тез. докл. XIX Всероссийской научной сессии византинистов. М., 2011. С. 10.

<sup>4</sup> См.: *Болгов Н. Н., Быстрицкий Н. И.* XXI Всероссийская научная сессия византинистов «Империя ромеев во времени и пространстве: центр и периферия» (Белгород, 20–23 апреля 2016 г.) // ВВ. 2016. Т. 100. С. 347–352.



ных на диаграммах (рис. 1–4). На рис 1 представлены количественные характеристики сессий – число докладов и опубликованных тезисов. Исходя из приведенных данных среднее число докладов для одного мероприятия – 50, среднее число тезисов – 48. Отмечается заметная вариативность частоты участия ученых, которая, однако, подчиняется общему правилу – основное количество докладчиков (93,3%) приходится на тех, кто участвовал в сессиях нерегулярно (1–5 раз). Как видно из рис. 2, большинство докладчиков участвовало только с одним докладом (60%), а активные докладчики и постоянные участники сессий составляют достаточно небольшую часть (6,7%). Богатое региональное разнообразие докладчиков представлено 35 городами

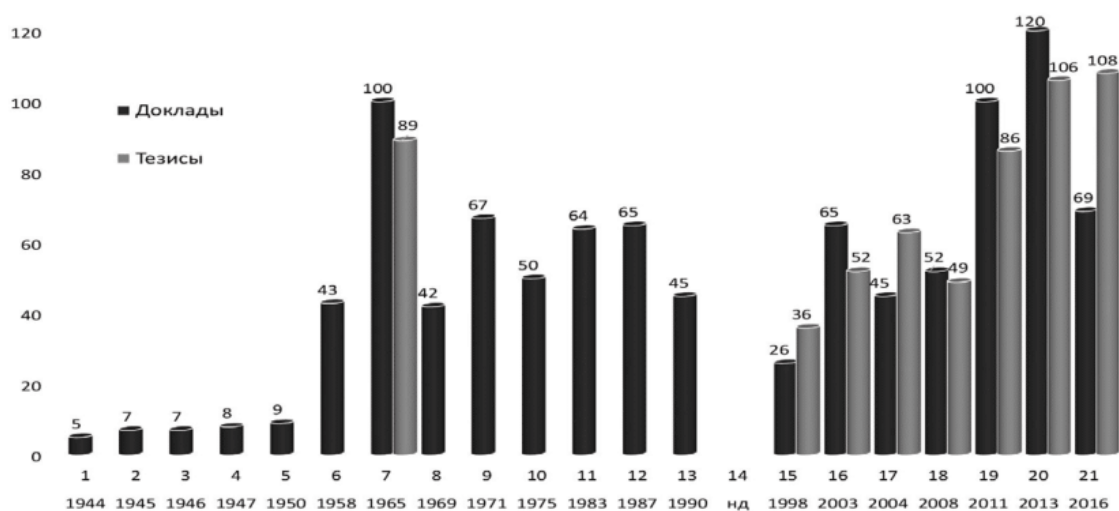


Рис. 1. Количество докладов и опубликованных тезисов

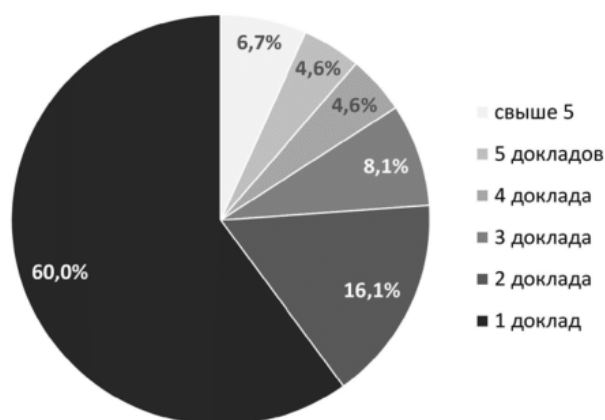


Рис. 2. Распределение докладчиков по числу докладов

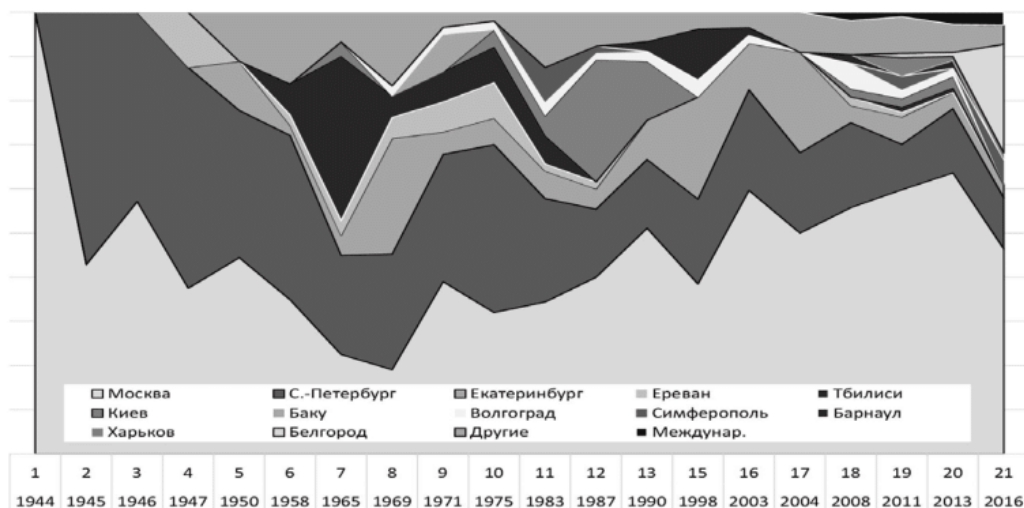


Рис. 3. Региональная принадлежность докладчиков (по хронологии)

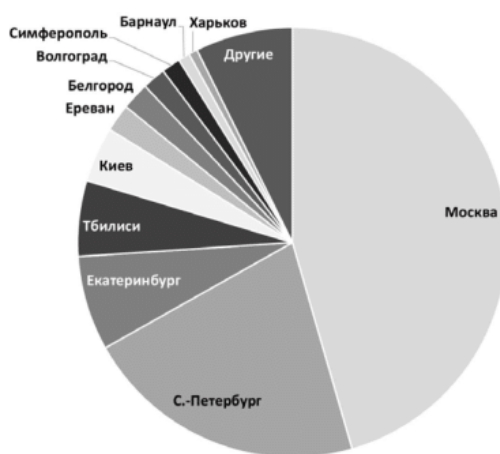


Рис. 4.

России, где сформированы научные центры, либо трудятся отдельные исследователи, и 11 городами ближнего зарубежья. Как свидетельствуют данные на рис. 3 и 4, российские византиноведческие сессии по-прежнему притягательны для историков на пространстве СНГ, ширится и международное участие.

Следует признать, что сессии послужили стержневым элементом объединения отечественных византинистов, развития научной коммуникации и координации их деятельности, а сегодня пользуются признанием ученого сообщества как открытая авторитетная площадка для обмена мнениями и представления новых результатов исследований. Сведения о состоявшихся научных сессиях аккумулируются на страницах информационного ресур-



са Национального комитета византинистов РФ ( <http://www.vremennik.biz/content/ncom/session> )<sup>1</sup>.

**А. Б. Ванькова**

*Институт всеобщей истории РАН (Москва)*

### **Послушание игумену в византийском монастыре**

Каковы были объем и пределы оказания послушания игумену, был ли он единственным духовным отцом или же настоятель нес административные обязанности, а роль духовника исполнял кто-то другой, – вот те вопросы, которые встали перед нами при обращении к этой теме.

Начать хотелось бы с Василия Великого. В «Аскетиконе» законодатель тщательно разбирает, каким должен быть настоятель братства, какие опасности есть в его положении, как он должен строить отношения с подчиненными монахами, как они должны вести себя с настоятелем. В 43 правиле «Правил, пространно изложенных» Василий, приводя в качестве обоснования своей точки зрения максимум из Первого послания к Тимофею: *Будь образцом для верных* (1 Тим. 4:12), постановляет, что настоятель должен жить в соответствии с ней и обязан вразумлять не только словом: его дела должны говорить сами за себя. В 27 правиле «Правил, пространно изложенных», он говорит, что «... того, кто служит как бы правилом для нашей жизни и своею правою жизнью обязан обличать наши уклонения от правоты». Настоятелю необходимо стать настоящим отцом и о каждом брате иметь неусыпное попечение, сверяя свои распоряжения с Писанием, характером и наклонностями каждого, а монахи должны всецело повиноваться ему.

Василий Великий предусмотрительно дал наказ: чтобы настоятель мог действовать не вслепую, он должен принимать исповедание грехов не только от согрешившего, но и от того, кто видел грех, но не смог самостоятельно вразумить брата. При этом не только грехи, но и все тайны, в том числе сердечные, монах должен открывать настоятелю. Это не что иное, как откровение помыслов, известное и по другим источникам.

Василий Великий также предупреждал возможный ропот со стороны подчиненных, ограничивая их право обсуждать действия настоятеля, оставляя его только за теми, кого сам настоятель привлек к помощи в управлении братством.

Роль настоятеля столь велика, ответственность, лежащая на нем, столь огромна, что Василий Великий сравнивает того, кто будет хулить настоятеля,

---

<sup>1</sup> См.: Быстрицкий Н. И. Информационный ресурс Национального комитета византинистов РФ // Информационный бюллетень Ассоциации «История и компьютер». 2016. Т. 45. С. 28–29.

с Мариам, когда она поносила Моисея. Бог не оставил ее не наказанной, хотя молился о ней сам Моисей (Числ. 12).

До какой степени полагалось оказывать послушание? В ответе на вопрос 152 Василий Великий постулирует: предел послушания – послушание до смерти.

В четвертом слове Лествицы Иоанн Лествичник так пишет о послушании: «Послушание есть действие без испытания, добровольная смерть... Послушание есть гроб собственной воли и воскресение смирения... Послушный, как мертвый, не противоречит и не рассуждает, ни в добром, ни во мнимом худом; ибо за все должен отвечать тот, кто благочестиво умертвил душу его». Далее он пишет о том, как должны повиноваться более опытным монахам менее опытные: «Желающим соблюдать всегда несомненную веру к наставникам необходимо нужно незабвенно и неизгладимо хранить в сердце своем их добродетели, с тем, чтобы воспоминанием о них заградить уста бесам, когда они станут в нас сеять к ним неверие...»

Следующая значимая фигура – это Феодор Студит. Он подчеркивает высокую ответственность служения игумена: «Я не бросаю и не отвращаюсь от выпавшего на мою долю великого и страшного дела настоятельства, но стремлюсь и предаю себя вам во всем». Феодор Студит в своих «Оглашениях» высказывает радость, когда его духовные чада исправляют свои недостатки, приобретают новые для них добродетели, огорчается и даже чувствует отвращение, когда его паства впадает в грех (особенно когда это непослушание, заносчивость или лень).

Осознавая свою ответственность перед братьями, игумен призывал их слушаться его: «Я – дурной пастырь, но раз я все-таки ваш пастырь (хотя я и не могу понять, как это со мной случилось), то вы – мои богособранные и питаемые благом овцы, которые словом Господним постоянно шествуют по царскому пути... Слушайте моего голоса, голоса вашего пастуха, и не относитесь небрежно к моим наставлениям, потому что кто отстает, тот может заблудиться и погибнуть многими способами. Старайтесь понять, что я говорю. Ведь я знаю, что вы – люди разумные». В своем завещании он обращается к настоятелю: «Как настоятель должен руководить ими? Как овцами Христовыми! Как своими собственными членами! Относись к ним заботливо и уважай их, любя каждого из них равной мерой милосердия, поскольку каждый человек в равной мере заботится о членах своего тела...»

Дав наставление своему преемнику, он взывает к подчиненным ему монахам: «Смотрите на него с уважением и почестями, примите его как моего преемника. Как вы поступали со мной, также с ним соблюдайте правило послушания и не думайте менее о нем, потому что он был недавно поставлен в Господе... Мужественно претерпите до конца поприще подчинения, так что



«приобретете неувядающие венки праведности». Ведомые смиренномудрием вы должны всегда отрицаться своей собственной воли».

В типике для монастыря Богоматери Милостивой (между 1085 и 1106 гг.) Мануил, епископ Струмитцы, предписывает подчинение настоятелю, опираясь на отрывок из послания ап. Павла к Евреям (13:17), который гласит: *Повируйтесь наставникам вашим и будьте покорны, ибо они неусыпно пекутся о душах ваших, как обязанные дать отчет; чтобы они делали это с радостью, а не воздыхая, ибо это для вас бесполезно*. На это место будут ссылаться и авторы некоторых других типиконов. Еще одно сравнение Мануила в той или иной форме появляется и в других уставных документах. Он предписывает монахам повиноваться игумену как отцу, в соответствии с тем, что они с помощью Божественного возрождения (имеется в виду постриг) заняли место сына.

Афанасий Афонский в завещании предписывает, чтобы после введения в должность настоятель имел неограниченную власть и господство в любых вопросах, как духовных, так и относящихся к телесным нуждам. В его же Ипотипосисе (963 г.) расписывается процедура возможной смены духовного отца-настоятеля. Если монах чувствовал себя в Лавре не на месте, он должен был сообщить об этом настоятелю, который, если считал, что причина уважительна, мог благословить его уход к другому духовнику или же предписать иные меры по разрешению конфликтной ситуации. В таком случае уход из монастыря сопровождался молитвой и благословением и это действие не попадало под осуждение.

Посмотрим на распоряжения Тимофея, сделанные для типика Эвергетидского монастыря (вторая половина XI в. – начало XII в.). Этот типик имел большое влияние в монашеской среде последующего времени и ряд его положения прямо или косвенно были заимствованы в последующие уставы. Типик предусматривал исповедь и открывание помыслов настоятелю дважды в день для разных групп монахов. Монахам предписывалось оказывать всяческую честь, любовь, почтение и несомненное подчинение и послушание игумену. Автор типика при этом ссылается на уже процитированное Послание к евреям.

Диссонансом в этом одноголосном хоре звучат распоряжения игумена и столпника Лазаря с Галесийской горы, дошедшее в форме завещания (1053 г.): «Я знаю, что невозможно, чтобы после моей смерти монастырь не имел настоятеля, который с помощью свыше, удовлетворительно решал бы ваши материальные нужды и ему вы будете послушны во всем, имея к нему такую же веру, которую вы выказываете мне самому. Что касается духовных вопросов, то настоятель, что правда, не всегда будет на месте, но благодаря милости Божией, у вас есть старцы. Многолетний опыт дал им точно знание духовного пути. Берите их в духовные руководители, раскрывайте им работу

вашей души. То, что вы делаете, делайте после того, как спросите их и с их одобрения... и я знаю, что вы не уклонитесь с прямого пути».

*А. Ю. Виноградов, Д. А. Косоуров*  
*Высшая школа экономики (Москва)*

### **Византия – противник или сторонник объединения Грузии?**

Вторая половина X в. в истории Византии – период нового могущества, когда катастрофического упадка достиг ее многовековой противник – Арабский халифат и зависимые от него мусульманские государства. Это обстоятельство позволило империи со второй половины X в. перейти к «реконквисте» Востока, возвращая себе территории Малой Азии, Сирии и Месопотамии<sup>1</sup>.

Похожие процессы пост-арабского восстановления происходят и в картвельских землях, особенно на юго-западе – в Тао-Кларджети, Шавшети. Именно в Кларджети в первой четверти IX в., спасаясь от арабов, прибыл бывший эристав Картли Ашот Багратид, положивший начало династии тао-кларджетских Багратидов<sup>2</sup>. Наряду с обретшим независимость от Византии в конце VIII в. Абхазским царством, княжества тао-кларджетских Багратидов значительно усилились в IX–X вв., активно контактируя со всеми соседями.

Особого же расцвета этот регион достигает во второй половине X в. благодаря деятельности правителя Южного Тао Давида III Куропалата (966–1000), об успехах которого во внутренней и внешней политике, а также в сфере культуры и искусства свидетельствуют многочисленные грузинские и иностранные источники<sup>3</sup>. Особенно активными были политические отношения Давида III с Византией: таойский властитель принял весьма активное участие в двух византийских гражданских войнах – Варды Склира (976–979) и Варды Фоки (987–989), причем вначале на стороне, а затем против императора Василия II<sup>4</sup>, что во многом и стало основанием для оценки его личности как наиболее влиятельного и могущественного из всех правителей Закавказья второй половины X в.<sup>5</sup>

В грузинской историографии за Давидом Куропалатом прочно укрепилась слава «отца-основателя» и одного из самых главных вдохновителей

<sup>1</sup> *Острогорский Г. А.* История Византийского государства / Пер. с нем. М. В. Грацианского под ред. П. В. Кузенкова. М., 2011. С. 373.

<sup>2</sup> *Сумбат Давитисдзе.* История и повествование о Багратионах / Пер. М. Д. Лордкипанидзе. Тбилиси, 1979. С. 31.

<sup>3</sup> *Такашвили Э. С.* Археологическая экспедиция 1917 г. в Южные провинции Грузии. Тбилиси, 1952. С. 22.

<sup>4</sup> *Ломоури Н. Ю.* К истории восстания Варды Склира // Труды Тбилисского государственного университета. Тбилиси, 1957. Т. 67. С. 43.

<sup>5</sup> *Лордкипанидзе М. Д.* Из истории грузино-византийских взаимоотношений на грани X–XI вв. // Вопросы истории Грузии феодальной эпохи. Тбилиси, 1972. С. 32.



процесса объединения грузинских земель<sup>1</sup>. Дело в том, что к 1012 г. его приемному сыну, Баграту III, уже владевшему по наследству территориями Тао, Абхазии и Картли, удалось присоединить Кларджети, Кахетию и Эрети, тем самым объединив большую часть картвельских и сопредельных земель в единое Грузинское царство<sup>2</sup>. Давид III, как непосредственный предшественник и приемный отец царя-объединителя, стал представляться в грузинской научной литературе как его верный единомышленник и предтеча, едва ли не самостоятельно просчитавший и задумавший это объединение<sup>3</sup>.

Одновременно с этим, как среди грузинских историков<sup>4</sup>, так и у европейских исследователей<sup>5</sup> стал популярен тезис о том, что Византия опасалась и всячески препятствовала объединению картвельских земель на рубеже X–XI вв., в то время как само молодое Грузинское царство якобы «родилось» в противовес Константинополю, сплоченное идеей защиты от «имперской экспансии». На наш взгляд, сравнительный анализ византийской политики в Закавказье и политической деятельности абхазских и тао-кларджетских правителей в указанный период позволяет выдвинуть противоположный тезис: как о заинтересованности и поддержке империей объединения и укрепления картвельских земель, так и об опоре центростремительных грузинских сил на византийское могущество и ресурсы.

Здесь не следует забывать альтернативную версию об Абхазском царстве как центре объединения картвельских земель, выдвинутую в 1973 г. Г. А. Меликишвили<sup>6</sup>. Действительно, цари объединенной Грузии с самого начала XI в. воспринимали себя в первую очередь как преемников «царей абхазов», что видно в т. ч. из их титулатуры. После возвращения к союзу с империей в 80-е гг. IX в. абхазские цари, носившие также византийский титул магистра, постоянно выступают как ее союзники, в т. ч. религиозные (крещение алан, война Георгия II с армянами-монофизитами), и сами получают от нее поддержку

<sup>1</sup> См., напр.: *Анчабадзе З. В.* Из истории Средневековой Абхазии (VI–XVII вв.). Сухуми, 1959. С. 164; *Джанашиа С. Н.* Об одном примере искажения исторической правды: По поводу кн. Н. М. Токарского «Архитектура древней Армении». Тбилиси, 1947. С. 30; *Лордкипанидзе М. Д.* История Грузии. XI – начало XIII века. Тбилиси, 1974. С. 54.

<sup>2</sup> *Toumanoff C.* Studies in Christian Caucasian History. Washington D.C., 1963. P. 497.

<sup>3</sup> *Папаскири З. В.* От Давида до Давида. Из истории международных отношений Грузии. 70-е годы X – 80-е годы XI вв. Тбилиси, 2001. С. 28.

<sup>4</sup> *კოპალიანი ვ.* საქართველოსადაბიზანტიისპოლიტიკურიერთობა 970–1070 წლებში. თბილისი, 1969. გვ. 314.

<sup>5</sup> *Степаненко В. П.* Политическая обстановка в Закавказье в первой половине XI в. // АДСВ. 1975. С. 125; *Seibt W.* Byzantine Imperialism against Georgia in the Later 10<sup>th</sup> and 11<sup>th</sup> Centuries? // Georgian Diplomacy. Tbilisi, 2013. Vol. 16. P. 108.

<sup>6</sup> *მელიქიშვილი გ.* ფეოდალურისაქართველოსპოლიტიკურიერთობისადაბიზანტიისერთობისათვის. თბილისი, 1973. გვ. 136.

в своих внутренних конфликтах (спор за престол Георгия II и Баграта, война Димитрия III и Феодосия III).

В рамках этой традиционной провизантийской политики действовал и Баграт III, вступивший в т. ч. в конфликт со своим приемным отцом Давидом Куропалатом, причем в самый тяжелый для того момент – во время восстания Варды Фоки против Василия II, после поражения в котором Давиду пришлось завещать свои земли империи. В свою очередь, Василий II, в рамках своей восточной политики «восстановления», был крайне заинтересован в лояльном могущественном партнере на Кавказе, способном противостоять как мусульманским, так и монофизитским правителям – соперникам Византии.

*Д. В. Возчиков*

*Уральский федеральный университет (Екатеринбург)*

### **Образ Михаила VIII Палеолога в венецианском нарративе XIV–XV вв.**

В контексте формирования и эволюции в позднесредневековом нарративе Венецианской республики представления об исключительности Республики св. Марка и совершенстве ее политической модели («венецианский миф») Византия представала значимым Другим венецианской истории. Важную роль в конструировании венецианскими интеллектуалами образа Византии играли портреты ее монархов, среди которых особое место занимал образ Михаила VIII Палеолога (1259–1282), восстановителя Византийской империи и основателя ее последней императорской династии.

Дипломат и историк Марино Санудо Торселло (ок. 1270–1343) был одним из наиболее информированных о делах на Востоке латинских авторов своего времени. В его «Книге тайн верных креста» (1306–1321) преобладало враждебное отношение к Византии. Отношение же Санудо к Михаилу VIII, несмотря на то, что при последнем была уничтожена Латинская империя, нельзя назвать сугубо негативным. Санудо с возмущением писал об отказе Михаилу VIII, принявшему Лионскую унию, греческим духовенством в погребении<sup>1</sup>. В письме к кардиналу Бертрану дю Пуже (1330 г.), которого Санудо стремился убедить в необходимости коалиции против эгейских эмиратов, венецианец говорил о василевсе сочувственно, возлагая ответственность за провал унии и отлучение Михаила папой Мартином IV в 1281 г. на Карла Анжуйского<sup>2</sup>.

<sup>1</sup> Sanuti Torselli Marini Liber secretorum fidelium crucis / Ed. Bongarius. Gesta Dei per Francos. V. II. Hannoviae, 1611. P. 180–181.

<sup>2</sup> *Laiou A.* Marino Sanudo Torsello, Byzantium and the Turks: the Background to the Anti-Turkish League of 1332–1334 // *Speculum*. 1970. Vol. 45. № 3. P. 389.



В этом же послании к Бертрану дю Пуже Санудо указывал на главный внешнеполитический мотив обращения Михаила к унии: «Карл I Сицилийский и Иерусалимский вознамерился захватить империю Романии на том основании, что в этой империи он имел зятя – императора Филиппа <...> А в этой империи император кир Михаил Палеолог, господствовавший в Константинополе и его землях, решил всеми путями и средствами защититься от упомянутого короля. И он поступил так. И направил он своих послов на Лионский собор, который был открыт во время папства Григория из Пьяченцы (Григорий X. – Д. В.). По его приказанию они поклялись святой матери Церкви, изрекая: “Верую в Бога”, затем, как говорится у латинян: “иже от Отца и Сына исходящего”. И во имя этого он предал смерти и в море утопил многих своих монахов, настоятелей и прелатов и многих других из своего народа, что желали держаться противоположного взгляда. <...> Вышеупомянутый король (Карл Анжуйский. – Д. В.) до такой степени влачил за собой папу Мартина, наконец пришедшего к власти, что тот отлучил от церкви императора, который удерживал возвращенную своему народу землю. И сказал император кир Михаил, услышав это: “Так я возвращаюсь к всемогущему Богу: я сделал все, что мог”»<sup>1</sup>. В этом послании Санудо пытался представить законным право Михаила VIII защитить империю от посягательств сицилийского короля.

В «Пространной хронике» дожа-интеллектуала Андреа Дандоло (1306–1354, дож 1343–1354) Михаил VIII Палеолог предстал узурпатором и врагом венецианцев: «На девятом году дожа (Реньеро Дзено (1252–1268). – Д. В.), – писал Дандоло, – Феодор (Феодор II Ласкарис (1254–1258). – Д. В.), считавший себя императором греков, умирая, с надеждой вверил своих сыновей заботе Михаила Палеолога. Он, усилившись, когда мощь латинян ослабла, захватил град Константинопольский <...>. Но Михаил, лелея мечту о высшей власти, задушил сыновей Феодора, которых тот доверил ему, и возложил на себя имперский венец. А с генуэзцами, о которых он знал, что они были соперниками венецианцев, заключил союз»<sup>2</sup>. В действительности сын Феодора Иоанн IV был не задушен, а ослеплен по приказу Михаила после взятия Константинополя.

Венецианский канцлер Кандии и хронист Лоренцо де Моначи (1351–1428) писал о Михаиле VIII в русле характеристики, данной тому дожем-хронистом: «Примерно в это время после смерти Ватаца и сына его (Феодора II Ласкариса. – Д. В.) некий грек по имени Палеолог тиранически захватил

<sup>1</sup> *Kunstmann F.* Studien über Marino Sanudo den Älteren mit einem Anhang seiner ungedruckten Briefe. München, 1855. P. 773–774.

<sup>2</sup> *Andreae Danduli Chronica per extensum descripta / A cura di E. Pastorello // Rerum Italicarum scriptores.* T. XII. Bologna, 1940. Partes 1–2. P. 311.

власть надо всей Грецией»<sup>1</sup>. Де Моначи был более осведомлен в истории Палеологов, нежели Дандоло, прямо или опосредованно имея доступ к греческим источникам. «Михаил Палеолог, – утверждал венецианец, – который выдвинулся при жизни Феодора, вероломнейшим образом нарушив клятву верности [его] сыну, путем невероятного предательства, как отражено в исторических трудах греков, отобрал царство у сына этого Феодора»<sup>2</sup>. Далее хронист, несмотря на утверждения об использовании в хронике «греческих историй», повторял фразу об удушении Михаилом VIII «сыновей Феодора»<sup>3</sup>. В качестве примера жестокости Михаила Палеолога де Моначи приводил ослепление по его приказу пленных венецианцев в 1263 г.<sup>4</sup> Де Моначи также утверждал, что Михаил заключил мир с Венецией, поняв невыгодность союза с Генуей<sup>5</sup>.

В целом, в историописательских трудах венецианцев образ Михаила VIII за XIV–XV вв. претерпел эволюцию в сторону большей однозначности. В образе Михаила VIII усиливался негативизм, он представлял, в первую очередь, как коварный и беспринципный враг. Императору приписывалась жестокость, но не спонтанная, а продуманная. При этом даже в наиболее резких венецианских оценках Михаила заметно понимание рациональности его мотивов.

***А. Ђ. Гавриловић***

*Белградскиј универзитет (Белград)*

**О украсу надбедреника Светог Јована Златоустог и Светог Василија Великог у манастиру Ставреникита на Светој гори Атонској<sup>6</sup>**

Католикон светогорског манастира Ставреникита, посвећен Светом Николи Мирликијском, подигнут је у X веку и првобитно посвећен Богородици. Његове фреске и иконе на иконостасу, као и трпезарију након обнове манастира у XVI веку, извели су Теофан Крићанин и његов син Симеон. Теофан, гласовити уметник критске школе, био је активан као сликар између 1527. и 1548. године, а у Ставреникити је радио у петој деценији XVI века (1545–

<sup>1</sup> Laurentii de Monacis Veneti Cretae cancellarii. Chronicon de rebus Venetis ab U.C. ad annum MCCCLIV: sive ad conjunctionem ducis Faledro. Venetiis, 1758. P. 149.

<sup>2</sup> Ibid. P. 148.

<sup>3</sup> Ibid.

<sup>4</sup> Ibid. P. 197.

<sup>5</sup> Ibid. P. 198.

<sup>6</sup> Овај рад је настао као резултат рада на пројекту „Српска средњовековна уметност и њен европски контекст“ (177036), који финансијски подржава Министарство просвете, науке и технолошког развоја Републике Србије.



1546). Између осталог, он је фрескама украсио и простор олтара у овом храму, а поједине фреске са ликовима архијереја представљају тему нашег рада.

У византијској науци сликарством Теофана Крићанина и његовим фрескама у Ставорникити највише се бавио Манолис Хаџидакис<sup>1</sup>. Ипак, представама које су красиле надбедренике Светог Јована Златоустог и Светог Василија ранији истраживачи нису посветили пажњу. Стога ће оне представљати предмет овог саопштења.

Представама Светог Јована Златоустог и Светог Василија Великог, најважнијих литургичара цркве, је у католикону манастира Ставрениките, у сцени Служба архијереја, с правом дато, најзначајније, прво место. Оно што је за ово истраживање важно јесте чињеница да су надбедреници ових архијереја осликани нарочитим украсом – надбедреник Светог Јована Златоустог украшен је представом младог Христа Емануила, а надбедреник Светог Василија Великог представом шестокриле небеске силе. Реч је о представама које су се јављале у византијској уметности и уметности византијског културног круга, али које су биле необично ретке, присутне само у најрепрезентативнијим споменичким целинама<sup>2</sup>. Поменути детаљи почињу чешће да се јављају у поствизантијској уметности, да би у уметности критске школе били чести, а у сликарству Теофана Крићанина, као најзначајнијег представника критске школе они налазе свој прави одраз. Ове представе – Христа Емануила и шестокриле небеске силе – носиле су дубоку симболику и нису представљале пуки орнамент архијерејских одежди. Оне су на нарочит начин истицале фигуре наведених архијереја. Украси у виду Христа Емануила и шестокриле небеске силе, за коју сматрамо да приказује херувима, указивале су на углед светих отаца, на њихово архијерејство, пастирску делатност и активност на чувању одбрани Христове речи и православља од јереси.

Теофан Крићанин био веома учен сликар, а његова ученост се читава и на фрескама. Детаљи на надбедреницима указују на изузетну рафинираност овог уметника који је са сином осликао католикон Ставрениките, као и да чињеницу да се у свом раду ослања на најнапредније токове византијске уметности у временима до пада Цариграда 1453. године.

<sup>1</sup> Χατζηδάκης Μ. Ο Κρητικός Ζωγράφος Θεοφάνης. Οι τοιχογραφίες της Ι. Μονής Σταυρονικήτας. Άγιον Όρος, 1986.

<sup>2</sup> Уп. нпр.: *Ετζεόγλου Ρ.* Ο ναός της Οδηγητρίας του Βροντοχίου στον Μιστρά. Οι τοιχογραφίες του νάρθηκα και η λειτουργική χρήση του χώρου. Αθήνα, 2013. Πίν. 3; *Prolović J.* Die Kirche des heiligen Andreas an der Treska. Wien, 1997. S. 100–104; *Prolović J.* Resava (Manasija). Geschichte, Architektur und Malerei einer Stiftung des serbischen Despoten Stefan Lazarević. Wien, 2017. S. 237–240. Abb. 162.

**Н. В. Гинькут**

*Государственный историко-археологический музей-заповедник  
«Херсонес Таврический» (Севастополь)*

**Генуэзская крепость Чембало в изображениях и рисунках  
путешественников конца XVIII – первой половины XIX в. и  
современный археологический контекст<sup>1</sup>**

Остатки генуэзских крепостей в Крыму, овеянные ореолом романтизма на фоне живописных морских пейзажей, привлекали к себе внимание буквально всех путешественников конца XVIII – первой половины XIX столетия. Описания стен и башен достаточно часто встречаются в их путевых заметках. Привлекают своей пейзажностью развалины древних крепостей и художников, побывавших в Крыму в тот период. Многие работы впоследствии копировались, повторялись в различных изданиях. По прошествии более двухсот лет эти иллюстрации крымских видов стали ценным источником для локализации тех или иных археологических объектов. Изображения крепости Чембало в данном случае не стало исключением. Современное состояние крепости не отличается высокой степенью сохранности, хотя Чембало не подверглась городской застройке в конце XVIII – начале XIX вв. Башни сохранились частично, не всегда в полную высоту. Внутригородская застройка генуэзского периода читается лишь планами. Приморская линия обороны подверглась разрушению в Крымскую войну и в период застройки набережной Балаклавской бухты во второй половине XIX – начале XX вв. В сложившейся современной ситуации изображения крепости конца XVIII – первой половины XIX вв. дополняют наше представление об архитектуре генуэзской Чембало. Остановимся на нескольких работах, художников. Это работы М. М. Иванова<sup>2</sup>, две акварели путешествовавшего в свите Екатерины II английского живописца У. Хадфилда<sup>3</sup>, работы К. Кюгкльхена, Р. Гара-

---

<sup>1</sup> Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-09-00053 «Крым в восприятии англичан конца XVIII – начала XIX в.»..

\* *Капарулина О.* Художник-академик при светлейшем князе. Путевые альбомы Михаила Матвеевича Иванова в собрании Русского музея // Наше наследие. Историко-культурный журнал. Культура. История. Искусство. 2008. №86. <http://nasledie-rus.ru>

<sup>3</sup> *Гинькут Н. В.* Окрестности Севастополя (Инкерман и Балаклава) в конце XVIII столетия глазами английского художника Уильяма Хадфилда // ХΕΡΣΩΝΟΣ ΘΕΜΑΤΑ: империя и полис. Материалы XI Международного Византийского Семинара (Севастополь – Балаклава 3–7 июня 2019 г.) / отв. ред. Н. А. Алексеенко. Симферополь, 2019. С. 87–94.



гона, Ф. И. Гросса, Н. Чернецова<sup>1</sup>, Х. Г. Гейслера,<sup>2</sup> Р. Хебера<sup>3</sup>, А. Фадзарди<sup>4</sup>, Ж. К. Мивилля<sup>5</sup>, В. О Руссена<sup>6</sup>, рисунки из коллекции Р. Уэрсли<sup>7</sup> и издания Д. де Монпере<sup>8</sup>. В большинстве своем работы были выполнены с северо-западного берега бухты или же с берега у самого начала городка Балаклавы с восточной стороны бухты.

Традиционно на всех известных нам работах, связанных с Балаклавской бухтой, возвышаются крутые обрывы горы Кастрон, опоясанные линиями оборонительных стен с башнями. Доминантой, практически на всех работах выступает небольшой участок крепости – цитадель с тремя башнями, в том числе и с круглой башней – донжоном. На сегодняшний день исследованы две из них. Художники фиксируют хорошо сохранившуюся к концу XVIII в. восточную линию обороны с пятью башнями, из которых сегодня исследованы три. Приморская линия обороны, сохранившаяся на сегодняшний день несколько хуже, хорошо читается на рисунках, выполненных до Крымской кампании. На ней фиксируется три башни, из которых одна – башня-цистерна была полностью археологически исследована, вместе с рядом стоящей еще одной цистерной. Живописцы изображают на горе Кастрон выделяющийся своими очертаниями Консульский замок, который сегодня не отличается высокой степенью сохранности. Археологическими раскопками открыты одна из башен, церковь, частично ряд помещений. На нескольких работах XIX в. изображена и линия жилой застройки, идущая параллельно Приморской ли-

<sup>1</sup> Мальгина М. Р. Виды Крыма первой половины XIX в. Симферополь, 2006. С. 32–51; Живописная коллекция видов Крыма Фридриха Гросса: Альбом-каталог / Автор–сост. М. Р. Мальгина. Симферополь, 2015. С. 13., илл.

<sup>2</sup> Pallas P.S. Bemerkungen auf einer Reise in die sudlichen Statthalterschaften des russischen Reichs in den Jahren 1793 und 1794. Leipzig: Bey Gottfried Martini, 1799. Т. 2. Pl. 9.

<sup>3</sup> Храпунов Н.И. Крым в описаниях Редженальда Хебера (1806) // МАИЭТ. 2008. Вып. XIV. С. 645–697.

<sup>4</sup> Монтадон Ш. Путеводитель путешественника по Крыму. Киев, 2011. С. 159.

<sup>5</sup> Жак Кристоф Мивилль в России (к 200-летию приезда) / Авт.-сост. и авт. вступ. ст. Н.Г. Преснова. М., 2010.

<sup>6</sup> Петрова Э. Б. Евгений де Вильнев, Викентий Румсен и их «Исторический и художественный альбом Тавриды» // История и археология Крыма. Вып. I / Сб. статей, посвященный 100-летию со дня рождения О. И. Домбровского / отв. ред. В.В. Майко. Симферополь, 2014. С. 490.

<sup>7</sup> Храпунов Н.И., Гинькут Н.В. Археологические памятники Крыма на рисунках из собрания британского путешественника Ричарда Уэрсли // ΧΕΡΣΩΝΟΣ ΘΕΜΑΤΑ: империя и полис. Материалы X Международного Византийского Семинара (Севастополь – Балаклава 28 мая –1 июня 2018 г.) / отв. ред. Н. А. Алексеенко. Севастополь; Симферополь, 2018. С. 159–166.

<sup>8</sup> Voyage au Caucase chez les tcherkesses et les abkhases en Colchide, en Géorgie, en Arménie et en Crimée par Frédéric Dubois de Montpéreux. P., 1843. Atlas. Ou. II. LXIV (Ill. 1).

нии обороны от башни № 2, которая также сегодня подтверждена археологическими исследованиями: открыты ряд помещений и две церкви<sup>1</sup>.

В целом следует отметить, что художники старались изобразить не только горную местность и руины крепости как часть романтического пейзажа, но и попытаться с топографической точностью зафиксировать сохранившиеся остатки прежней культуры. Архитектурные памятники крепости Чембало дошли до нас не в лучшей сохранности, часть объектов утрачена, некоторые частично разрушены, плохо читается и топография города. И тем ценнее для нас являются те немногочисленные изображения и описания крепости конца XVIII – первой половины XIX столетия, дополняющие наши представления о топографии генуэзской крепости Чембало.

**Н. В. Гинькут**

*Государственный историко-археологический музей-заповедник  
«Херсонес Таврический» (Севастополь)*

### **Византийская керамика XIV в. и ее подражания из раскопок крепости и поселений консульства Чембало**

Поливная керамика представляет собой массовый археологический материал при раскопках крепостей и городов Таврики XIV–XV вв., хроноиндикатором среди которых часто выступают керамические артефакты из Византии. Поздневизантийская поливная керамика известна в литературе как палеологовская глазурованная посуда, *Elaborate incised ware*, *Late sgraffito ware*. Находки отходов производства и заготовок позволили в последние годы выделить некоторые центры производства посуды палеологовского времени (Фессалоники, Серры, Микро Писто и др.). Однако крупными центрами производства поливной керамики в XIV в. являлись Константинополь и Фессалоники.

Среди многочисленных и разнообразных импортов, поступавших в регион в конце XIII – начале XV в., группы материалов *Green colored*, *Zeuxippus ware derivatives*, *B2 Elaborate incised ware* и *B3 Late sgraffito ware* стали доминирующими. Наиболее популярной на территории византийского мира была керамика типа *Elaborate incise ware*, которая отличается разнообразной орнаментацией, выполненной сочетанием техник *champlevé* и *sgraffito*. К наибо-

---

<sup>1</sup> Адаксина С.Б., Мыц В.Л. Крепость Чембало в историографии последней трети XVIII – первой половине XIX вв. // «О древностях Южного берега и гор Таврических»: Сб. научн. трудов / Под ред. В.Л. Мыца. Киев, 2004. С. 86 прим; Адаксина С.Б., Кирилко В.П., Мыц В.Л. Отчет об археологических исследованиях средневековой крепости Чембало (г. Балаклава) в 2003 г. СПб.; Симферополь, 2004. С.46–52; Адаксина С.Б., Мыц В.Л., Ушаков С.В. Отчет об археологических исследованиях средневековой крепости Чембало (г. Балаклава) в 2011 г. СПб.; Симферополь, 2012. С.43–98.



лее ранними группам материалов, поступавшим в регион, относятся сосуды (тарелки и чаши) группы *Zeuxippos ware derivatives*, распространение которых во второй четверти XIII в. и до первой половины XIV в. происходит по всему Средиземноморскому и Причерноморскому региону. Данная керамика относится к категории повседневной столовой посуды.

К парадной керамике относится посуда именно группы *Elaborate incise ware*, которая производилась в нескольких центрах (Константинополь, Фессалоники, регион Балкан). Эта группа отличается и разнообразием форм. Это – богато декорированные кувшины на т. наз. «каблучковом поддоне», несколько видов сосудов открытого типа (чаши-миски, блюда или тарелки). Среди импорта, поступавшего в крепость этого времени, преобладали тонкостенные чашки-пиалы на кольцевом поддоне, диаметром до 12 см, а также бокалы (стаканы, камбановидные чашки) на плоском профилированном дне. Небольшие чашки могли использоваться как для специй и соусов, так и для питья; бокалы, вероятно, использовались для питья. Орнаментальные мотивы группы *Elaborate incise ware* разнообразны: чередующееся пальметты, плетенки с расходящимися радиально лучами, геометрические и растительные мотивы со штриховкой в виде диагональной сетки. Включаются и композиции с изображением человека или животных. Выделяется и керамика, декорированная бесформенными пятнами марганцем, имитирующая мраморовидный рисунок.

Орнаментация сосудов зачастую имела религиозную, даже сакральную направленность, а сама керамика могла использоваться в качестве литургических сосудов, оберегов и паломнических евлогий. Среди материалов из раскопок Чембало и округи выделяется несколько групп керамики, связанных с сакральным назначением. Это сосуды с изображениями крестов, голубя как символа души или бессмертия души; сосуды с монограммами святых, чаще всего украшавшие дно небольших чаш и кубков; сосуды с изображением пальмовых ветвей (листьев) или стилизованных кустов, соотносимых с представлениями о рае или символе духовной победы над смертью.

Датировка византийской керамики из раскопок крепости Чембало укладывается в пределы XIV – начала XV в. Наиболее ранними являются находки из комплекса ямы недалеко от крепости рубежа XIII – первой половины XIV вв., что соотносится с ранним периодом освоения итальянцами Балаклавской бухты и с датировкой фрески, происходящей из храма Девы Марии, локализация которого не уточнена. Наиболее поздние находки соотносятся со слоями засыпи и перестроек башен крепости рубежа XIV–XV – первой половины XV вв. Во второй половине XV в. предметы византийского керамического импорта не встречаются. Таким образом, основной период поступления в крепость Чембало этой византийской керамики приходится на середину – вторую половину XIV вв., что соотносится с периодом активного

освоения и застройки гетуэзцами горы Кастроны. Находки, происходящие из раскопок поселений, входящих в консульство Чембало и расположенные на Гераклеяском полуострове, датируются и более ранним временем – концом XIII–XIV вв., что соотносится с начальным периодом колонизации гетуэзцами побережья Крыма. Исследователи этой группы поливы не раз отмечали особую роль в ее распространении итальянских купцов<sup>1</sup>. Поступление в регион керамики т. наз. «византийского круга» прекращается в период, когда два основных центра Византии находятся в тяжелом состоянии, а существующие по территории империи локальные керамические мастерские обслуживают потребности ближайшей округи<sup>2</sup>.

Активная деятельность итальянских купцов, популярность декора византийской «палеологовской» керамики заставляли местных гончаров делать подражания (имитации). В археологических контекстах второй половины XIV – третьей четверти XV вв. встречается посуда локального производства, но морфологически и орнаментально (включая технику исполнения) схожая с группами византийского импорта. Происходило не просто копирование популярных отдельных элементов, а подражание и подделка модных образцов того времени. В местной керамике региона крепости Чембало и ее округи мы наблюдаем явное стремление повторить константинопольские или фессалонийские образцы. Можно допустить, что это связано с общностью т. наз. «греческого мира» как в бытовом повседневном уровне, так и на уровне единого культурного восприятия.

*Д. А. Гоголев*

*Тюменский государственный университет (Тюмень)*

### **К вопросу об использовании некоторых урбанистических терминов в «Церковной истории» Феодорита Кирского**

Анализ урбанистической терминологии неоднократно оказывался в центре внимания исследователей Античности, средневекового Запада и Востока. Изучение характера использования историками нарицательных городских наименований помогает понять, какой смысл вкладывал в них тот или иной автор в каждом конкретном случае.

---

<sup>1</sup> Крамаровский М.Г. Три группы поливной керамики XIII – XIV вв. из Северного Причерноморья // Византия и византийские традиции. СПб., 1996. С. 99–116; François V. Elaborate incised ware: un témoin du rayonnement de la culture Byzantine á l'époque Paleologue // Поливная керамика Средиземноморья и Причерноморья X–XVIII вв. / Под ред. С.Г. Бочарова, В.Л. Мыца. Киев, 2005. Т. I. С. 195–208.

<sup>2</sup> Гинькут Н.В. Производство поливной керамики во второй половине XIV — середине XV вв. // МАИЭТ. 2014. Т. XIX. С. 311–344.



В докладе анализируются случаи употребления нескольких терминов (πόλις и ἄστυ, πόλις и πολίχνη) для одного и того же поселения, которые упоминаются в «Церковной истории» Феодорита Кирского. Наричательное наименование πόλις многократно встречается в трудах этого ранневизантийского автора с указанием или без указания топонимов и не будет предметом доклада.

Для обозначения отдельных поселений определенными терминами, как отмечается в историографии, решающую роль могли играть следующие факторы: наличие или отсутствие укреплений, их размеры, характер осуществляемых ими функций, статус, территориально-географический фактор, терминологическая традиция; особую роль в этом вопросе играет и личность самого автора. Ситуация усложняется ввиду того, что во многих случаях имеющаяся в нашем распоряжении информация о поселениях содержится лишь в письменных источниках.

В результате исследования было выявлено несколько населенных пунктов, имеющих несколько нарицательных обозначений:

Александрия, «город величайший и многолюднейший», дважды именуется πόλις. Вместе с тем в одном случае Феодорит использует термин ἄστυ, когда Антоний Великий обошел весь город, а в другом называет ее жителей ἄστοί при описании прибытия туда Афанасия Великого.

Антиохия, один из крупных центров на Ближнем Востоке, неоднократно обозначена как πόλις и дважды – как ἄστυ: когда некий человек пришел в город и когда Феодосий I угрожал ее разрушить.

Германикия в «Церковной истории» обозначена как πόλις при характеристике ее географического положения. Следует особо отметить, что в сочинении Феодорита «*Haereticarum fabularum compendium*» данное поселение фигурирует как πολίχνη.

Константинополь, часто называвшийся просто Город или царственный Город, в «Церковной истории» назван ἄστυ: императрица обратилась к Иоанну Златоусту с просьбой сохранения города от опасности.

Кукуз, городок Армении, упомянут как πολίχνη в связи со ссылкой туда Иоанна Златоуста. Во втором случае он также выступает как место насильственного переселения, но обозначается как πόλις: Феодорит повествует об изгнании епископа Павла из столицы и переселении его в Кукуз, небольшой город. Здесь мы можем наблюдать ситуацию, когда автор не придает особого значения терминологии, а основное внимание сосредотачивается на герое повествования и действиях по отношению к нему.

Самосата, древний город в провинции Евфратисия, неоднократно называется ἄστυ: при упоминании протекающего около ее стен Евфрата, а также граждан, возвратившихся в свой город. Один раз Феодорит использует термин πόλις, когда самосатский епископ Евсевий возвращается в свой город.

В результате исследования были сделаны следующие выводы:

– терминология городских поселений, отраженная в письменных источниках, может быть рассмотрена как инструмент, с помощью которого можно исследовать городское сознание Феодорита Кирского; при описании тех или иных поселений часто отсутствуют детали, что объективно затрудняет выявление их характера, территории, населения, значение для государства, а также присущих им функций;

– случаи использования нескольких нарицательных наименований в отношении одного и того же поселения крайне немногочисленны;

– среди перечисленных населенных пунктов, обозначенных как ἄστυ, большинство являлись крупными или значительными городами; действие в основном разворачивается внутри городской застройки либо около поселения (протекание Евфрата около Самосаты); это нарицательное городское наименование у Феодорита Кирского может рассматриваться как синоним термина πόλις; в данном случае можно утверждать, что Феодорит продолжает традицию, начатую с Гомера, – при описании населенного пункта изнутри использовать обозначение ἄστυ;

– церковный историк, скорее всего, не придает (или не видит) особого различия в употреблении терминов ἄστυ и πόλις; использование ἄστυ Феодоритом может рассматриваться в качестве синонима термина πόλις;

– среди возможных причин, почему Кукуз и Германикия фигурируют и как πόλις, и как πολίχνιον / πολίχνη, могут быть недостаточная осведомленность Феодорита об истинном положении данного места и особенности личного восприятия.

**О. В. Головина**

*Средняя образовательная школа № 2 (Волоконовка, Белгородская обл.)*

### **Германцы в армии Юстиниана**

Проблема этнического состава юстиниановской армии является дискуссионной в историографии. Юстинианом активно проводились в жизнь меры, направленные на «растворение» варваров в империи, на усиление контроля над варварами в армии.

Помимо варваров, которые добровольно поступили на военную службу империи, в юстиниановской армии имелось достаточное количество отрядов, сформированных из военнопленных. Так, например, Прокопий сообщает о шеститысячном отряде, который сопровождал Велизария во время переговоров последнего с послом Персии и состоявшем из фракийцев, иллирийцев, готов, герулов и вандалов (Procopius. ВР. II. 21. 4). При этом иллирийцы и фракийцы были уроженцами империи, герулы – союзниками, а готы и вандалы были пленниками.



Отряды, сформированные из пленных, обычно отправлялись на основные фронты военных действий. Так, если вандалы отправлялись на восток против персов, то пленные персы отправлялись в Италию, а пленные остготы – в Египет.

Военачальники империи старались комплектовать готскими воинами гарнизоны крепостей подальше от западных границ государства – в Месопотамии и Сирии. Правительство расселяло их также на территории Малой Азии, а именно в Вифинии и в некоторых других провинциях.

Прокопий отмечает эпизод, в котором на высшие должности империи назначаются даже «простолюдины» из германской среды. Под простолюдином подразумевается некий Свартуя, герул, предложенный Юстинианом в качестве короля этого племени в первой половине 40-х гг. VI в. Когда герулы отвернулись от Свартуи, поддержав другого претендента, он бежал в Константинополь, где был сразу назначен презентальным магистром (Просор. BG. II. 15. 32; IV. 25. 11).

Наибольшее количество упоминаний об участии германцев в военных действиях на стороне императора Юстиниана относится к походу Нарзеса в Италию во время готской войны. Германцев в армии Юстиниана мы встречаем также в эпизодах, касающихся отдельных конкретных сражений.

Германцы служили императору верой и правдой. Источники дают множество подтверждений этому, приводят в качестве примеров эпизоды, в которых германцы на службе империи проявляли высокую боеспособность и верность императору. Но в отличие от V в. в VI в. мы не видим среди германской среды федератов таких громких и сильных вождей как Гайна, Стилихон, Фравитта, Аларих, Аспар. Империя учла ошибки прошлого времени: на исправление этих ошибок и была направлена политика императоров Анастасия и Юстиниана.

Теперь федераты находятся под контролем имперских чиновников, варвары больше не принимаются на службу по договору с целым племенем. Теперь договор с империей – это индивидуальный, личный договор. Варвары теперь не представляют угрозы императорской власти, они становятся более управляемыми и контролируруемыми имперской администрацией. Институт федератства трансформируется. На Западе и в Африке в это время терпят кризис или вовсе распадаются многие варварские государства. Германцы больше не играют той роли в империи, какую они играли раньше. Они становятся лишь частью в огромной мозаике юстиниановской армии (готы, герулы, гепиды, вандалы, франки; наряду с ними – мавры, маврусии, берберы, нумидийцы, арабы, армяне, фракийцы, гунны, савиры, лазы, цаны, болгары, иллирийцы, исавры, склавины, анты и др.), которая варваризовалась, но под контролем власти и в строгой системе.

Во внутренней жизни империи VI в. готские солдаты начинают играть роль гвардии или личного резерва префектов, других крупных чиновников провинциального управления, а также используются в качестве городской стражи, подчиненной соответствующим чиновникам или сенату. Примеры такого рода приводит Малала для Антиохии (во время мятежа партий цирка 507 г.) (Malalas. XVI. 6, 8). Эта роль готов была основана на том же фундаменте, что и их служба в войсках на внешних фронтах – на личных договорах.

Не подлежит сомнению, что германцы в том или ином виде жили в провинциях Римской империи практически до конца VI в. Это были и регулярные военные отряды букеллариев, и презентальные отряды магнатов-землевладельцев. Отдельные группы могли оседать на земле в положении зависимых работников. Часть этих людей хранила свою арианскую веру, имела Священное Писание на родном языке, а также своих священников. В силу специфики сохранности источников, больше всего информации об этом мы имеем из Египта. Но, видимо, схожая картина могла иметь место и в других регионах.

В составе имперских войск помимо готов мы видим и других германцев. Так, гепиды участвуют в военных действиях в эпоху правления Юстиниана I. На востоке в Римской империи герулы встречаются лишь в правление Юстиниана. Прокопий сообщает о том, что герулы принимались в империю в качестве наемников-союзников.

Среди герульских и гепидских вождей было немало тех, кто проявлял высокую боеспособность и верность императору. Так, например, гепиды Ардарих, Гиесма, Мунд, герулы Свартуя, Фулкарис, Синдуал даже занимали высшие военные должности, несмотря на свое варварское происхождение.

Вандалы как федераты или хотя бы как наемники на службе империи в источниках не упоминаются вплоть до эпохи Юстиниана. Лишь после крушения своего королевства вандалы как военнопленные частично переходят на службу в имперскую армию.

Германцы VI столетия, в целом, верно служили в армии империи, помимо «реконкисты» Юстиниана сыграв, в частности, важную роль в завоевании Боспора Киммерийского.

Вместе с тем, германцы ранневизантийского времени смогли сыграть важную роль только в военной организации империи, не создав этно-территориальных образований и не оставив после себя в Восточном Средиземноморье каких-либо ярких памятников как материальной, так и духовной культуры.



**М. В. Грацианский**

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова  
(Москва)

### **Императорские prerogative в «божественных делах» и понятие церковного «первенства чести»**

Как признается, с момента появления в Римской империи христианских императоров последние начинают играть в Церкви ключевую роль. Отношение к этому факту в историографии сильно различалось в зависимости от эпохи и конфессиональных установок отдельных авторов. В то время как православные и, отчасти, протестантские авторы могли относиться к этому обстоятельству терпимо, а католики неприязненно, большинство исследователей, тем не менее, воспринимало влияние императоров на Церковь как навязанное и, в сущности, нарушающее принципы церковной «свободы».

Между тем, исследователями по большей части игнорируется либо нивелируется тот факт, что прямое участие римского императора в жизни Церкви коренилось в основополагающих юридических принципах существования императорской власти и было зафиксировано законодательно. Данное обстоятельство объясняет всю совокупность фактов, касающихся отношений императоров и всей полноты церковной иерархии, которая с момента издания императорами Миланского эдикта, признавшего христианство дозволенной религией (*religio licita*), вступило с императорами в те взаимоотношения, которые были предусмотрены для регулирования последними сферы религиозной жизни в Римской империи.

К числу таких основополагающих принципов относится вошедшее в Дигесты и восходящее ко II в. определение: «Публичное право относится к положению римского государства ... публичное право заключается в священном, священниках и магистратах»<sup>1</sup>. Постигание правовой науки, в такой логике, приводит к «знанию божественных и человеческих дел»<sup>2</sup>. В знаменитой конституции Юстиниана Tanta, предваряющей публикацию Институций и Дигест, император отмечает: «... среди всех вещей не находится ничего столь важного как авторитет законов, который благим образом распределяет и божественные и человеческие дела...»<sup>3</sup>. Тот же Юстиниан объединяет «божественное и публичное право» в единую категорию, противопоставляя ее

<sup>1</sup> Jus publicum ad statum rei Romanae spectat ... jus publicum in sacris, sacerdotibus et in magistratibus consistit (Corpus iuris civilis / Rec. P. Krueger. Vol. I. Berlin, 1954. P. 29 [Dig. 1.1.1.2]).

<sup>2</sup> Ibid. P. 1.29: Iuris prudentia est divinarum atque humanarum rerum notitia.

<sup>3</sup> Cum itaque nihil tam studiosum in omnibus rebus invenitur quam legum auctoritas, quae et divinas et humanas res bene disponit... (CIC I. P. 8).

«частным интересам»<sup>1</sup>. Тем самым становится очевидно, что чрезвычайно часто встречающиеся высказывания императоров, говорящие о тесной связи церковных и государственных дел и о зависимости благополучия вторых от благополучия первых, являются не просто риторическими фигурами, а отражают принятые и юридически зафиксированные нормы<sup>2</sup>.

Из совокупности даже этих нескольких высказываний становится ясна суть «божественных дел» как части публичного права, гарантом и исполнителем которого, согласно другим нормам римского права, выступал император. Как таковой он в силу этого оказывается и распорядителем «священников и магистратов» в равной степени. Из этого обстоятельства с необходимостью вытекало то, что императором производилось утверждение избраний «священников» (*sacerdotes*, ἱερεῖς), под которыми в расхожем словоупотреблении IV–VI вв. исключительно понимались епископы<sup>3</sup>.

Император оказывался естественной апелляционной инстанцией при возникновении крупных межцерковных конфликтов, особенно между «великими кафедрами» (*magnae sedes*). В этих случаях им назначался состав суда, который рассматривал дело, а приговор поступал на утверждение императору и публиковался от его лица.

Особой формой, в которой выражалось «попечение» (*sollicitudo*)<sup>4</sup> императора о Церкви был Вселенский собор. Последний рассматривался как форма всеимперского совещания, посвященная разбору «церковных и вселенских дел», причем под последними имелись в виду дела государственные. Статус «вселенского» относился не к церковной сфере, разбору дел которой он был посвящен, а отражал общегосударственный характер мероприятия и

---

<sup>1</sup> Corpus iuris civilis / Rec. P. Krueger. Vol. II: Codex Iustinianus. Berlin, 1954. P. 16: Ut inter divinum publicumque ius et privata commoda competens discretio sit...

<sup>2</sup> Ср. характерное высказывание Феодосия II (408–450): «нынешний вопрос настоятельных церковных и связанных с ними государственных нужд (ἡ τῶν νῦν ἀναγκαίων ἐκκλησιαστικῶν τε καὶ τῶν ταύταις συνημμένων δημοσίων χρειῶν ζήτησις) явило его (т.е. Вселенский собор. — М.Г.) в высшей степени полезным и необходимым» (Acta Conciliorum Oecumenicorum / Ed. E. Schwartz. T. I. Vol. I, Pars I. Berlin; Leipzig, 1927. P. 115.18–194).

<sup>3</sup> Впрочем, утверждению императора подлежали не все епископы, а только те, которые занимали кафедры митрополий и «великих городов» — Рима, Константинополя, Александрии и Антиохии. Особое внимание также уделялось резиденциям префектов и викариев.

<sup>4</sup> Последнее является *terminus technicus* для обозначения осуществления уполномоченным лицом управленческих функций в отношении объекта управления.



тот факт, что созывается он по личному приказу (*jussio*, κέλευσις, θέσισμα) императора<sup>1</sup>.

С особой ролью императора в отношении Церкви связано и неоднократно зафиксированный канонами принцип о том, что церковно-административное деление следует государственно-административному, а границы церковных областей и статус кафедр определяются императорскими распоряжениями. Выражением этого последнего принципа явилось создание на протяжении VI–XIII вв. целого ряда автокефальных церквей, независимый церковно-административный статус которых определялся указами императоров. Также и принцип «первенства чести» (πρεσβεῖα τιμῆς, *privilegium dignitatis*) крупнейших церковных кафедр был определен императорскими указами, на основании чего сложилась и имела продолжительное бытование концепция «пентархии».

**А. А. Гречухина**

*Белгородский государственный национальный  
исследовательский университет (Белгород)*

### **Постижение человека в трактате Синесия «О сновидениях»**

Жизнь и творчество Синесия Киренского является для нас уникальным образцом мировоззрения человека, стоявшего на стыке двух миров – античного и христианского. После принятия епископства он оставался верен неоплатонической философии и традициям, которые отложились в юности. Он смог жить в эпоху глубоких изменений без ущерба для философской мысли. Его биография и взгляды – замечательное сочетание всех эпох классической древности в картине мира одного человека.

Синесий, как философ и епископ, представляет для нас интерес тем, что он смог сопоставить взаимосвязь христианских доктрин и неоплатонического течения в своих трактатах. Во время его жизни язычество уже находилось в упадке, но он полностью осознавал независимость философии. Ее можно было использовать для интерпретации христианских мифов и тайн.

Трактат «О сновидениях» (*De insomniis*) является важным объектом изучения наследия Синесия как философа. Однако у исследователей XIX–XX вв. анализ трактата «О сновидениях» в недостаточной мере использовался для понимания его философии, в отличие от трактата «Дион» или гимнов.

<sup>1</sup> См. высказывание императора Феодосия II из его сакры о созыве III Вселенского собора (431 г.): «Мы убеждены, что каждый из боголюбивейших иереев, зная, что святейший Собор побуждается этим нашим повелением (θεσισματι) поспешно собраться ради церковных и вселенских дел (ἐκκλησιαστικῶν τε καὶ οἰκουμενικῶν πραγμάτων χάριν)...» (Acta Conciliorum Oecumenicorum / Ed. E. Schwartz. T. I. Vol. I, Pars I. Berlin; Leipzig, 1927. P. 115.32–34).

Многие специалисты придерживаются той точки зрения, что через сны, по Синезию, человеческая душа соединяется с космическим, достигая самого Первоначала<sup>1</sup>.

Трактат «О сновидениях» был составлен около 405 г. после возвращения Синезия из посольства в Константинополь в свою резиденцию в Кирене. К тому времени Синезий получил образование в александрийской школе Ипатии, добился большого авторитета среди своего окружения, развился как политический деятель и семейный человек. Через пять лет после написания своего трактата Синезий принимает предложение александрийского патриарха Феофила и становится епископом Птолемаиды.

Следует сказать, что первые рассуждения о снах в античной традиции содержатся у Гомера и Гесиода. Начиная с Платона, сон связывался с состоянием человеческой души, когда она наиболее независима от материального тела и чувственного проявления. Размышления о снах, их механике, мы можем видеть в сочинениях Демокрита, Аристотеля, Феофраста, Эпикура, а позднее, в VI в., представителя Афинской школы неоплатонизма Прискиана Лида. Синезий также задавался вопросами о появлении и существовании снов, считая сновидения чрезвычайно важным источником в процессе постижении человека.

Считается, что этот трактат является одной из лучших работ на эту тему и имеет в себе уникальное для античного человека открытие. Оно заключается в том, что жизнь человека делится на теоретический ум, внешние чувства от рассудка и жизнь воображения, которая связывает чувственное и рациональное. Человек есть существо мыслящее, а если следовать гнозисной установке, Первоначало также мудро и полно ума, что позволяет говорить о родстве Бога и человека. Но какие мысли приведут к совпадению с Богом? Синезий делает вывод о том, что именно жизнь воображения является правильным мышлением и соприкасается с Душой Всего, то есть будет действовать на все вещи космоса и не действовать вообще.

В античной философии мышление всегда связывалось с рассудком, а воображение стояло на третьем месте, или вообще не упоминалось. Данная концепция является уникальной для того времени. При этом мыслить и воображать, по Синезию, – это то же самое.

В концепции также проявляется богословская составляющая. Например, у Синезия нет различия между античным Умом созерцающим и Умом творящим (Душой), как и христиане не различают природу и Святой Дух. С помощью воображения происходит соединение с Первоначалом, но не душа

---

<sup>1</sup> См., например: *Nicol J.C. Synesius of Cyrene: His Life and Writings. Cambridge, 1887; Bregman J. Synesius of Cyrene, Philosopher-bishop. Los Angeles, 1982; Синезий Киренский, митрополит Птолемаиды и Пентаполя. Трактаты и гимны. СПб., 2012. Т. I.*



стремится к Нему, а божество возносит душу к себе. В античной же философии принято понимать процесс восхождения, как личную заботу души. Соединиться с Божественным поможет то, какой образ жизни ведет человек. А цель души – дать вечную жизнь тому, что было в человеке, возвести это в божественную форму бытия.

Синесий говорит о механизмах работы с воображением: помимо ограничений в пище или плотских желаний он рекомендует вести дневник о своих снах и сопоставлять записи с тем, что уже случилось в жизни, и не только читать знаки окружающего мира, но и понимать взаимосвязь всех частей вселенной. Именно сны являются источником воображения, что уникально для души каждого человека. Сны могут стать оракулами, например, они помогли ему в охоте, помогали отличить друзей от врагов, сны направили его в Афины. В письме брату Синесий описывает сны, трактуя их как пророческие, которые предвещают несчастье, если он не совершит эту поездку (Syn. Ep. 54).

При этом Синесий отвергает сонники, поскольку считает, что нельзя разные сны трактовать одинаково. У каждой души есть свое прошлое и свое место, так что не может быть повторяющихся ситуаций. Единственный способ понять сны – заняться их анализом.

Таким образом, Синесий, как философ, уникален тем, что в традициях мысли, сложившейся к IV–V вв., не предпринималось попыток работы с воображением и осмыслением снов как пути к истинному богопознанию. Синесий говорил об уникальности каждого человека, а сны могут помочь Душе возвыситься до Первоначала, и обрести понимание тайн мира, следовательно, постичь самого человека.

*С. А. Денисов*

*Институт археологии РАН (Москва)*

### **Эпирско-сербские отношения в первой половине XIII в.**

Отношения между Византийской империей и Сербией являются традиционной частью концепции «Византийского содружества наций» и имеют свою специфику. Создание и развитие политических контактов между двумя государствами первоначально происходили в условиях политического кризиса в империи в конце XII в., приведшего к ее дезинтеграции в 1205–1261 гг. Среди государств, существовавших в этот период на территории Византии, активные контакты с Сербией поддерживали правители Эпирского царства: Михаил I (1205–1215) и Феодор I (1215–1230) Дуки. Данные взаимоотношения выстраивались исходя из требований современной политической обстановки и имели последствия для дальнейших византийско-сербских контактов.

Поэтому важным представляется определить основную линию эпирско-сербских отношений и выявить возможные варианты их развития.

Данный вопрос не был полностью рассмотрен в историографии. В предшествующих исследованиях делался акцент на отдельных событиях эпирско-сербских отношений (поход Михаила I Дуки в Сербию в 1215 г.<sup>1</sup>, рукоположение Саввы в сан архиепископа<sup>2</sup>, союз Феодора I Дуки со Стефаном II Неманей (1196–1228)<sup>3</sup>), в то время как общая линия прослежена не была. Для решения данной проблемы обратимся к основным этапам рассматриваемых отношений в 1205–1230 гг.

Михаил I Дука получил власть в сложной политической ситуации, когда Эпир находился в зоне притязаний Венеции, Римского папы Иннокентия III (1198–1216) и латинского императора Генриха д'Эно (1206–1212). Сочетая дипломатию и военные кампании, Дука смог отстоять независимость своего государства и расширить его территорию на восток (присоединив часть Фессалии) и север (включив Диррахий, о-ва Корфу и Кефалиния, а также южную Албанию). Разнообразные источники, содержащие сведения о деятельности Михаила I (акты, хроники, письма, печати и монеты), свидетельствуют о том, что он рассматривал себя только в качестве местного правителя и не претендовал на императорский титул<sup>4</sup>. Для поддержания активной внешней политики ему было необходимо получить максимальное количество земель, обладающих богатыми ресурсами.

Этим можно объяснить его претензии на Диррахий и Корфу, являвшиеся важными торговыми пунктами между Италией и Константинополем. Придерживаясь этого вектора, Михаил I совершил в 1215 г. поход на Скодр в южной Албании, вступив тем самым в конфликт со Стефаном II Неманей, который рассматривал этот город как сферу своих интересов. Начавшуюся войну прервала смерть Михаила I, который был убит слугой<sup>5</sup>. Вполне вероятно, что в убийстве участвовал также Феодор I Дука, который претендовал на престол брата и с которым связан следующий этап эпирско-сербских отношений.

Получив в 1215 г. власть, Феодор I отказался от расширения границ на север и обратился к отвоеванию земель Фессалии, Фракии и Македонии у латинских правителей, рассматривая в качестве конечной цели престол в Кон-

---

<sup>1</sup> *Polemis D. I.* The Doukai. A Contribution to the Byzantine Prosopography. L., 1968. P. 92; *Maksimović L.* La Serbie et les contrées voisines avant et après la IV<sup>e</sup> croisade // *Urbs Capta: The Fourth Crusade and its Consequences* / Ed. by A. E. Laiou. P., 2005. P. 279.

<sup>2</sup> *Karpozilos A. D.* The Ecclesiastical Controversy between the Kingdom of Nikaia and the Principality of Epiros (1217–1233). Thessaloniki, 1973. P. 67–68.

<sup>3</sup> *Nicol D.* The Despotate of Epiros. Oxford, 1957. P. 48–49; *Bredenkamp F.* The Byzantine Empire of Thessaloniki (1224–1242). Thessaloniki, 1995. P. 81.

<sup>4</sup> *Stiernon L.* Les origines du despotat d'Épire // *REB.* 1959. T. 17. P. 90–126.

<sup>5</sup> *Georgii Acropolitae Opera* / Rec. A. Heisenberg. Stuttgart, 1979. S. 25.3–6.



стантинополе. Соответственно он был заинтересован в мирных отношениях с Сербией, которые были укреплены за счет брака его дочери Анны и Стефана Радослава, сына Стефана II Немани. В это же время земельные владения в Македонии получил член сербской королевской семьи Георгий<sup>1</sup>. Выстраивая мирные отношения с Сербией, Дука рассматривал ее как зону своего политического влияния. Помимо включения представителей сербской знати в состав элиты царства, данное влияние проявилось в церковной политике: эфирские архиереи претендовали на контроль над делами сербской церкви. Поэтому рукоположение Саввы в сан архиепископа, совершенное Вселенским патриархом Мануилом Сарантином (1217–1222) в 1219 г., вызвало решительный протест со стороны Охридского архиепископа Димитрия Хоматиана (1216–1236)<sup>2</sup>. Результатом рассматриваемого влияния стало вхождение Сербии в сферу влияния Эпирского царства, что ярко проявилось в презентации власти Стефана Радослава (1228–1234), представленной в нумизматическом материале<sup>3</sup>.

Однако после поражения Феодора I в битве при Клокотнице в 1230 г., Стефан Радослав был вынужден уступить престол своему брату Стефану Владиславу (1234–1243), пользовавшемуся поддержкой болгарского царя Ивана II Асеня (1218–1241/1242). Влияние Эпирского царства на сербскую политическую жизнь прекратилось.

Таким образом, на протяжении 1205–1230 гг. эпирско-сербские отношения развились от противостояния до включения Сербии в сферу влияния Эпира, что подразумевало тесные политические и культурные связи. Данное положение было обусловлено сменой вектора внешней политики эпирских Дук в 1215 г., ликвидировавшей основание для прямого противостояния с Сербским государством.

---

<sup>1</sup> Demetrii Chomateni Ponemata diaphora / Rec. G. Prinzing. [Corpus Fontium Historiae Byzantinae. Vol. 38]. Berolini; Novi Eboraci, 2002. S. 56.43–65; 411.4–8; 412.65–66.

<sup>2</sup> Ibid. S. 377.228–378.248; *Станковић В.* Стефан Немањић и његов брат Сава у списима Димитрија Хоматина // *Византијски свет на Балкану* / Уред. Б. Крсмановић, Л. Максимовић, Р. Радић. Београд, 2012. С. 111–118.

<sup>3</sup> Catalogue of the Byzantine coins in the Dumbarton Oaks and in the Whittemore collection / Ed. by A. Bellinger, P. Grierson. Vol. 4: Alexius I to Michael VIII. Part 2: The Emperors of Nicaea and Their Contemporaries / Ed. by M.F. Hendy. Washington, 1999. P. 635–638. Pl. XLVII.

**И. В. Денисова, В. А. Лю-Ку-Тан**

*Белгородский государственный национальный исследовательский университет (Белгород)*

**Византинист Федор Михайлович Россейкин (1879–1951) – ученый и педагог**

В 2019 г. исполняется 140 лет со дня рождения Федора Михайловича Россейкина, который внес значительный вклад как ученый в развитие отечественной византологии и, как педагог, – в развитие системы образования и учебных заведений в г. Новый Оскол, Московской области, г. Калининграде.

Данное исследование представляет собой попытку исторической реконструкции наиболее полной биографии Ф. М. Россейкина на основе анализа неопубликованных ранее документов из фондов Научного архива Института российской истории РАН и Государственного архива Белгородской области.

Федор Михайлович Россейкин родился 15 сентября 1879 г. в семье мещанина в городе Ардатов Симбирской губернии, где в 1895 г. окончил духовное училище, а в 1901 г. – Симбирскую духовную семинарию. Известно также, что он был женат на Зинаиде Александровне Нагаткиной.

Трудное материальное положение и обучение в семинарии за казенный счет не позволили получить университетское образование, в связи с чем он продолжил обучение в Московской Духовной академии, которую окончил в 1905 г. со степенью кандидата богословия как выпускник LX курса с правом при искании степени магистра не держать новых устных испытаний и при которой в течение года состоял профессорским стипендиатом. За лучшее кандидатское сочинение по церковной истории выпускник Федор Россейкин был удостоен премии протоиерея А. М. Иванцова-Платонова в 160 рублей, а также премии митрополита Московского Макария в 97 рублей за лучшее семестровые сочинения, написанное им в течение первых трех курсов.

В августе 1906 г. Советом Академии его избрали на должность доцента по древней гражданской истории кафедры истории Греко-восточной Церкви со времен отпадения Западной церкви от Вселенской до настоящего времени, в которой проработал до 1910 г. Таким образом, до 1915 г. он исполнял должность доцента, после – доцента с чином титулярного советника.

Федор Михайлович активно работал с исследованиями студентов. Полные тексты некоторых рецензий опубликованы в журналах собраний Совета Московской Духовной академии. На собрании Совета МДА 5 июня 1915 г. исправляющий должность доцента по кафедре истории Греко-восточной Церкви со времен отпадения Западной церкви от Вселенской до настоящего времени, в связи с историей Славянских церквей и Румынской М. Ф. Россейкин на коллоквиуме представил диссертацию на соискание степени магистра богословия «Первое правление Фотия, патриарха Константинопольского».



Диссертация включала в себя введение, 18 глав и 3 приложения, общий объем работы составил 487 страниц и была напечатана в 70 экземплярах. За этот труд Федор Михайлович был удостоен 2-й премии митрополита Макария за 1915/1916 г. В 1917 г. он получил звание экстраординарного профессора Академии, являясь также членом Собора Православной Российской церкви.

Однако «в связи с бытовыми трудностями» в конце 1918 г. был вынужден переехать вместе с семьей в г. Новый Оскол Курской области (ныне Белгородской области). Отметим, что за годы работы в Новом Осколе местная парторганизация отмечала: «Россейкин Ф. М. известен нам как гражданин положительный по отношению к Советской власти, и как энергичный и дельный общественный и педагогический работник»<sup>1</sup>.

В 1919 г. он работал библиотекарем (организатором) Красноармейского клуба при военной части в г. Новый Оскол<sup>2</sup>. Основным местом работы в 1920–1921 учебном году Ф. М. Россейкина в г. Новый Оскол стала школа II ступени в должности заведующего<sup>3</sup>. В этом учебном заведении он преподавал историю и обществоведение с 1918 г.<sup>4</sup> В это же время до августа 1923 г. Федор Михайлович совмещал педагогическую деятельность с работой в сельскохозяйственном техникуме, читал лекции для рабочих и крестьян района. В 1920 г. он был избран профессором по факультету общественных наук Воронежского государственного университета. Но избранием не воспользовался и в 1923 г. возвратился в Москву. С 1923 по 1945 гг. он преподавал в Московской области в городах Калининград (ныне Королев) и Зеленоград<sup>5</sup>.

С 1923 по 1930 гг. он продолжил трудовую деятельность в методической комиссии Московского отдела народного образования и Института методов школьной работы. В 1927 г. получил звание научного работника. При этом он продолжал параллельно заниматься исследовательской деятельностью, с 1925 г. выполнял поручения Русско-византийской комиссии Академии наук СССР. Но только в 1943 г. он был включен в состав созданной при Институте истории АН СССР группы по истории Византии.

В годы Великой Отечественной войны с семьей находился в Москве, награжден медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне»<sup>6</sup>. Приказом № 22 по Институту истории Академии наук СССР с 1 февраля 1945 г. Федор Михайлович был зачислен на должность исполняющего обязанности старшего научного сотрудника института<sup>7</sup>.

<sup>1</sup> НА ИРИ РАН. Ф. 1. Описание личных дел. Д. 39. Л. 10 об.

<sup>2</sup> Там же. Л. 7 об.

<sup>3</sup> Там же.

<sup>4</sup> Государственный архив Белгородской области (ГАБО). Ф. Р-688. Оп. 1. Д. 20. Л. 12.

<sup>5</sup> НА ИРИ РАН. Ф. 1. Описание личных дел. Д. 39. Л. 9.

<sup>6</sup> Там же. Л. 11 об.

<sup>7</sup> Там же. Л. 22.

Научное и содержательное соответствие работы Ф. М. Россейкина «Первое правление Фотия, патриарха Константинопольского» были защищены как магистерская диссертация в 1915 г., что позволило разрешить в порядке исключения рассмотреть на Совете Института истории Академии наук СССР работу Ф. М. Россейкина и на основании решения Совета присвоить ученую степень кандидата исторических наук<sup>1</sup>.

20 июня 1946 г. заседанием Президиума Академии наук СССР кандидату исторических наук Ф. М. Россейкину было присвоено ученое звание старшего научного сотрудника. С 18 апреля 1951 г., в связи с хронической формой заболевания и переводом на инвалидность, он был освобожден от занимаемой должности старшего научного сотрудника. Федор Михайлович ушел из жизни 31 мая 1951 г. В 1952 г. в «Византийском временнике» были опубликованы некролог и портрет Ф. М. Россейкина.

*А. Ю. Елисеева*

*Белгородский государственный историко-краеведческий музей  
(Белгород)*

### **К истории женских монастырей традиции Шенуте в Египте**

Египет, как колыбель монашества, всегда притягивал внимание исследователей. Именно здесь появились первые женские монастыри и традиции женских аскетических практик. В период становления христианского монашества (IV–V вв.) женское монашество развивается в лоне мужского (за исключением персональных аскетических практик) и лежит в единой догматике с мужским. Женщины зависимы от мужчин в бытовом и духовном плане, в проведении некоторых церковных служб и таинств. Поэтому особый интерес вызывает традиция «двойных монастырей», которая ярко проявилась в «Белом монастыре» близ города Сохаг. Нам известно, что в Фиваиде у аввы Шенуте подвизалось около 1800 монахинь (Sozomenos. Hist. Eccl. III. 14). Современные ученые склонны относить «Белый монастырь» к общежительному типу, так как он состоял из нескольких общин, располагавшихся на некотором удалении друг от друга.

Монахини жили в домах, в каждом из которых была наставница. Общинами для монахинь были столовая, молитвенное место и лазарет, которые послушницы обслуживали самостоятельно. Кроме того, женщины были заняты производством необходимого количества продуктов питания (хлеб и овощи) и одежды. В монастыре существовало разделение труда, каждый дом отвечал за выполнение определенной работы. Например, монахини «Белого монасты-

<sup>1</sup> Там же. Л. 13.



ря» изготавливали одежду не только для собственных потребностей, но и с расчетом на нужды мужской обители.

Отличительной чертой жизни женского монастыря Шенуте была высокая степень тяжести аскетической жизни – более строгие посты, применение телесных наказаний и изгнания, что зачастую связывают с личностью самого настоятеля.

Монастырь, по мнению Шенуте, был прообразом «царствия небесного» на земле, где настоятель олицетворял Бога, а монахи (мужчины и женщины) – ангелов, лишенных плоти и пола. В поисках идеальной, гармоничной формы управления монастырем Шенуте пришел к выводу, что даже отрешенная от мира монашеская среда не лишена «человеческого фактора». Видя недостижимость идеала аскетизма в реальном мире, Шенуте стал ревнителем христианского аскетизма в его самой суровой форме.

Необходимость телесных наказаний Шенуте объяснял тем, что физические страдания способствуют исцелению от «болезней тела». Настоятель видел, что женская половина монастыря часто страдала от розни, клеветы, краж, фаворитизма, проявлений зависти<sup>1</sup>. Несмотря на религиозный характер общины, не все люди приходили сюда исключительно за спасением. Среди недуховных мотиваций можно выделить желание присоединиться к монашествующим родственникам, поиск материальной защищенности, бегство от преследователей и др. Поэтому одним из главных направлений духовной работы для монахинь было выработка самообладания и работа над «воспитанием духовного стержня».

Аскетическая жизнь монастыря подразумевала отказ от семьи. При вступлении в монастырское сообщество ее роль и функции заменяла семья «духовная». Не случайно и в современном христианстве используется терминология: братья и сестры, матушка и батюшка. Такой язык помогает создавать необходимые образы, способствующие укреплению социальных связей, атмосферы взаимопомощи и взаимной поддержки, формированию единства общины, чувства социальной идентичности, а так же четкой иерархии внутри монастыря.

Специфическим аспектом монашества женщин в двойных монастырях, является проблема их единства и разделенности с мужской братией. С одной стороны, монахи «Белого монастыря» не делятся по половому признаку, так как они подобны ангелам и по сути «усреднены в поле», или, точнее, исключены из него. Концепция монашеской жизни «Белого монастыря» и монашества традиции Шенуте заключается в том, что женщины могут и должны

---

<sup>1</sup> Shenute of Atripe. Letters. Louvain, 1953.

жить как монахи-мужчины<sup>1</sup>. Преодолеть грех и получить спасение способны в равной степени и те, и другие.

С другой стороны, возглавляя один из самых крупных монастырских комплексов того времени, Шенуте убедился, что само состояние идеала практически недостижимо в человеческом обществе. Чтобы минимизировать соблазны, женская и мужская братия должны быть разделены физически, а их общение быть весьма ограниченным. В этом проявляется непреодолимое противоречие между единством и действительным разделением, которое еще больше подчеркивает влияние плоти и пола<sup>2</sup>.

Своя специфика сложилась и в административном подчинении: монахи-ни подчиняются мужчинам-старейшинам или посланникам архимандрита, а мужчины-монахи – только архимандриту Шенуте. Этому факту мы находим несколько объяснений. Во-первых, для ранних традиций женского монашества характерно мнение, что женщины нуждались в мужском руководстве как более восприимчивая и страстная натура и должны были принимать главенствующую власть мужчин. Во-вторых, слабость женского администрирования могла быть связана с тем, что среди монахинь «Белого монастыря» не было женщин высокого происхождения, способных взять на себя роль лидера.

Таким образом, традиция женского монашества в «Белом монастыре» при авве Шенуте отличалась строгостью аскетической жизни, особыми формами взаимодействия и сосуществования с мужской братией, видами хозяйственной деятельности и духовной концепцией единения и разделенности.

*А. Г. Еманов*

*Тюменский государственный университет (Тюмень)*

### **Личная эмблема греческого моряка первой половины XV в.: переворачивание кодов образного мышления**

Дмитрий Оболенский не склонен был включать в «Византийское содружество» Венецию, вышедшую из-под византийской власти в IX в., земли Латинской Романии, обретшие самые разнообразные статусы после первых крестовых походов, в особенности после четвертого. Однако там оставалось греческое население, порой значительное, продолжавшее пребывать в церковном общении с Константинопольском патриархатом. Там оставалось заметное влияние политико-правовых традиций, религиозно-этических норм, культурных устоев Византии.

<sup>1</sup> *Krawiec R.* Shenoute and the Women of the White Monastery. *Egyptian Monasticism in Late Antiquity.* New York, 2002. P. 95–98.

<sup>2</sup> *Ibid.* P. 92.



Поводом для размышлений о глубине и характере трансформаций в мышлении простого человека, представлявшего смешанную среду Латинской Романии, послужила необычная личная эмблема Михаила Родосского 40-х гг. XV в.<sup>1</sup>, составленная по образцам западных гербов. Ее составитель происходил с о. Родос, находившегося под властью ордена родосских братьев, вероятно, из крестьянской семьи. Он не был образован, не умел ни читать, ни писать. Молодым человеком в поисках заработка он отправился на юг Италии. Там в небольшом порту Манфредонии Михаил нанялся гребцом на венецианскую государственную военную галеру, входившую в состав конвоя каравана судов в Романию.

Уже после первого плавания он смог поселиться в Венеции в приходе Сан Пьетро ди Каstellо, где проживало много греков, женился, начал обучение в школе грамматики, затем продолжил в школе арифметики, освоил абака. Морское дело, умение обращаться с картами, навигационными астрономическими приборами он осваивал на кораблях. За более чем сорок лет родосский моряк побывал в Брюгге и Лондоне, Александрии и Бейруте, Константинополе и Трапезунде, донской Тане и днестровском Монкастро, трижды останавливался в крымской Кафе. Он прошел путь от простого галерного гребца до адмирала, являвшегося в ту пору помощником капитана, главы морского каравана. Михаил Родосский натурализовался в Венеции, получил венецианское гражданство, однако несмотря на отличия и морские заслуги, не получил статуса нобиля.

Его личную эмблему составлял щит, поставленный под углом 45°, имевший справа вырез под опору копья в боевом состоянии. Поле щита рассечено золотом и серебром, окаймлено червлёным кантом. Золото аллегорически соотносилось не со знатностью и богатством, а с вечностью и светоносностью горнего мира, к которому стремилась христианская душа. Серебро символизировало дольний мир, земную стихию, указывало на земледельческую среду, из которой происходил моряк. Эти тинктуры действительно были связаны с личной идентификацией родосца, они реально использовались на галерном гюйсе, когда он исполнял обязанности адмирала.

Над щитом высился лазоревый шлем в форме «жабьей головы» с отверстиями под болты соединения с кирасой. На нем помещена черная латинская готическая литера “m” с двойным изломом, адресовавшая к личному имени обладателя эмблемы. Уже в статусе кормчего венецианский выходец с Родоса получил привилегию облачаться в кирасу и шлем, но, конечно, не такой изощренной формы, предназначенной только для рыцарских турниров.

---

<sup>1</sup>The Book of Michael of Rhodes. A Fifteenth-Century maritime Manuscript / Ed. by P. O. Long, D. McGee, and A. Stahl. Cambr.(Mass.), 2009. Vol. 1-3; Rec.: *Arbel B.* // *Mediterranean historical Review*. 2014. Vol. 29. N 2. P. 186-194.

Очень эффектно смотревшая щель шлема, вызывающая ассоциацию со смеющимся ртом.

Шлем покрыт шлемовым покрывалом, намётом. Тинктурой наружной стороны выступало золото с пурпурными складками, а внутренней – лазурь. Покрывало рассечено на 11 полос, вероятно, напомиавших о числе морских боев и сражений, в которых отличился моряк. Намёт фиксировался на шлеме с помощью бурлета, венца, сплетенного из золото-лазоревого жгута.

Особенно выразительным было навершие герба, нашлемник, который образовывали фигуры непропорционально большой серой мыши, поймавшей когтями черного кота. Здесь мышь, по-латински *mus*, по-гречески μῦς, оказывалась гласным личным знаком Михаила Родосского (Michali, Μιχαήλ, Μι[χάλη]ς). Если богословие воспринимало мышь как демоническое существо, прислуживавшее дьяволу, аллегория смертных грехов жадности, воровства, половой распущенности, то народное крестьянское сознание, к которому был генетически близок родосец, признавало в ней укорененное в земле божье творение, порождаемое землей, как и человек, питающееся злаками земли, чувствующее глубинные тектонические движения и способное своим поведением предсказывать природные катастрофы. Мышь и в новой морской жизни родосца сохраняла способность предвещать надвигающееся кораблекрушение.

Кот, по-латински *catus*, по-гречески κάττα, тоже обретал перевернутое символическое понимание. Если в богословии домашний кот наделялся позитивными качествами, именем, душой, разумом, способностью к воскресению, то в массовой психологии кот, особенно черного окраса, казался воплощением нечистой силы, смертельных опасностей для христианина. С таким котом соотносились заблуждения, ереси, иноверия. В данном случае кот оказывался аллегорией мусульман, с которыми приходилось воевать родосцу и одерживать победы.

Пародийно-инверсивный пафос эмблемы Михаила Родосца достигает апогея в двух фигурах белой редьки с зеленой ботвой, стилизованной под зубцы короны. Это – один из важных корнеплодов земледельческой культуры Средних веков, обязательный элемент крестьянской трапезы.

В целом, рассмотренная личная эмблема венецианского моряка греческого происхождения способна поведать о проявлении свободного критического мышления в народном сознании, обостренном чувстве иронии и самоиронии, что делало возможным переворачивание устоявшихся норм, задолго до озарений Эразма Роттердамского и Франсуа Рабле.



**Е. Ю. Ендольцева**

*Институт востоковедения РАН (Москва)*

**Зооморфные образы в архитектурной пластике Кавказа IX–XI вв.:  
возможные истоки и значение**

Среди рельефов, которые можно датировать эпохой Абхазского царства, есть гомогенная группа зооморфных изображений. Они происходят из нескольких мест центральной и восточной Абхазии, а также из Сочинского района Краснодарского края. Эта территория исторически входила в состав ядра Абхазского царства, откуда начался процесс формирования этого государственного образования. К этой группе прежде всего относятся три рельефа с горы Анакопия, рельеф с изображением быка и льва с Сухумской горы, рельеф с изображением двух птиц из Мрамбы (два последних из коллекции АГМ), птица на плите с крестом и плита с рыбами из Мрамбы, львы в сцене Даниил во львином рву из села Веселое. Все эти изображения роднит грубый рисунок, простые стилистические приемы в изображении шкуры зверей, оперения птиц и чешуи рыб. Это или неглубокие диагональные насечки, или точки. Все звери представлены в плоскостно-графическом стиле, их биологическую идентификацию порой трудно определить. К примеру, рыбу на рельефе из Анакопии можно принять за саламандру, а льва из той же коллекции – за кабана<sup>1</sup>. Только аналогичные изображения на других памятниках и их семантический контекст позволяет утверждать, что в данном случае действительно представлен лев<sup>2</sup>.

В похожем стиле исполнены некоторые изображения из исторической провинции Грузии Верхняя Картли (ныне территория Южно-Осетинской Республики). Они находятся на нескольких памятниках в верховьях реки Ксани. Эта территория также входила в состав Абхазского царства (Эгриси). Среди них изображения из Кударо (звери из Касагина)<sup>3</sup> и из Надарбазеви<sup>4</sup>, морское чудовище, поглощающее Иону, на навершии окна из Берис-сакдари в Эредви<sup>5</sup>, то же морское чудовище из Кваисис-Джвари<sup>6</sup>.

---

<sup>1</sup> Шевченко Д. В. Проблема идентификации зооморфного образа в рельефе церкви Святого Феодора Анакопийской крепости (Абхазия) // Народы и религии Евразии. Этнология. Религиоведение. Археология. 2017. Вып. 3–4 (12–13). С. 42–51.

<sup>2</sup> Искусство Абхазского царства VIII–XI веков. Христианские памятники Анакопийской крепости / А. С. Агумаа, Д. В. Белецкий, А. Ю. Виноградов, Е. Ю. Ендольцева; автор предисл. О. Х. Бгажба; отв. ред. и сост. Е. Ю. Ендольцева. СПб., 2011. С. 117–118.

<sup>3</sup> Dadiani T., Khundadze T., Kvachatadze E. Medieval Georgian Sculpture. Tbilisi, 2017. № 219–221.

<sup>4</sup> Ibid. № 217–218.

<sup>5</sup> Мепишавили Р., Цинцадзе В. Архитектура нагорной части исторической провинции Грузии – Шида Картли. Тбилиси, 1975. С. 67. Ил. 56.

<sup>6</sup> Там же. С. 84. Ил. 74.

К этой же группе примыкает таинственное изображение двух зверей в геральдической позе над западным входом в храм на горе Лашкендар. Ближайшая стилистическая и иконографическая аналогия этому рельефу – резная плита из аланского памятника Рим-Гора под Кисловодском. Лашкендарских зверей, вероятно, также можно сопоставить с изображениями двух собак, охраняющих границу между двумя мирами, на гробнице Аланского вождя с Кяфарского городища. Эти изображения с территории Абхазского царства можно датировать серединой X – первой половиной XI вв.

Аналогичные образы животных встречаются в X в. и на некоторых других грузинских памятниках этого стиля. К примеру, львы из сцены Даниил во львином рву на навершии окна из Азаврети<sup>1</sup>, они же в той же ситуации на навершии окна из Гумбати<sup>2</sup> или на навершии из Кехви<sup>3</sup>. Птицы в оформлении щелевидных окон из церкви в Бза<sup>4</sup>, львы и бык из той же церкви<sup>5</sup>, львы и птицы из Дигоми<sup>6</sup>, а также птицы на алтарной преграде из Гвелдеси<sup>7</sup> и некоторые другие. Другой пример – изображение льва и грифона на одной из плит из церкви Тхаба-Ерды (современная территория Ингушетии).

Своеобразие культуры этой территории (верховья рек Ксани и Лиавхи и западная часть Шида Картли) на рубеже IX и X вв. было обусловлено «частыми сменами власти на этой территории (таоские Багратиды — абхазские цари — анийские цари — абхазские цари), приносившими с собой новые архитектурные веяния»<sup>8</sup>. Или эти изображения могли отражать некоторые местные художественные традиции, которые содействовали духовному и культурному подъему в северной части Западного Картли как в области наименее затронутой арабскими набегами на рубеже IX и X вв.<sup>9</sup>

Интересно, что среди других аналогий некоторым видам животных с территории Абхазского царства – некоторые примеры из Каппадокии. Похожие по стилю изображения встречаются (правда, в другой технике, фреске) в некоторых памятниках Каппадокии. В первую очередь речь идет о кошачьих хищниках, быках и рыбах<sup>10</sup>.

<sup>1</sup> Dadiani T., Khundadze T., Kvachatadze E. Medieval Georgian Sculpture. № 203.

<sup>2</sup> Ibid. № 204.

<sup>3</sup> Ibid. № 205.

<sup>4</sup> Ibid. № 282, 284.

<sup>5</sup> Ibid. № 282, 283, 286.

<sup>6</sup> Ibid. № 298–300.

<sup>7</sup> Ibid. № 492, 494.

<sup>8</sup> Виноградов А. Ю., Белецкий Д. В. Церковная архитектура Абхазии в эпоху Абхазского царства. Конец VIII – X в. М., 2015. С. 295.

<sup>9</sup> Там же. С. 296.

<sup>10</sup> Ендольцева Е. Ю. Западное Закавказье и Каппадокия: некоторые иконографические параллели в период Македонской династии // Российская археология. 2012. № 3. С. 109–114.



Возможно, появление таких изображений связано с влиянием традиционной культуры, отражения которой встречаются на памятниках этого региона, начиная с эпохи бронзы.

**Е. С. Ермак**

*Санкт-Петербургский Государственный Академический институт живописи, скульптуры и архитектуры имени И.Е. Репина при Российской академии художеств (Санкт-Петербург)*

### **Образ Христа *Militans*: диалог культур в иконографии и стилистике раннехристианской скульптуры**

Образ Христа-воина нередко встречается как в восточном, так и в западно-христианском искусстве, в особенностях XII–XIII вв. Вероятно, и в том, и другом случаях его значение отсылает к Псалму 90, текст которого прочитывается эсхатологически, возвещает о Страшном Суде и грядущем Втором пришествии Спасителя: *на аспида и василиска наступающим и попирающим льва и дракона – ἐπ’ ἀσπίδα καὶ βασιλίσκων ἐπιβήσῃ καὶ καταπατήσεις λέοντα καὶ δράκοντα* (Пс. 90:13). Подобная интерпретация во многом основывается на ранних богословских сочинениях (III–VI вв.). Тем не менее, согласно исследованию Дж.-Б. Элиотта, изображение может иметь и второй уровень смысла, когда текстовый источник истолковывается в соответствии с представлениями заказчика, и в таком прочтении может утверждать авторитет церкви или светской власти<sup>1</sup>. Данная традиция уходит корнями в древность: Евсевий Памфил (III–IV вв.) пишет об использовании указанного мотива в мозаике императорского дворца в Константинополе, где был изображен Константин I Великий (306–337), сокрушающий дракона<sup>2</sup>. Однако сохранились не только ранние живописные произведения такого рода, но и скульптурные.

Иконографические особенности образа *Militans* рассматриваются в общих работах<sup>3</sup>, однако палеохристианская скульптура в них практически не упоминается. Причиной последнего, вероятно, является то, что памятники III–V вв., включающие в состав декора образ Христа *Militans*, распространены крайне мало. Специфический характер искусства и богословия раннего времени делают именно эти предметы особенно интересными и актуальными для анализа.

<sup>1</sup> Elliott G.B. *Regnum et sacerdotium in Alsatian Romanesque Sculpture: Hohenstaufen Politics in the Aftermath of the Investiture Controversy (1130–1235)*. PhD-Thesis. [The University of Texas at Austin]. Austin, 2005. P. 58.

<sup>2</sup> Eusebius Werke. Bd. 1.1: *Über das Leben des Kaisers Konstantin* / Ed. F. Winkelmann. [Die griechischen christlichen Schriftsteller]. Berlin, 1975. P. 3–151.3.3.

<sup>3</sup> Лазарев В.Н. *Византийская живопись*. М., 1971. С. 51.

Изображение, отсылающее к Псалму 90, входит в состав сцен в барельефе в баптистерии Неона в Равенне (V в.). При сходном иконографическом типе, свойственном более поздним памятникам, в данном случае образ *Militans* вряд ли следует понимать как непосредственное изображение Господа. На рубеже IV–V вв. вопрос о возможности антропоморфного изображения Спасителя, а также Святых, оставался спорным. Причин для этого было множество, и догмат, закрепивший право иконы на существование и ее особое понимание, был сформулирован лишь в 787 г. на VII Вселенском соборе.

На пути поиска решения центральной проблемы византийской теории образа происходит постепенное осмысление нераздельного и неслиянного единения человеческой и божественной природ во Христе, а также соотношения изображенного образа (εἰκών) и божественного Первообраза (ἀρχέτυπον). Еще не имея однозначного ответа в теологии, в сфере изобразительности новая культура, зародившаяся в недрах поздней античности, применяет для отражения Истины привычный язык символов и аллегорий. Принимая во внимание эти аспекты, указанный образ Христа *Militans* вряд ли является буквальной репрезентацией Спасителя, а скорее, учитывая отношение к εἰκών на тот момент, аллегорически передает Воскресение, знаменует собой свершившуюся победу над смертью и явно перекликается с более поздней иконографией Анастасис (Сошествия во ад). Подобное прочтение видится органичным и в общем контексте скульптурной и живописной программы равеннской постройки (IV–V вв.).

В русле такого понимания исследуемое изображение в некотором смысле созвучно Доброму Пастырю – наиболее распространенному образу в ранний период. Являясь антропоморфным, последний лишь указывает на Христа, не представляя Его буквально. В ту же линию можно поставить и образ философа, встречающийся в катакомбах и рельефах саркофагов (III–V вв.). Примечательно, что на саркофаге из Пио Кристиано (IV в.) при сходном иконографическом ядре на месте воина представлен именно философ, облаченный в длинную тогу. Хотя первые два иконографических типа изучены достаточно подробно, сцена, являющаяся центральной в данном сообщении, в ряду становления иконографии Христа не упоминается, что еще раз убеждает в необходимости ее подробного анализа.

Рассмотрев ряд памятников, включающих образ, отсылающий к Псалму 90, можно выделить два основных иконографических типа: сирийский и эллинистический. Исследователи аналогично классифицируют и изображения «Даниила во рву львином»<sup>1</sup>. Как и в случае с изучаемой сценой, в элли-

<sup>1</sup> Ошарина О. В. Образ Святого Даниила во рву львином в византийском искусстве позднекомниновского времени // Сборник научных трудов к XXI Международному конгрессу византистов. Лондон. 21–26 августа 2006 г. СПб., 2006. С. 93–102.



нистическом типе иконографии пророк представлен в длинной тоге, а в так называемом «сирийском» его костюм напоминает облачение посланников в «Поклонении волхвов». Подтверждением этого становятся саркофаг Юния Басса (IV в.), саркофаг из Сан-Витале (IV в.) и коптская деревянная резьба из музея Бодэ (VI в.). Определенное сходство также обнаруживается между упомянутым выше рельефом из Равенны (V в.).

Сравнивая сохранившиеся произведения, можно обнаружить в их иконографии синтез восточных и западных влияний. Многомерное переплетение разных культурных традиций просматривается и в стилистике данных предметов: по сравнению с рельефом римского саркофага (IV в.) из музея Пио Кристиано в равеннском рельефе заметна бóльшая линейность, вытянутость пропорций и стремление к уплощению. Все эти черты неизменно напоминают об искусстве Востока, в частности о памятниках, происходящих из сиро-палестинского региона (III–V вв.). Подобный сплав разных традиций, в том числе наблюдаемый в памятниках, включающих образ *Militans*, ляжет в основу специфического языка христианского искусства, свойственного ему позднее. Скульптура, которая в отличие от фресок, созданных, в основном, на территории Рима, помимо прочего, становится наиболее актуальным предметом в исследовании вопроса генезиса христианского искусства.

Таким образом, изучив письменные сочинения, поместив в их контекст материальные свидетельства, а также определив иконографические и стилистические особенности памятников скульптуры, можно проследить не только формирование в них индивидуального изобразительного языка, присущего христианскому искусству в дальнейшем, но и обнаружить основы для сложения будущего иконографического контекста.

**Н. Э. Жигалова**

*Уральский федеральный университет (Екатеринбург)*

### **Роль светских и духовных лидеров в организации обороны Фессалоники 1422–1430 гг.<sup>1</sup>**

Фессалоника, захваченная в 1430 г. войсками османского султана Мурада II, в первые десятилетия XV в. переживала социальный, политический и экономический кризис. В условиях военной агрессии со стороны османов городское население раздирали внутренние противоречия, выливавшиеся в недовольство жителей Фессалоники византийской администрацией и желание части горожан перейти на сторону захватчиков.

---

<sup>1</sup> Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-09-00091 «Турецкие осады поздневизантийских городов: особенности функционирования городского социума в ситуации межцивилизационного конфликта».

В настоящем исследовании предпринимается попытка рассмотреть меры светских и духовных властей Фессалоники по организации обороны города в период его последней турецкой осады 1422–1430 гг. и выявить степень их вовлеченности в проблемы городского сообщества в кризисное для византийцев время.

Жители Фессалоники, изнуренные военной опасностью, еще до начала осады были недовольны поведением властей. Горожане открыто проявляли свое негодование, стремясь привлечь внимание городского совета к своим нуждам. Как пишет архиепископ Фессалоники Симеон, «небрежность, неверные административные решения и непродуманные действия» властей привели к тому, что «люди восставали друг против друга, задумывали вредоносные заговоры, <...> а видные представители общины выступали против тех, кто заседал во дворце»<sup>1</sup>.

Сам же Симеон, по его собственным словам, не принимал участия в предотвращении беспорядков, поскольку «пал жертвой суровой болезни, был словно труп, лежал в своей постели и страдал от горя»<sup>2</sup>. Возможно, так оно и было на самом деле, однако и впоследствии архиепископ избегал вовлечения во внутригородские конфликты, поскольку через несколько дней после своей болезни он «тайно покинул город»<sup>3</sup>, чтобы, по его словам, встретиться с императором Мануилом II и просить помощи для своей паствы. Через неделю после отъезда Симеона началась осада города.

Осада не только не сплотила жителей Фессалоники перед лицом грозного врага, но лишь обострила внутригородские противоречия. Деспот Фессалоники Андроник Палеолог, очевидно, не справлялся с организацией сопротивления захватчикам и опасался настроений горожан, поэтому отправил письмо архиепископу, надеясь, что по возвращении Симеону удастся унять бушующее в городе недовольство. Однако беспорядки в городе вспыхнули с новой силой: по словам архиепископа, «они (жители города. – *Н.Ж.*) возмущались и роптали против властей, даже напали на меня целой толпой, продолжая бунтовать, угрожали сокрушить святые церкви и нас вместе с ними, если мы не выполним их волю»<sup>4</sup>. Жители Фессалоники, таким образом, не находили поддержки у высших сановников, что накаляло и без того напряженную обстановку в осажденном городе.

---

<sup>1</sup> *Symeon of Thessalonica. Λόγος εἰς τὸν ἐν ἀγίοις μέγιστον ἀθλητὴν καὶ μυροβλύτην Δημήτριον ἐν ἱστορίας τύπῳ τὰ νεωστὶ αὐτοῦ γεγενηθέντα διηγούμενος θαύματα* // *Balfour D. Politico-Historical Works of Symeon Archbishop of Thessalonica (1416/17 to 1429)*. Wien, 1979. P. 53. 26–31.

<sup>2</sup> *Ibid.* P. 54. 2–4.

<sup>3</sup> *Ibid.* P. 54. 8–9.

<sup>4</sup> *Ibid.* P. 56. 16–17.



По сообщению историка Дуки, фессалоникийцы, не желая более подчиняться византийской администрации, отправили нескольких должностных лиц к венецианцам с предложением взять город под свою защиту<sup>1</sup>, «с позволения деспота Андроника или без него»<sup>2</sup>. Дука, известный своими пролатинскими взглядами, отмечал, что венецианцы с большой радостью приняли данное предложение, пообещав «защищать город, содержать его в достатке и процветании и превратить его во вторую Венецию»<sup>3</sup>.

В свою очередь, жители Фессалоники клялись быть верными венецианской власти «так, словно родились и выросли в Венеции»<sup>4</sup>. Если говорить о причинах такого беспрецедентного шага со стороны византийцев, то они, вероятно, ожидали таким образом обеспечить городу защиту от турок, учитывая, что местная администрация была не способна организовать сопротивление захватчикам. Не приходилось ждать помощи и от императора, поскольку в том же 1422 г. Константинополь был осажден турецкими войсками. Однако приход к власти новых владельцев не улучшил ситуации. По мнению Иоанна Анагноста, напротив, по отношению к латинянам горожане демонстрировали открытую неприязнь. Анагност так писал о настроениях, царивших среди его соотечественников: «Как вы знаете, город страдал от владычества латинян; каждый день они приносили нам одни несчастья, и мы часто говорили друг с другом о том, как избавиться от них, но не было никакого плана, как освободиться от этого отвратительного договора»<sup>5</sup>.

Как свидетельствует Анагност, жители Фессалоники воспринимали подчинение венецианцам как испытание. В городе ширились антилатинские настроения, что только усугубляло и без того незавидное положение венецианских властей. Сделка оказалась невыгодной для венецианцев: в городе царил голод, снабжение было нарушено, сухопутные подступы перекрыты турецкой армией<sup>6</sup>. В этих условиях захват города османами был делом времени.

Таким образом, смена власти в Фессалонике не только не решила существующие проблемы, но лишь обострила внутренние противоречия, выразившиеся в столкновении интересов греков и венецианцев. Антилатинские

<sup>1</sup> См.: Τσάρας Γ. Ἡ Θεσσαλονίκη ἀπὸ τοῦς Βυζαντινοῦς στοῦς Βενετσιάνους (1423–1430) // Μακεδονικά. 1977. Τ. 17. Σ. 85–123.

<sup>2</sup> Ducae Historia Turcobyzantina (1341–1462) / Ed. B. Grecu. Bucharest, 1958. P. 247. 23.

<sup>3</sup> Ibid. P. 247. 19.

<sup>4</sup> Ibid. P. 247. 20–21.

<sup>5</sup> Очевидно, автор имеет в виду договор о передаче Фессалоники Венеции 1423 г.: Ἰωάννου Ἀναγνώστου Διήγησις περὶ τῆς τελευταίας ἀλώσεως τῆς Θεσσαλονίκης. Μονοδία ἐπὶ τῆ ἀλώσει τῆς Θεσσαλονίκης / Τσάρας Γ. Ἰωάννου Ἀναγνώστου Διήγησις περὶ τῆς τελευταίας ἀλώσεως τῆς Θεσσαλονίκης. Μονοδία ἐπὶ τῆ ἀλώσει τῆς Θεσσαλονίκης. Εἰσαγωγή – κείμενο – μετάφραση – σχόλια. Θεσσαλονίκη, 1958. Σ. 6, 8.31–33, 1–2.

<sup>6</sup> Necipoğlu N. Byzantium between the Ottomans and the Latins: Politics and Society in the Late Empire. Cambridge, 2009. P. 64–65.

настроения горожан, согласно Иоанну Анагносту, привели к пассивности части городского населения и неспособности властей организовать эффективную оборону Фессалоники, в результате чего город был навсегда потерян для византийцев.

**Е. А. Заболотный**

*Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова  
(Москва)*

### **Привилегии митрополитов и императорская власть в XI в.**

В 1084 г. митрополит Анкирский Никита<sup>1</sup> подал запрос на имя императора Алексея I Комнина (1081–1118) о разрешении спорной ситуации, сложившейся вокруг одной овдовевшей епископской кафедры в Галатии – Юлиополя (близ современного Сарыяра, Турция). Сложность заключалась в том, что до 60-х гг. XI столетия кафедра подчинялась митрополиту Анкирскому<sup>2</sup>, однако император Константин X Дука (1059–1067) инициировал возведение епископа Юлиопольского в сан митрополита. Анкирская митрополия, таким образом, оказалась лишена епископства-суффрагана<sup>3</sup>. Впоследствии статус митрополии для епископства был подтвержден Михаилом VII Дукой (1071–1078).

Отправляя запрос Алексею I Никита Антирский несомненно стремился не допустить превращения личной привилегии одного из епископов Юлиополя в привилегию кафедры. Как указывалось в литературе, Никита выражал таким образом интересы «олигархии митрополитов»<sup>4</sup>, которые подвергли резкой критике дробление церковных провинций (митрополий) и желали сохранить за собой право поставления новых епископов. Эта линия вошла в противоречие со стремлением Алексея I Комнина контролировать различные стороны церковной жизни, включая статус кафедр и епископские хиротонии.

Указанная линия развивалась на весьма непростом внешнеполитическом фоне. Во второй половине XI в., в связи с наступлением тюрок-сельджуков в Анатолии, большое число архиереев, включая митрополитов, стали прибывать в столицу. Концентрируясь в городе, они стремились к сохране-

<sup>1</sup> См.: Заболотный Е. А. Никита, митрополит Анкирский // ПЭ. 2018. Т. 49. С. 543–545.

<sup>2</sup> Notitiae episcopatum Ecclesiae Constantinopolitanae / Éd. J. Darrouzès. P., 1981. No 7. P. 275; No 9. P. 297; No 10. P. 311; No 13. P. 355; подробнее об истории Юлиополя и его церковном статусе см.: Ramsay W. M. The Historical Geography of Asia Minor. L., 1890. P. 244–245.

<sup>3</sup> Regesten der Kaiserurkunden des Oströmischen Reiches von 565–1453 / Bearb. F. Dölger. München, 1995. Т. 2: Regesten von 1025–1204. N 964. [Далее – RegImp].

<sup>4</sup> Darrouzès J. Documents inédits d'ecclésiologie byzantine. [Archives de l'Orient Chrétien; 10]. P., 1966. P. 29.



нию традиционных привилегий, среди которых особое место занимало право самостоятельно назначать епископов на подчиненные им кафедры. Часть митрополитов становились насельниками константинопольских обителей, другие получали места в приходских церквях, однако наиболее привлекательной для глав митрополий была перспектива получения административных должностей и зачисления в клир храма Св. Софии. Именно необходимость противостоять действиям митрополитов побудила императора заключить своеобразный союз с многочисленным духовенством храма, которое, разумеется, не стремилось принимать в свои ряды провинциальных архиереев. При этом митрополиты, находившиеся в столице, желали сохранить контроль и над своими провинциями.

В ряде актов, изданных Алексеем I, подчеркивалось, что существующее положение Юлиопольской кафедры должно быть сохранено<sup>1</sup>, а ходатайства митрополитов «о возвышении их чести» – отклонены<sup>2</sup>. Более того, подчеркивалось право императора возводить епископства в ранг митрополий или автокефальных архиепископств, причем основанием для такого решения могло быть как желание почтить город, в котором находится кафедра, или отметить заслуги епископа, так и некое иное «собственное побуждение» правителя.

В ответ Никита Анкирский составил ряд канонических сочинений, содержание которых выходит далеко за рамки проблемы императорского контроля над церковной организацией<sup>3</sup>. В частности, он рассмотрел вопрос о месте митрополитов в иерархической структуре и об их отношениях с патриархом Константинопольским. Во-первых, Никита выразил негативное отношение к изменению характера столичных Соборов, поскольку на них все большую роль начали играть клирики храма Св. Софии. Таким образом, точка зрения митрополитов учитывалась недостаточно. Во-вторых, в этих произведениях отразилось недовольство возросшей централизацией управления Церковью и сосредоточением все большего числа полномочий в руках патриарха в ущерб митрополичьим прерогативам. Название одного из трактатов весьма красноречиво – «Отдельное слово о том, что не должно [патриарху] Константинопольскому совершать хиротонии для епископств, подчиненных другим [митрополитам], даже если епископства сами почтены достоинством митрополий, ибо это противоречит уставу святых отцов» (сокращенно: «Слово о рукоположении епископов»).

Впрочем, в литературе высказывались сомнения в авторстве Никиты, связанные со стремлением атрибутировать все пять трактатов, изданных под его именем митрополита Анкирского, равно как и примыкающее к ним по

<sup>1</sup> RegImp, No 1117.

<sup>2</sup> Ibid. No 1140.

<sup>3</sup> Греч. текст и франц. перевод: *Darrouzès. Documents inédits...* P. 176–275.

содержанию анонимное сочинение «О привилегиях митрополитов», Димитрию, митрополиту Кизическому, жившему в первой половине XI в.<sup>1</sup> Главный аргумент – особая тематика «Слова о рукоположении епископов», в котором речь о присвоении патриархом права хиротонии, а не о возвышении епископов до ранга митрополитов. Другие исследователи принимают атрибуцию, предложенную Ж. Даррузесом<sup>2</sup>.

Убедительной представляется точка зрения второй группы специалистов. Прежде всего, большая часть рассматриваемых текстов посвящена различным аспектам одной проблемы – необходимости борьбы за сохранение митрополичьих привилегий. Вопрос о разделении митрополий по императорскому указу и вопрос о хиротониях глав новых митрополий патриархом на основе решения императора были тесно связаны. Постепенное расширение полномочий патриарха за счет прав митрополитов, побудило Никиту выступить и против патриаршего вмешательства во внутренние дела церковных провинций. Изучение аргументов, использовавшихся Никитой, митрополитом Анкирским, и его оппонентами, является таким образом главной целью доклада.

*Е. С. Зайцева*

*Уральский федеральный университет (Екатеринбург)*

### **Бегство из Рима: западные сенаторы на Востоке в середине VI в.**

Готская угроза и взятие Рима в 546 г. Тотилой вынудили нескольких западных сенаторов – Цетега<sup>3</sup>, Деция<sup>4</sup>, Василия<sup>5</sup> и Альбина<sup>6</sup> – искать убежища на Востоке. Помимо очевидной цели – спастись от расправы – перед ними стояла еще одна задача. Аристократы были озабочены урегулированием ситуации в Средиземноморье и планировали уговорить Юстиниана как можно скорее отправить подкрепление Велисарии, чтобы одолеть варваров и вернуть себе локальный контроль над Римом и теми провинциями Италии, где *ordo senatorius* традиционно владело собственностью.

<sup>1</sup> См.: *Каждан А. П.* [Рец. на:] Darrouzès. Documents inédits... // ВВ. 1969. Т. 30 (55). С. 282–284.

<sup>2</sup> *Magdalino P.* The Empire of Manuel I Komnenos (1143–1180). Cambridge; N. Y., 1993. P. 267–273, 294–297; *Angold M.* Church and Society in Byzantium under the Comneni, 1081–1261. Cambridge; N. Y., 1995. P. 56–60.

<sup>3</sup> *Jones A. H. M., Martindale J. R., Morris J.* The Prosopography of the Later Roman Empire. Vol. II. Cambridge, 1980. P. 281–282. (Далее: PLRE II).

<sup>4</sup> *Martindale J.R.* The Prosopography of the Later Roman Empire. Vol. IIIA. Cambridge, 1992. P. 391. (Далее: PLRE IIIA).

<sup>5</sup> PLRE IIIA. P. 174–175.

<sup>6</sup> PLRE II. P. 51.



Однако Юстиниан, в это время главным образом озабоченный установлением религиозного единства на подконтрольных ему территориях, не спешил откликнуться на просьбы аристократов. Он издал трактат, осуждавший сочинения трех писателей, учение которых подозревалося в несторианских тенденциях<sup>1</sup>. Для полноты принятия этого осуждения церковью необходимо было добиться согласия папского престола. Юстиниан оказался вынужден добиваться одобрения папы для подобного богословского предприятия, что, тем не менее, оказалось сопряжено с определенными трудностями<sup>2</sup>.

Побег сенаторов в этом отношении оказался своевременным, и император решил воспользоваться их беспомощным положением в своих интересах. В своем докладе мы попытаемся доказать, что заявление *Liber pontificalis* об отношении к прибывшим сенаторам как «подобающем консулам Рима» (*Lib. pont. LXI*) является не более чем риторическим приемом. Скорее, не имея поддержки среди кафолической аристократии Запада в вопросе осуждения «Трех глав», Юстиниан постарался любыми способами заполучить ее и в обмен на ускорение разрешения готского вопроса настойчиво предложил аристократам выступить в споре на его стороне, а именно, стать посредниками при переговорах с папой Вигилием, который еще в 547 г. был привезен в столицу для переговоров по поводу осуждения учения Феодора Мопсуестийского и отдельных сочинений Феодорита Кирского и Ивы Эдесского.

Для Цетега, Василия и других аристократов, оказавшихся в Константинополе, подобное решение вопроса стало оптимальным. Участники побега согласились на условия Юстиниана, поэтому император, согласно договору, отправил Нарсеса в 551 г. в Италию, обеспечив его финансами и войском, и обязал сенаторов участвовать в споре о «Трех главах». Важная роль при этом отводилась *caput senatus* Цетегу: именно он исполнял роль переговорщика с 550 по 553 гг. Приняв участие в богословском диспуте не в качестве религиозных авторитетов, а как группа давления на папу Вигилия, сенаторы после завершения V Вселенского собора, который формально разрешил противостояние и осудил Три главы, покинули Константинополь, тем самым, обменяв установление недолгого мира в Италии на формальное принятие богословских установок Юстиниана.

---

<sup>1</sup> См. русский пер. в: *Грацианский М. В.* Император Юстиниан Великий и наследие Халкидонского собора. М., 2016. С. 357–376.

<sup>2</sup> Там же. С. 172–182, 217–234.

**И. В. Зайцева**

Белгородский юридический институт МВД России имени И.Д.  
Путилина (Белгород)

### **Медиевизация научного знания: Иоанн Филопон и отказ от аристотелизма**

Иоанн Филопон (Ἰωάννης ὁ Φιλόπονος) родился около 490 г. в Александрии. В развитии его взглядов условно выделяют два основных периода: в рамках первого Филопон находился в русле традиционной для неоплатонизма структуре универсума; второй период (с 529 г.) характеризуется созданием новой «медиевизированной» картины мира: в качестве высшего уровня иерархии выделяется личный бог-ум, а результатом творения мира выступает свободное божественное изволение<sup>1</sup>. Для заявленной здесь темы второй период представляется наиболее интересным с точки зрения анализа процесса отказа Иоанна Филопона от системы аристотелизма.

Значение Иоанна Филопона как создателя новой картины мира на христианском Востоке признается всеми в мировой и отечественной науке<sup>2</sup>. Одновременно не утихают споры о том, по какой причине он предпринял радикальную критику аристотелевской физики и учения о вечности мира, доминировавших в Александрийской философской школе<sup>3</sup>.

Аристотель был одним из наиболее читаемых Филопоном авторов. Его нападки на этого древнегреческого мыслителя Симпликий сравнивает с действиями Герострата, сжегшего храм Артемиды Эфесской<sup>4</sup>. Сочинения Иоанна Филопона насчитывают как минимум 40 наименований, большая часть которых отражает ярко выраженную тенденцию отказа от аристотелевской картины мира. Отдельного внимания тезисов заслуживает работа Филопона «*De Aeternitate Mundi contra Aristotelem*», оказавшая большое влияние на исламскую, еврейскую, греческую и латинскую средневековую мысль. Степень этого влияния не всегда выглядит очевидной, поскольку текст представляет

---

<sup>1</sup> Болгова А. М. Ранневизантийские портреты: риторы, софисты, философы. Белгород, 2018. С. 301.

<sup>2</sup> Там же. С. 303.

<sup>3</sup> Там же. Гипотезы о причинах возникновения подобных взглядов у Филопона приводит в своей статье Г. И. Беневиц: Христианство и факторы формирования постаристотелевской картины мира у Иоанна Филопона // Вестник Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина. 2011. Т. 2. № 2. С. 16–24; Болгов Н. Н., Болгова А. М. В ожидании Филопона: этапы медиевализации картины мира // Кондаковские чтения – V. Античность – Византия – Древняя Русь: сборник материалов международной научной конференции / Отв. ред. Н. Н. Болгов. Белгород, 2016. С. 117.

<sup>4</sup> Болгова А. М. Ранневизантийские портреты. С. 303; Corollaries on Place and Void. With Simplicius, Against Philoponus on the Eternity of the World / Transl. D. Furley, Cgr. Wildberg. L., 1991.



собой разрозненные фрагменты. На основе анализа этого трактата наметим некоторые тенденции отхода от привычной аристотелевской картины мира в интеллектуальном наследии Иоанна Филопона.

Первой идеей Аристотеля, которая отвергается Филопоном, является идея о вечности мира. Здесь следует заметить, что значение этого труда лишь отчасти заключается в разработке вопроса о вечности мира<sup>1</sup>. Важная заслуга Филопона состоит в том, что, отрицая существование пятого элемента Аристотеля, Филопон отвергает божественность небес и тем самым утверждает христианский монотеизм. Кроме того, отрицание пятого элемента с его особой склонностью к вращению позволило Филопону проложить путь для своего предположения, обозначенного в более поздней работе, о том, что именно Бог во время творения имплантировал импульс в небеса, чтобы заставить их двигаться<sup>2</sup>. Филопону, очевидно, была известна идея Прокла о том, что Бог вселил в небеса определенную силу, чтобы продлить их продолжительность и движение до бесконечности, однако маловероятно, чтобы идеи Прокла выступали в качестве основного источника идеи Филопона. Отрицание последним аристотелевского пятого элемента и распространение им теории импульсов на все части динамики представляют собой только часть более широкой атаки на аристотелевскую физику.

Иоанна Филопона отличает дар использовать языческие аргументы против самих язычников в пользу христианства. Так, он использует языческую концепцию бесконечности, чтобы показать правомерность христианского тезиса о том, что вселенная имела начало. Отмечая это, Филопон говорит, что в противном случае вселенная прошла бы через конечное число лет, а невозможность пройти через конечное число была общепризнана и Аристотелем, и языческими неоплатониками. Более того, если бы прошедшие годы до настоящего времени были бесконечными, их число вскоре превысило бы бесконечность, и если бы одни планеты вращались бесконечно часто, то вращения других были бы во много раз «бесконечнее». Подобные аргументы представлены в различных работах Иоанна Филопона, но тезисы о превышении бесконечности наиболее яркую аргументацию получают в труде «Против Аристотеля».

Неприятие Аристотеля немного смягчается в сочинении Филопона «О сотворении мира». Так, он принимает понимание души как энтелехии, блага

---

<sup>1</sup> Безусловно, христиане должны были отрицать утверждение Аристотеля о существовании пятого элемента, если они хотели поддержать собственную точку зрения о том, что физическая вселенная имела начало от Бога.

<sup>2</sup> *Philoponus. Against Aristotle, on the Eternity of the World / Transl. by Ch. Wildberg. L.; New Delhi; N. Y.; Sydney, 1987. P. 18–22.*

как предмета всеобщего стремления, при этом продолжая подчеркивать неприемлемость учения о безначальности мира<sup>1</sup>.

Основная заслуга Филопона состоит в том, что он сделал решающий шаг в медиевизации картины мира, отошедшей от аристотелизма, но сохранившей многое из классической философии<sup>2</sup>. Благодаря Иоанну Филопону не произошло резкого разрыва между античной (платоновско-аристотелевской) и средневековой картинами мира, что позволило сформировать новую научную методологию, в которой сочетались и языческие и христианские принципы<sup>3</sup>.

***А. В. Захарова***

*Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова,  
Государственный институт искусствознания (Москва)*

### **Икона Богородицы Павсолипи с острова Халки и византийская живопись позднепалеологовского периода**

В церкви Богословской школы на о. Халки (Хейбели-ада) хранится большая двусторонняя икона с Распятием на обороте и изображением Богоматери с Младенцем в окружении праздников в клеймах на лицевой стороне. Образ Богоматери в среднике сопровождает надпись с редким именованием «ΜΗ(ΤΗ)Ρ Θ(ΕΟ)Υ ἡ παύσον λύπην» (дословно: «Мать Божия прекрати печаль»). Икона введена в научный оборот совсем недавно. После раскрытия и реставрации она была представлена на выставке «Byzantium. Faith and Power (1261–1557)» в музее Метрополитен в Нью-Йорке в 2004 г. В каталоге выставки Э. Уэйл Карр датировала икону второй половиной XIV в. и связала ее с известным по письменным источникам константинопольским монастырем Богоматери Павсолипи. Эта датировка в целом не вызывает у нас сомнений.

«Распятие» на оборотной стороне халкинской иконы принадлежит к числу лучших произведений константинопольского искусства позднепалеологовского периода. Прекрасная сохранность живописной поверхности позволяет рассмотреть все нюансы индивидуальной манеры выдающегося безымянного мастера этой иконы. В качестве ближайших аналогий можно предложить две иконы Распятия из Византийского и христианского музея в Афинах, «Распятие с праздниками на полях» из Синайского монастыря и др.

Клейма с праздниками на полях на лицевой стороне иконы, несомненно, одновременны «Распятию». Они могут быть сопоставлены с целым рядом

<sup>1</sup> Болгова А. М. Ранневизантийские портреты. С. 301.

<sup>2</sup> Там же. С. 306; Philoponus and the Rejection of Aristotelian Science / Ed. by R. Sorabji. L., 2010.

<sup>3</sup> Болгова А. М. Ранневизантийские портреты. С. 306; Беневич Г. И. Иоанн Филопон. Учение // ПЭ. 2010. Т. 24. С. 635–646; Болгов Н. Н., Болгова А. М. В ожидании Филопона: этапы медиевализации картины мира. С. 118.



других произведений позднепалеологовского времени. Живопись средника вместе с надписью, по нашему мнению, относится к поствизантийскому периоду, хотя, вероятно, под ней есть более древний слой.

Выдающиеся художественные качества иконы заслуживают более тщательного анализа в сравнении с другими произведениями византийской живописи второй половины XIV – начала XV в. – эпохи, для которой характерно множество индивидуальных интерпретаций нескольких магистральных тенденций в искусстве. Именно этому и будет посвящен наш доклад.

***Н. Е. Золотухина***

*Белгородский государственный национальный исследовательский университет (Белгород)*

**К вопросу о положении местных племен (маврусиев) после установления византийской власти в Северной Африке (534–540 гг.)**

В данном очерке предпринята попытка охарактеризовать положение местных племен (маврусиев) после установления ромейской власти в североафриканском регионе и их взаимоотношения с новой властью.

Хронологические рамки относят нас к периоду нахождения в должности префекта или магистра Африки следующих исторических персонажей: Архелай (534 г. (?)), Велисарий (магистр 533–534 гг.), Соломон (534–536, 539–543 гг. (?)), Симмах (536–538 гг.), Герман (магистр 536–539 гг.). Указанные временные рамки (534–540 гг.) можно в целом охарактеризовать как нестабильные. Частичное урегулирование отношений между ромеями и маврусиями, установление вертикали власти и совместное сосуществование «двух миров» на территории Северной Африки произойдут лишь после 539/540 г.<sup>1</sup>

Сочинение Прокопия Кесарийского «Война с вандалами» является одним из наиболее важных источников, по нашему мнению, несмотря на некоторый субъективизм автора. Также отдельный интерес для исследователей представляет сочинение Крескония Кориппа «Иоанниада», поскольку в этом сочинении можно найти подробную характеристику этнокультуры маврусиев.

Маврусии – собирательный этнографический термин, которым обозначают местные племена, проживавшие на территории Северной Африки, несмотря на наличие определенных этнокультурных отличий между регио-

---

<sup>1</sup> Период урегулирования отношений между ромеями и маврусиями и военно-политической стабилизации в регионе относится ко второму назначению Соломона в должности префекта: 539 (540)? – 543 (545)? гг.

нами их обитания<sup>1</sup>. На наш взгляд, культурные различия сыграли свою роль во взаимоотношении и с вандалскими племенами, и позже с ромеями. Некоторые из маврусиев мирно сосуществовали с вандалскими правителями, другие оказывали им постоянное военное сопротивление. И то, и другое было характерно и для периода, относящегося к возвращению в состав Римской империи региона Северной Африки.

В целом, мавританское население условно можно разделить на две группы: оседлые и верблюдоводы (кочевники). К кочевым племенам относят маврусиев ливийских<sup>2</sup>. Прокопий достаточно емко описывает то, каким образом маврусии поселились на территории Ливии (I. X.12–29), говоря, что этот мавританский народ считается наименее способным к войне, что «большинство их голы, а те из них, которые имеют щиты, держат их перед собой, короткие и плохо сделанные, которые не могут отвести стрел и копий. Носят они два копья, и если им ничего не удастся сделать, они, бросив их, тотчас обращаются в бегство» (I. XI.25–27). Также для нас интересны данные и религиозного характера. У ливийских маврусиев не полагается, чтобы мужчина занимался предсказанием, женщины же у них, совершив какое-то жертвоприношение, придя в состояние одержимости, предсказывают будущее ничуть не хуже, чем древние оракулы (I. VIII.10).

подавив восстания в Нумидии и Бизацене, Соломон начал противостояние с ливийскими мавританскими племенами. Конечной целью войны последних было, разумеется, обладание территорией Ливии: «Борьба ныне идет за самое важное: быть ли нам владыками всей Ливии или стать рабами у этих наглецов»<sup>3</sup>.

Безусловно, на период первой кампании Соломону пришлось «разбирать» договоренности Велисария с местным населением, которое не устраивал результат. Воспользовавшись отсутствием мира между некоторыми маврусиями и вандалами, Велизарии удалось «переманить» на свою сторону недовольных маврусиев, пообещав племенам некоторую автономию и союзничество. Однако на практике подобное не было реализовано. «Велисарий, обманув нас щедрыми обещаниями, убедил стать подданными василевса

---

<sup>1</sup> Прокопий Кесарийский противопоставляет маврусиев и ливийцев (I. VII.6). Также он выделяет в отдельную категорию маврусиев, проживавших к западу от Аврасия (Ореса) (Нумидия) (I. XIII.27), и маврусиев, которые осели на острове Сардиния (I. XIII.42).

<sup>2</sup> Прокопий говорит о том, что маврусии пришли из Палестины. Затем римляне, оказавшись в военном отношении сильнее, заставили маврусиев поселиться на самом краю обитаемой в Ливии земли, а карфагенян и остальных ливийцев сделали своими подданными и обложили налогами. Впоследствии, одержав много побед над вандалами, маврусии завладели как Мавританией, простирающейся от Гадира до границ Цезарии, так и большей частью остальной Ливии.

<sup>3</sup> В данном контексте – ромеев (I. IX.41).



Юстиниана, а римляне, не предоставив нам никаких выгод, потребовали, чтобы мы, страдая от голода, были их друзьями и союзниками» (I. XI.9).

Также следует заметить, что местное население должно было содержать многочисленную ромейскую администрацию. Ш. Диль отмечал, что содержание штата только одного только префекта Африки обходилось в 13 775 солидов в год<sup>1</sup>. Африканские реформы Юстиниана затронули и налоговую систему, и церковные отношения, и политические и социально-экономические отношения.

Резюмируя, отметим, что мы не можем точно сказать, что являлось первопричиной борьбы маврусиев с ромеями. Возможно, это была борьба за землю. Нам известны повсеместные случаи, когда ромеи захватывали землю для того, чтобы под видом государственной собственности передать ее в фактическое владение крупным магнатам. Другой, не менее веской причиной подобного положения дел являлась борьба против инаковерующих (ариан, донатистов, язычников). Возможно, ромеи воспринимались местными племенами Северной Африки как очередные иноземные захватчики (после римлян и вандалов).

**О. Н. Изотова**

*Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет  
(Москва)*

### **«Одушевленные иконы» в теории образа иконоборцев и иконопочитателей**

Дошедшие до нас в тексте шестого деяния VII Вселенского собора фрагменты иконоборческих постановлений 754 г. среди прочего осуждают создание с помощью красок бездушных икон (ἀψύχοι εἰκόνες) святых. Вместо этого они предписывают изображение их подвигов собственной жизнью христианина, создающего таким образом «одушевленную (ἔμψυχος) икону»<sup>2</sup>. М. Анастос назвал это «нравственной» («ethical») теорией изображений<sup>3</sup>. О решениях другого иконоборческого собора, состоявшегося в 815 г. и открывшего второй иконоборческий период, известно меньше, однако, при попытке реконструировать его постановления П. Александер выделил как наиболее интересную для участников этого собора именно эту тему, сопоставленную им с учением об образе Божиим в человеке (Быт. 1:26)<sup>4</sup>. Таким образом, идея

<sup>1</sup> Diehl Ch. L'Afrique byzantine. Histoire de la domination byzantine en Afrique (533–709). P., 1896. P. 344.

<sup>2</sup> Mansi G. D. Sacrorum conciliorum nova et amplissima collectio. T. 13. Col. 400.

<sup>3</sup> Anastos M. The Ethical Theory of Images Formulated by Iconoclasts in 754 and 815 // DOP. 1954. Vol. 8. P. 155.

<sup>4</sup> Alexander P. The Iconoclastic Council of St. Sophia (815) and Its Definition (Horos) // DOP. 1953. Vol. 7. P. 3.

«одушевленной иконы» оказывается прочно связана с теорией образа иконоборцев.

Однако это понятие, с одной стороны, не было изобретением участников собора в Иерии 754 г., а с другой – вовсе не чуждо иконопочитателям. Это легко обнаружить, обратившись к агиографической литературе иконоборческого периода, которая тесно связана с данной темой: ведь именно с помощью житий святых иконоборческие мыслители предлагали учиться подражанию им и созданию «одушевленной иконы».

В житиях святых этого периода, написанных современниками или ближайшими потомками, можно найти многочисленные примеры упоминания «одушевленных икон». Агиографы называют их по-разному: ἔμψυχον ἀλεικόνισμα, ἔμψυχος εἰκὼν καὶ μορφή, πρὸς ἀρετῆς εἰκὼν, ἀρετῆς ἀρχέτυπον, εἰκὼν τῶν πραγμάτων, «τύπος ἀρετῶν, ἄγαλμα, στήλη, ἀρετῆς πίναξ – но всегда говорят о жизни святого, являющей образ, взирая на который, необходимо ей подражать. Однако, будучи иконопочитателями, агиографы не предлагают отказаться от икон неодушевленных и не противопоставляют их подражанию святым. Причем их внимание к данной идее может быть косвенным указанием на подобное же внимание иконоборцев второго периода иконоборчества, а значит общую популярность «одушевленной иконы» в Византии IX в.

Кроме того, идея «одушевленной иконы» заставляет вспомнить об исключительной роли изображений в формировании сакрального пространства византийского храма. Именно в постиконоборческое время изображения в византийском храме становятся не только украшением и предметом поклонения, но целой системой, представляющей небесную Церковь<sup>1</sup>, причем актуализация изображений требует присутствия молящегося, «одушевленного образа», который становится частью этой системы.

### ***С. П. Карпов***

*Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова (Москва)*

#### **Византийское содружество и Латинская Романия: развитие или эрозия идеологием? (К постановке проблемы)**

Универсализм как таковой был свойственен природе средневекового человека, не желавшего раствориться в партикуляризме изменчивых и хрупких структур власти. Он начинался с признания единого Царства Божия, но далеко не ограничивался этим. Представления о том, что универсализм в классическом Средневековье Европы изживается и все более заменяется идеями «национальной» монархии, по меньшей мере, не точны. Имперские стремления сохранялись на Западе не только в эпоху борьбы империи и папства, но

---

<sup>1</sup> Лазарев В. Н. История византийской живописи. М., 1986. Т. 1. С. 62.



и значительно позднее. Собственно они никогда и не умирали, передаваясь от Священной Римской империи к монархии Габсбургов и к универсалистским притязаниям французских, английских, испанских и португальских монархов. Они были в той или иной форме восприняты на Руси, в Болгарии, Сербии, да и в других странах Центральной и Восточной Европы. И римско-византийский компонент в этих идейно-политических исканиях скорее очевиден, чем точно определен.

Нет нужды говорить о византийском универсализме в периоды расцвета Империи ромеев. Об этом писали много и многие. Понятны и его идейные скрепы: представления об Империи неизменно связанные с представлениями об ее абсолютности, о богоизбранности василевса, о наднациональном, универсальном и ойкуменическом характере его власти, о гармонии власти и веры через их созвучие, симфонию, с миссионерской функцией высшей власти, обращенной как вовне, так и внутрь державы, с уважением к римскому закону и традиции, с попечением над «общим делом» и состоянием. Любое содружество для Византии возможно лишь с признанием, пусть номинально властвующего, но признаваемого и почитаемого христианского Царя<sup>1</sup>.

Есть большой смысл анализировать византийский универсализм не в эпоху укрепления византийской державности, но после латинского или даже османского завоеваний. Вопрос «почему?» очевиден. Именно в это время начинается и прогрессирует рост самостоятельных, суверенных государств на территории Византии и вокруг нее. Каждое из них формировало собственную политическую идеологию и закладывало основы своей идентичности, используя в той или иной мере византийские образцы. Сама Византия, утратившая былое величие, нуждалась в понятиях и принципах, укреплявших ее в сознании своего избранничества, в том числе – в распространении представлений о ее особой роли в сообществе стран и народов.

Происходил сложный процесс трансляции идеологием. Византии было суждено стать МЕДИАТОРОМ универсалистских идей окружающему ее миру. Но в каком виде и в какой форме транслировалось диадохам византийское имперское наследие? Ведь заимствование и адаптация форм и идей проходили в разных видах и в разных объемах. Важно проследить, как усваивались, как и почему переосмысливались топоры и клише византийской политической идеологии. Вот только один пример из нашей собственной недавней истории. Перевод греческого слова «автократор», изначально равнозначного латинскому слову «император», стало в императорской России не просто обозначением государя-императора, но и синонимом самодержавности в его специфических формах.

---

<sup>1</sup> См. подробнее: *Карпов С. П.* Императорская власть в Византии // Вестник Российской нации. 2014. № 6 (38). С. 209–222.

Именно универсалистские представления о мировой державе с единственным царем-космократором передавались через разные каналы странам, связанным с Византией духовным родством. В них несомненно присутствовал и концепт христианского единства перед лицом новых вызовов с Востока. Разумеется, нельзя недооценивать тот факт, что разные слои общества и разные политические элиты по-разному понимали и интерпретировали универсалистские представления. Многокомпонентность византийского образования (христианского и эллинского, светского и духовного, риторического и богословского), сам символический этикет византийского двора на первых порах были, очевидно, недоступны диадохам, они заимствовали лишь те формы и идеи, какие могли вместить в свое время, постепенно развивая и преобразовывая их. В эпоху крушения единой государственности самой Византии ее преемники искали свои, но связанные с усвоенной ими прежней идеологией решения. Так трапезундские Великие Комнины, отказавшись от титула императоров ромеев, приняли не менее громкий, но столь же амбициозно-универсалистский титул государей Иверии, Ператии и **всего Востока**. Мы сейчас рассуждаем не о реальных ситуациях, но лишь об идейных конструктах, от них кардинально отличных.

Остановимся не на роли византийского содружества в славянском мире, пусть и дискуссионной, но хорошо изучаемой проблеме, а на новом для самой Византии феномене Латинской Романии. Слово «латинская» здесь – собирательный историографический термин. Современники писали об «империи Романии», просто о Романии, когда имели в виду захваченные «латинянами» византийские или околотовизантийские территории.

Первоначально «империя Романии» отождествлялась на Западе со всей Византией и служила своего рода калькой греческого «империя ромеев». Не случайно венецианский дож изначально, с 1204 г., именовал себя – *dux Venetiarum et quarte partis et dimidie totius imperii Romanie*. Однако постепенно, особенно после восстановления Византии в 1261 г., на Западе кристаллизуется идея «своей» Романии, отличной от Романии – «империи греков», тем более, что римским императором признавался иной, западный монарх. И не важно, была ли Романия франкской, венецианской или генуэзской, она все же была неким единством, идеальным конструктом. И при этом именование Романии продолжает применяться и к Византии<sup>1</sup>, включая сюда и деспотов Мистры<sup>2</sup>. Венецианская колониальная империя, как ее именует Ф. Тирье, а вслед

---

<sup>1</sup> Il Codice Morosini. Il mondo visto da Venezia (1094–1433) / Edizione critica, introduzione, indice e altri apparati di A. Nanetti. Spoleto, 2010. Т. 1. P. 4–6, 10; Т. 2. P. 996, 1003; Т. 3. P. 1303, 1375, 1414 (“l’inperador de l’inpierio de Romania”).

<sup>2</sup> Il Codice Morosini. Т. 2. P. 788; Т. 3. P. 1294.



за ним и другие историки, была основана «внутри» этой Романии<sup>1</sup>. Равным образом и генуэзцы использовали имя Романии для обозначения как своих, так и иных латинских владений на территории бывшей Византии<sup>2</sup>.

Осознавалась ли латинская Романия как часть или как продолжение общевизантийского сообщества? Кажется, не в полной мере. Скорее, как наследие, при том законно от империи отсоединенных территорий. Вот пример. Венецианский хронист Лоренцо Моначи (1351–1428) утверждает, что ключевые пункты моря – Перу и Каффу – генуэзцы приобрели обманом в чужой земле, тогда как венецианцы – владыки четверти и еще полчетверти всей империи Романии – обладают этим не столько силой, сколько по праву и разуму, подтверждая время от времени вечный мир договорами с императором греков<sup>3</sup>.

При этом и генуэзцы, и венецианцы с готовностью признают другую универсальную империю – «империю Газарии», Золотую Орду, татарский улус Джучи, под чьим сюзеренитетом находились их фактории, включая именование «во всей империи Газарии» в титул как генуэзского консула Каффы<sup>4</sup>, так и венецианского консула Таны<sup>5</sup>. Но Верхняя Романия, куда направляются корабли двух итальянских морских республик, и «империя Газарии» как бы пересекаются, отражая разные политические реалии, в равной мере признаваемые этими республиками. И оба концепта восходят к архаичным, уже в реальности отсутствующим образованиям: ни Римской империи, ни Хазарии уже не существовало. Лишь их имена вошли в новую политическую идеоло-

<sup>1</sup> Thiriet F. *La Romanie Vénitienne au moyen âge*. P., 1959 (repr.: 1975). P. 2: «L'empire colonial vénitien était fondé et il l'était en Romanie»; Соколов Н. П. *Образование Венецианской колониальной империи*. Саратов, 1963.

<sup>2</sup> Balard M. *La Romanie Génoise (XII<sup>e</sup> – début du XV<sup>e</sup> siècle)*. Roma; Genova, 1978. T. I. P. 6: les Génois continuent à parler de Romanie pour désigner des régions qui échappent au pouvoir du basileus de Romanie.

<sup>3</sup> Laurentii de Monacis Veneti Cretae cancellarii Chronicon de rebus Venetiis ab u.c. ad annum 1354, sive ad conjurationem ducis Faledro. Accedit ejusdem Laurentii Carmen de Carolo II, Rege Hungariae / Omnia ex mss. editisque codicibus eruit, recensuit, praefationibus illustravit Flaminius Cornelius. Venetiis, 1758. P. 207–208.

<sup>4</sup> Пример: consul Ca[ffe] totiusque Maris Maioris et Ianuensium in toto Imperio Gazarie (Причерноморье в средние века. Вып. 10. Акты генуэзских нотариюв, составленные в Каффе и в других городах Причерноморья в XIV–XV вв. / Под ред. С. П. Карпова. Составители М. Г. Альваро, А. Ассини, Л. Баллетто, Э. Бассо. СПб., 2018. P. 528 — 21/X 1460).

<sup>5</sup> Примеры: dominus Daniel Lauredano consul Tane in totoque imperio Gazarie (Прокофьева Н. Д. Акты венецианского нотариуса в Тане Донато а Мано (1413–1419) // Причерноморье в средние века. СПб., 2000. Т. 4. С. 109 — 10/IV 1411); sub regimine spectabilis et egregii viri domini Victoris Delfino pro serenissimo ducali dominio Veneciarum consulis Tane et totius imperii Gazarie (Archivio di Stato di Venezia, Notai di Venezia, Testamenti, 1076, Ambrosius de S. Vitalis, f. 3r — 4/II 1427).

гию, в концепт, где не власть императора-космократора, но географическое местонахождение территорий является определяющей доминантой.

Эти предварительные замечания предполагают их детализацию и уточнение в дальнейшем при комплексном анализе венецианских, генуэзских и иных источников XIII–XV вв.

**И. О. Князький**

*Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова (Москва)*

**Византия и кочевнические союзы в Нижнем Подунавье  
(конец IX – начало XIII вв.)**

Первые столкновения Византии с тюрко-монгольскими кочевыми народами восходят к первой половине V в., ко времени самого начала существования самостоятельной Восточной Римской империи (с 395 г.). Это были гунны, чье вторжение в Европу угрожало всем государствам и народам последней. Крах державы Атиллы, быстрый ее распад после его смерти не избавили ромеев от нашествия номадов-тюрков. Утвердившиеся к северу от Дуная авары создали с 567 г. плацдарм для вторжения в империю. В 626 г. полчища аваров во главе с их каганом осадили Константинополь, но в итоге были разгромлены византийцами. В начале 80-х гг. VII в. в Нижнем Подунавье обосновалась орда тюрко-болгар хана Аспаруха. Следствием этого в дальнейшем стало появление на Балканах Первого Болгарского царства, в котором славяне постепенно ассимилировали тюрков-болгар.

С конца IX в. присутствие тюркских кочевнических союзов в Нижнем Подунавье становится постоянным явлением. В 896 г. печенеги, преследуя венгров, которых они принудили оставить степи Южного Урала и, в конце концов, «обрести родину» в Среднем Подунавье, сами достигли Нижнего Дуная, где их присутствие отныне становится важным фактором взаимоотношений стран и народов этого региона. В 915–920 гг. печенеги вторгаются за Дунай в пределы Болгарии. В 934 г. они в союзе с русскими и венграми ведут войну против Византии. В 943 г. печенеги были союзниками князя Игоря в его походе на Нижний Дунай против ромеев и при этом в очередной раз жестоко разорили болгар. В 970 г. печенеги – союзники русского князя Святослава в его войне с Византией.

В течение X в. печенеги не только переходили Дунай с целью вторжений в земли болгар и ромеев, но постепенно их кочевые орды стали обосновываться в низовьях Днестра, Прута и в Нижнедунайской низменности. Это обстоятельство было отмечено византийским императором-историком Константином Багрянородным (913–959). В своем сочинении «Об управлении империей» он указал на две группы печенегов близ берегов Дуная. Одна группа, ее он именует «фема Гиазихопон», заняла под свои кочевья степи



близ дельты Дуная, в низовьях рек Сирет, Прут и Днестр. Другая – печенежская «фема Гилы» – обитала в степях Нижнедунайской низменности, ближе к владениям венгров.

Активная внешняя политика русского князя Владимира Святославовича (980–1015), нанесшего печенегам ряд поражений в Поднепровье, вынудила значительную часть номадов отойти от русских рубежей. Прежде всего в степи Нижнего Подунавья.

Усиление Византийской империи в царствование императора Василия II Болгаробойцы (976–1025) привело к полному разгрому Первого Болгарского царства и восстановлению имперского лимеса по Дунаю. Теперь Византия и печенежские орды, в большинстве своем переместившиеся в Нижнее Подунавье, становятся соседями. Но соседство это не было мирным. К середине XI в. на печенегов обрушиваются новые кочевые тюркские племена, вторгшиеся в южнорусские степи. Это были торки. Печенеги вынужденно уходят за Дунай, в пределы Византии. Последовал в середине XI в. ряд жестоких византийско-печенежских войн с переменным успехом для каждой из сторон. Но, в конце концов, и ромеи, и печенеги сумели договориться. Печенеги были расселены в балканских владениях империи на правах федератов – военных поселенцев.

В 1064 г. византийцы уверенно отражают попытку вторжения в пределы империи орды торков. Но вскоре вновь о себе напоминают печенеги. Печенежские орды выходят из подчинения Византии и наносят ромеям ряд жестоких поражений. В 1090–1091 гг. Ромейская империя, казалось, находилась на краю гибели, и одной из основных причин столь бедственного положения еще недавно великой державы был печенежский фактор.

По счастью для византийцев, половцы (куманы), которых печенеги зазвали за Дунай против ромеев как своих союзников, не нашли с ними общего языка и обратили свое оружие против них. Половцев вдохновляла изобильная добыча, захваченная ранее печенегами в византийских владениях, каковой они решили завладеть сами. Половцы, разгромив печенегов, оказали Византии огромную услугу, хотя едва ли помышляли об этом. Вскоре, однако, половцы станут вторгаться на византийскую территорию для грабительских набегов. В 1121–1122 гг. Византии пришлось столкнуться с объединенной ордой печенегов, торков и берендеев, которых от рубежей русской земли отогнал Владимир Мономах (1113–1125). Это были события так называемой Веройской войны. После нее на Византию продолжились половецкие набегі. Постепенно их кочевья все более и более приближаются к Дунаю, и вскоре уже они становятся постоянными соседями империи по ее дунайскому лимесу.

Переломным событием становится восстание болгар и балканских владхов против византийского господства в 1185 г. Предводители повстанцев

Петр и Асен, переправившись через Дунай, прибыли в половецкие кочевья и позвали половцев, обещая щедрую добычу, на войну против ромеев. Участие большого половецкого союза, так называемой Подунайской Кумании, в войне болгар и владх против Византии сыграло огромную роль в возрождении болгарского государства – Второго Болгарского царства. В 1205 г. половцам принадлежала решающая роль в битве под Адрианополем, где они совместно с болгарскими и владхскими наголову разгромили крестоносное воинство Латинской империи во главе с самим ее правителем Бодуэном, бесславно оказавшимся в плену. К этому же времени относится характеристика Кумании нижнедунайских степей, данная участником IV Крестового похода пикардийским рыцарем Робером де Клари. Он оставил подробное описание нравов половцев-куман, их обычаев, быта, их умения вести войну, особенностей их боевой тактики. Подунайская Кумания просуществовала до 40-х гг. XIII в., вплоть до нашествия монголов. Половцы частью ушли к венграм, частью – к болгарам. Служили половцы и ромеям Никейской империи. В 1261 г. именно половецкий конный отряд открыл ромеям дорогу в Константинополь, после чего возродилась Византийская империя Палеологов (1261–1453).

*А. С. Козлов*

*Уральский государственный университет (Екатеринбург)*

### **Далмация в Византийском «содружестве» V в.**

Будучи на крайнем западе префектуры Иллирик, оказавшейся на рубеже IV–V вв. спорной территорией в отношениях между Восточной и Западной империей, Далмация стала стратегически значимой в V в. После смерти Константина I провинция как часть Иллирика перешла Константу и управлялась президом, сидевшим в Салоне. По данным археологии, с III в. здесь происходило определенное снижение уровня материальной культуры и инфраструктуры, сокращение торговли, множилось признаки кризиса в процессах урбанизации. Повсюду, кроме Салоны и ее хоры, резко сокращается число эпиграфических памятников. Однако горнорудная промышленность, вероятно, продолжала жить в IV–V вв. во внутренних районах страны.

Как известно, последняя четверть IV в. ознаменовалась для Балкан превращением варварского (прежде всего, готского) фактора из внешнего во внутриимперский. В Далмации именно в это время убывало население. Некоторые представители высших сословий переезжали из Далмации в Италию (Cod. Theod. VI.29.12). Сведений о миграции в Константинополь и сопредельные с ним районы нет. Наоборот, беженцы из Паннонии и внутренних областей Далмации искали убежище в прибрежных ее центрах (см. работы Дж. Уилкса). Однако, хотя группировка Алариха и поставила под свой контроль области вблизи Далмации (Sozom. IX.4.2–4; Olymp. Fr. 1; Zosim. V.29) и



претендовала на нее в рамках урегулирования отношений с Константинополем (Zosim. V.48), до реализации таких претензий дело не дошло.

В 20-х гг. V в. группы варваров, расселенные на севере Далмации, оказались под влиянием гуннов, чьи удары, однако, пришлись по востоку провинции, но не по ее побережью. Для существования гражданских общин далматинского побережья наступил решающий момент.

Самой важной из них была Салона, административный центр провинции и ее наиболее романизированный город<sup>1</sup>. Показателями стабильности Салоны была перестройка стен в начале V в., добавление к ним серьезных прямоугольных башен, плюс оборонительные работы на островах вблизи Салоны. В IV в. город был известен как государственный *thesaurus* (пункт хранения золота, серебра и т.п.), *baphium* (собрание красильных мастерских) и *fabrica* (оружейное предприятие) (Not. Dig. Ос. XI.23.66; IX.22). После того как рухнула граница на Дунае, в Салоне возник *gynaecium* (мастерские по производству одежды), ранее располагавшиеся в Бассиане, в провинции Паннония Вторая (*Notitia Dignitatum* фиксирует *gynaecium* и в Сплите, но речь идет, скорее всего, об одном и том же предприятии) (Not. Dig. Ос. XI.46.48). Изрядное число позднеантичных эпитафических памятников и внушительных церковных храмов IV – VI вв. свидетельствует о Салоне как солидном христианском центре, хотя инерция языческих культов здесь также присутствовала. В начале V в. как императорская резиденция возвышается Равенна, с которой у Салоны были давние связи. Все это в совокупности поднимало стратегический рейтинг далматинской столицы. В 425–426 гг., после смерти западноримского императора Гонория, Салона оказалась в руках Константинополя (Philost. 12.13–14; Olymp. fr. 43), который использовал ее как базу для своего флота, поддерживавшего кампанию по восстановлению на западном престоле Валентиниана III (по суше восточноримские легионы двинулись на Италию через Сирмию). В 30-х гг. VI в. Салона стала стратегически важной точкой как для войск Юстиниана, так и для остготов, разместивших там свой гарнизон (Procop. BG. I.5.2,11; 7.1–10, 26–37; 16.8–16).

Управляя Далмацией, боровшийся с вандалами на Адриатике и в Сицилии Марцеллин сделал своей резиденцией именно Салону, но, хотя его и называли Марцеллином из Салоны, ни один источник не раскрывает его связи с этим городом. Правда, Стефан Византийский, примыкая в этом к лексике Приска Панийского, называет Салону полисом Далмации и выводит из назва-

---

<sup>1</sup> Салона была крупнее других городов Далмации, таких как Нарона (ныне Меткович) или Скодра (ныне Шкодер), т. к. ее хора включала такие плодородные острова как Браттия (Брач), Фария (Хвар) и Исса (Вис). Население Салоны при Диоклетиане могло насчитывать 60 тыс. Человек – огромная цифра для того времени.

ния этого полиса адъектив *Σαλωνεύς* (Blockley II. P. 345). Р. Блокли предположил связь данного адъектива в тексте Приска с упоминанием Марцеллина, но это не более чем предположение. Известно также, что племянник Марцеллина и его преемник в Далмации Юлий Непот проживал на вилле за пределами города, когда был убит в 480 г. (Marc. Comes, a. 480).

Относительно недавние археологические исследования в Сплите выявили немного материала V в., но подтвердили длительное использование отчасти измененных инфраструктурных объектов. Качественная керамическая посуда, согласно археологическим данным, непрерывно использовалась здесь в IV–V вв., но импортная керамика и стекло с начала V в. стала редкостью, хотя отдельные находки такого рода изделий отмечены до слоев середины VII в. включительно. Самые поздние из найденных здесь позднеантичных монет (в основном восточноримской чеканки) относятся ко времени императоров Гонория и Аркадия, хотя среди 28 неопознанных нуммусов не исключается наличие отчеканенных в сер. – второй пол. V в. Активное хождение монеты в Далмации имело место по первые десятилетия V в., затем резко сократилось, и находки последних западноримских денежных знаков здесь крайне нечасты. Даже на юге Балкан в целом монеты, вышедшие после 408 г., редки, находки приходятся на небольшие районы, расположенные главным образом вдоль коридоров Сисция – Сирмий – Сингидун; большинство опознаваемых монет V в. с юга Балкан отбито на монетных дворах Пропонтиды. Хотя названный ранее Марцеллин и был независимым правителем Далмации, но монеты от своего имени он, кажется, не чеканил. Ж. Лакам, а вслед за ним Ж. Демо предположили, что очень редкая группа – Юлия Непота содержит монеты, отчеканенные в Салоне или в Сплите: в начале до его отъезда в Италию, а затем после его возвращения. Но суждения Лакама и Демо неубедительны, ибо доказательств нет. Дж.П.К. Кент еще в 1966 г. высказал ряд аргументов в пользу того, что эти монеты были отчеканены в Италии Одоакром.

Таким образом пребывание Далмации в византийском «содружестве» V в. вряд ли было устойчивым. Область тяготела к автономности, а то и самостоятельности, в несравненно большей степени была ориентирована на Адриатику, нежели на префектуру Иллирик в его административно-цельном, ранневизантийском облике.



**А. В. Курбанов, Л. В. Спиридонова**

*Русская христианская гуманитарная академия (Санкт-Петербург)*

### **Неопубликованное руководство братьев Лихудов по эпистолографии<sup>1</sup>**

Открывшуюся в 1695 г. школу при Богоявленском монастыре возглавили Иоанникий и Софроний Лихуды. Учебную программу в ней они организовали согласно традициям поствизантийских греческих школ XVII в. В круг изучаемых предметов они включили эпистолографию, которая, по всей видимости, вошла в число обязательных дисциплин только в XVII в. Таким образом, преподавание Лихудами в Москве эпистолографии было вызвано веянием времени, которое требовало от государственных и церковных служащих умения написать письмо или прошение согласно принятым канонам. Сам курс читался перед изучением риторики и как бы являлся преддверием к ней. Для учеников, проходивших курс, Лихуды составили специальный учебник «Περὶ τῆς τῶν ἐπιστολικῶν χαρακτήρων μεθόδου» (О системе эпистолярных стилей), который мы готовим к изданию по двум известным нам рукописям конца XVII в.:

(1) Санкт-Петербург, Российская национальная библиотека, ф. 906 (Собрание греческих рукописей), № 506, лл. 1–41<sup>2</sup>. Эпистолография здесь располагается до учебника Софрония Лихуда по риторике. По нашему предположению, писцом рукописи является один из первых учеников Лихудов – Феодор Герасимов. Рукопись, по всей видимости, активно читалась, что отразилось на сохранности некоторых страниц, также из-за нового переплета и обрезки на некоторых страницах были утеряны славянские схолии.

(2) Афон, Ивирский монастырь, № 98 (=4218 по Lambros), лл. 72–169<sup>3</sup>. Учебник по эпистолографии здесь располагается после поэтики. Рукопись находится в хорошей сохранности.

Судя по своему составу и принципам организации, учебник Иоанникия и Софрония Лихудов по эпистолографии принадлежит той же традиции, что и руководство Феофила Коридалева<sup>4</sup>, ставшее самым известным руководством по эпистолографии того времени, которому следовали многие греческие дидаскалы XVII–XIX вв. Братья Лихуды разделили эпистолографические стили на три рода, согласно трем родам риторики, выделенным Аристотелем:

<sup>1</sup> Исследование выполнено при поддержке Российского научного фонда (проект № 18-78-10051).

<sup>2</sup> Каталог греческих рукописей Российской национальной библиотеки / Сост. И. Н. Лебедева, науч. ред. Ж. Л. Левшина. СПб., 2014. С. 173.

<sup>3</sup> Lambros S.P. Catalogue of the Greek Manuscripts on Mount Athos. Cambridge, 1900. Vol. II. Σ. 19.

<sup>4</sup> Κορυδαλεύς Θεόφιλος. Περὶ ἐπιστολικῶν τύπων. Londini, 1625.

ἐπιδεικτικόν (эпидейктический), δημηγορικόν (публичный), δικανικόν (судебный). Самым многочисленным был род эпидейктической эпистолографии, включавший в себя 13 стилей: ἐγκομιαστικόν (энкомиастический), ἐλαϊνετικόν (хвалебный, отличался от стиля энкомия), φιλικόν ἢ ἐρωτικόν (дружественный или любовный), χαριστήριον (благодарственный), συγχαριστικόν (поздравительный), ψεκτικόν (хулительный), τωθαστικόν (язвительный), εἰρωνικόν (иронический), διηγηματικόν (повествовательный), ἀξιωματικόν εἴτε αἰτητικόν (просительный), περιφραστικόν (описательный), συγκριτικόν (сравнивающий), καὶ ἄλληγορικόν (аллегорический).

Так называемый публичный род подразделялся на стили: συμβουλευτικόν ἢ προτροπικόν (совещательный или убеждающий), παραμυθικόν (утешающий), νοσητικόν (уведательный), συστατικόν (рекомендательный), ἐρωτηματικόν (вопрошающий), ἀλοφαντικόν (заявляющий), ἀποτροπικόν (разубеждающий), ἠθικόν (нравственный), αἰτιατικόν εἴτε αἰτιολογικόν (раскрывающий причины).

Наконец, судебный род включал в себя изучение следующих эпистолографических стилей: κατηγορικόν (обвиняющий), διασυρτικόν (унижающее), ὀνειδιστικόν (хулящий), ἐπιτιμητικόν (порицающий), ἀπειλητικόν (угрожающий), μεμπτικόν (укоряющий), κοινόν (общий).

Лихуды объясняли свойства каждого стиля, а также давали примеры писем каждого стиля с подобающими ответами. Многие образцы писем, приводимые Лихудами, соответствуют тем, которые были напечатаны в пособиях Феофила Коридалева и других продолжателей этой традиции. Однако Лихуды пользовались также и другими византийскими письмовниками, откуда черпали дополнительные примеры.

В целом, учебник братьев Лихудов был написан достаточно простым и понятным языком, весьма далеким от изысков византийской эпистолографии, что делало его доступным для русских студентов, еще продолжавших изучать греческую словесность и с помощью данного курса постигавших позднеантичную и византийскую традицию написания писем.

**Т. В. Куш**

*Уральский федеральный университет (Екатеринбург)*

### **Милость победителя: турки в захваченных византийских городах<sup>1</sup>**

Ключевым моментом в завоевании османами византийских земель было покорение городских центров – оплотов имперской власти. Города, посмев-

---

<sup>1</sup> Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-09-00091 «Турецкие осады поздневизантийских городов: особенности функционирования городского социума в ситуации межцивилизационного конфликта».



шие оказать сопротивление врагу, ожидало тяжкое испытание. В каких-то случаях османам удавалось с ходу захватить стоявшие на их пути греческие укрепленные поселения, но зачастую им приходилось подолгу их осаждать, вынуждая местных жителей сложить оружие и сдаться на милость победителей. Переход византийских городов под контроль завоевателей сопровождался утверждением новой власти над покоренным местным населением. Как вели себя захватчики сразу после вступления в город? Только ли смерть, грабеж и насилие ожидали побежденных? Каков был масштаб бесчинств в захваченных городских центрах? Ответы на эти вопросы позволяют пролить свет на дальнейшую судьбу бывших византийских городов, жизнь в которых, тем не менее, продолжалась и при новой власти. В своем докладе я рассмотрю поведение османов в захваченных ромейских городах и попытаюсь выявить факторы, влиявшие на политику победителей в отношении завоеванного населения. Моей задачей будет также выяснить, изменялась ли в течение XIV–XV вв. эта политика или же методы утверждения власти над новой территорией оставались неизменными.

Хроники и исторические сочинения поздневизантийских авторов (Никифора Григоры, Иоанна Канана, Лаоника Халкокондила) и риторические трактаты (Иоанна Анагноста, Симеона Фессалоникийского) послужили источниковой базой для настоящего исследования. Скупые сведения, сообщаемые этими источниками, тем не менее, дают представление о том, чего опасались горожане, оказавшиеся перед угрозой сдачи неприятелю, и как с ними поступали османы после одержанной победы.

Согласно источникам, местные жители, запертые за крепостными стенами, ожидали от завоевателей в лучшем случае смерти, в худшем – рабства и утраты собственной религиозной идентичности. В обыденном сознании существовало устойчивое представление о том, как турки станут обращаться с покоренным населением. Действительно, овладев городом, победители действовали по правилам войны: грабили, отбирали имущество, насиловали, уводили в полон. Так удовлетворялась жажда наживы, которой были охвачены воины султана, требовавшие награды за проявленную доблесть. Источники постоянно сообщают о порабощении местного населения, порой приводя данные о количестве людей, ставших военной добычей завоевателей и угнанных турками в рабство. Но османы не всегда и не ко всем были столь безжалостны. Их целью, особенно с течением времени, стало не разрушение городов и полное истребление их жителей, а интегрирование городских центров в свои владения, включение новых территорий в свою хозяйственно-экономическую жизнь. Поэтому турецкие военачальники стремились сразу же действовать не только кнутом, но и пряником. Несколько таких случаев и будет рассмотрено в докладе.

Степень упорства оказанного сопротивления во многом определяла характер поведения османов в отношении покоренного населения. Чем сильнее сопротивлялись ромеи, тем более жестоко вели себя завоеватели после победы. Однако, как свидетельствуют источники, в осажденных городах какая-то часть населения изначально была готова принять власть турок, желая спасти свою жизнь, сохранить прежний социальный статус и материальное положение. И такие проявления лояльности завоеватели не оставляли без внимания. Кроме того, отношение турок к побежденным в немалой степени зависело от поведения местной власти и ее готовности принять новый порядок. Не последнюю роль играл и личностный фактор: султан мог проявить великодушие по отношению к тому или иному городу. Милость нового правителя проявлялась в привилегиях, которые он жаловал горожанам, сохраняя их собственность и прежнее социальное положение. Такая политика позволяла в дальнейшем быстрее наладить диалог между завоевателями и завоеванными.

**Е. В. Литовченко**

*Белгородский государственный национальный исследовательский университет (Белгород)*

### **К вопросу об образе христианина в письмах Сидония**

Цель настоящего исследования – реконструкция собирательного образа христианина второй половины V в. посредством сравнения двух портретов, предстающих перед читателем писем Сидония Аполлинария: священника Максима (Sid. Ep. IV. 24)<sup>1</sup> и благородного Векция (Sid. Ep. IV. 9), христианина, не занимавшего должностей в церковной иерархии. Первое послание написано между 461 и 467 гг., второе – в 472 г. В фокусе нашего внимания именно эти образы в силу того, что Сидоний дает их полное описание, включая внешний вид, манеру поведения и некоторые элементы их быта. Мы сознательно оставили за рамками нашего исследования образ епископа, поскольку представители высшего клира *a priori* являлись образцами для подражания, будучи достойнейшими из достойных, как, например, епископ Фавст Регийский, в честь которого Сидоний сложил панегирик (Sid. Carm. XVI). Нас же в данном случае интересовало в большей степени обыденное и распространенное, чем уникальное. Кроме того, сам автор посланий стимулирует нас провести данное сравнение, считая натуру и манеру поведения Векция более

---

<sup>1</sup> Нумерация приводится по изданию: Sidonii Apollinaris Epistularum Libri I–IX // The Latin Library. The Classics Page. The Miscellany. URL: <http://www.thelatinlibrary.com/sidonius.html>. Перевод данного письма см.: Литовченко Е.В. Сидоний Аполлинарий. Послание Турну // Сборник Радова Филозофског факултета Универзитета у Приштине. Collection of papers of the Faculty of Philisophy. 2016. Број (Vol.) XLVI (2). С. 479–492.



подобными представителям клира, чем образ жизни самих священников (Sid. Ep. IV.9.5).

Обратимся к содержанию письма о Максиме: Сидоний пишет ему как кредитору своего друга Турпиона и хлопочет об отсрочке в уплате долга детьми последнего вследствие болезни отца. Максим, бывший служащий императорского двора (*palatinus*), был посвящен в духовный сан, хотя и не имел на это большого желания (Sid. Ep. IV. 24. 4). Он также являлся старым приятелем и соседом Сидония, его имение располагалось где-то между Клермоном и Тулузой<sup>1</sup>. Судя по тексту, Сидоний давно не видел Максима, т. к. был поражен переменами, произошедшими с ним: «Он лично встретил меня. Но как изменилась его походка: от бывшей выправки не осталось и следа; а как изменился его голос! Его одежда, смиренность; его бледность, манера речи – все выдавало в нем священника. Волосы его были коротко подстрижены, а борода длинна...» (Sid. Ep. IV. 24. 3). Автор послания уделил внимание и описанию домашней обстановки: «...в доме были простые треножные стулья, а вход вместо двери прикрывала грубая власяница; кровати – жесткие, столы – голые. Его угощение больше состояло из фруктов, чем мяса и напоминало вегетарианское; а если появлялось блюдо побогаче, то оно предназначалось гостям, а не ему самому...» (Sid. Ep. IV. 24. 3). Пойдя навстречу Сидонию, Максим согласился на уплату долга без процентов, за что удостоился звания «милостивой души», «заслуживающей царства небесного» (Sid. Ep. IV. 24. 6–7).

Что же касается письма, в котором описан Векций – благородный муж (*vir inlustis*), владелец большого загородного имения в Шантее (Овернь), живущий в миру, но практикующий аскезу<sup>2</sup>, – то в нем показан аристократ, выполняющий обязанности, соответствующие его положению в обществе, но при этом проводящий много времени за чтением Священного Писания. Сидоний считает, что домохозяйство Векция подражает безупречной чистоте жизни его владельца: «Его работающие слуги, те, кто в деревне, любезны, те, кто в его городском доме, дружелюбны, послушны и довольны своим господином. Его стол открыт для незнакомца не меньше, чем для его собственных клиентов; там царит большое гостеприимство и еще большая умеренность» (Sid. Ep. IV. 9. 1); «...он не склонен к насилию в обращении со слугами, и он не стесняется принимать их советы по случаю <...> его даже можно принять за управляющего в его собственном доме...» (Sid. Ep. IV. 9. 4). Знакомясь с внешним видом и занятиями Векция, мы видим вполне привычный образ римского аристократа: «... человеку, о котором мы говорим, нет равных в

<sup>1</sup> Martindale J.R. et al. The Prosopography of the Later Roman Empire. Vol. II. AD. 395–527. Cambridge, 1980. P. 746.

<sup>2</sup> Martindale J.R. et al. Op. cit. P. 1152.

выездке лошадей, дрессировке собак или ястребов; он верх элегантности в одежде с нарядным поясом и в сиянии украшений...» (Sid. Ep. IV.9.2). Далее Сидоний добавляет, что, хотя Векций и любит охоту, но делает он это не ради добычи, а ради процесса, т. к. любит предаваться погоне, и это вполне согласуется с его религиозными чувствами (Sid. Ep. IV. 9. 3). Последние проявляются в том, что он «... постоянный читатель Священного Писания; даже во время еды наслаждается этой пищей для души. Он изучает псалмы и все чаще повторяет их, <...> полный монах во всем, кроме монашеского облачения...» (Sid. Ep. IV. 9. 3). Кроме того, он еще и заботливый отец: «Его утешение – маленькая дочь, единственный залог любви его безвременно ушедшей жены; он воспитывает ее с мягкостью дедушки, усердной заботой матери, добротой отца...» (Sid. Ep. IV. 9. 4).

В заключении Сидоний ставит Векция в пример не только мирянам, но и служителям клира: «... для нашего века было бы хорошо, если бы каждый член нашей священной профессии был вдохновлен этой историей...» (Sid. Ep. IV. 9. 5).

Интересно, что, как в характеристике Максима, так и Векция, совершенно отсутствует общественный компонент, который был обязателен для любого представителя нобилитета еще в конце IV – начале V вв.: в письмах язычника Симмаха почетные должности рассматриваются как то, чем можно гордиться (Symm. Ep. 16), а государственные дела обязательно должны совмещаться с литературной активностью (Symm. Ep. 18), являясь подлинными достоинствами аристократа. Да и у самого Сидония довольно часто встречаются призывы «бросить мотыгу» и служить на благо общественности<sup>1</sup>. Интересы человека практически замкнуты на его тесном частном мирке, ограниченном его владениями. Кроме того, нет ни одного слова об уровне образованности объектов внимания Сидония, ничего не говорится об их красноречии или занятиях литературой, что сам позднеантичный писатель считал маркером идентичности позднеантичного нобилитета. Видимо, акцентуация черт, ценимых христианской моралью, отодвигала на второй план классические установки в данном конкретном случае.

Таким образом, фигура Векция может быть расценена как некий промежуточный вариант верующего, в образе которого еще очень большую роль играют типично античные черты: умение управлять домохозяйством, наличие клиентов, гостеприимство, элегантный внешний вид, мастерство конной выездки, занятия охотой, в то время как, чертами, отличавшими истинного христианина, Сидоний полагал умеренность в пище и быту в целом, кротость, милосердие и чтение священных текстов.

---

<sup>1</sup> См., например: Sid. Ep. I.6.



**М. Ю. Лопатина**

*Белгородский государственный национальный исследовательский университет (Белгород)*

**Иоанн Газский: классические мотивы ранневизантийской поэзии**

Иоанн Газский является единственным поэтом, связанным с литературным и культурным контекстом Газы Палестинской ранневизантийского времени, чьи произведения дошли до нас. Его перу принадлежит поэма *Descriptio Tabulae Mundi* (далее – «Описание»), а также анакреонтические стихи. Изучение Иоанна как поэта в последние годы только начинается. Его связь с традицией Газской школы делает наследие поэта особенно важным с точки зрения изучения культурного континуитета и формирования ранневизантийского культурного сплава.

Поэма «Описание» написана в жанре античного экфрасиса, а анакреонтика связана с прогимнасами – подготовительными упражнениями к риторике. Сложность анализа «Описания» Иоанна Газского заключается в том, что оно содержит отсылки как на визуальное произведение искусства, так и на литературные источники (античные и христианские), которые взаимодействуют друг с другом. Экфрасис описывает космические силы, изображенные в форме аллегорий и представляющие различные элементы мира.

В центральной части «Описания» представлены группы – Океан (Tab. 297–339), Земля (Tab. 396–453) и Море (Tab. 454–497), к которым добавляются атмосферные явления – Ветры (Tab. 250–296) и Шторм (Tab. 498–558). Между четырьмя из пяти групп, за исключением группы Ветры, распределяются Семь Ангелов. Они символизируют смысл веры и являются регуляторами Вселенной во благо человека. К аллегориям высшего порядка относятся Звезды, среди которых определенное место отводится Солнцу. Оно упоминается в начале и конце стихотворения (Tab. 70–161 и 592–702). Фигуры Айона (Tab. 162–204) и Ириды (Tab. 559–591) находятся в положении посредников по отношению к группе Солнце, которая делает их связующим звеном между нижней и верхней частью мира. Как аллегория Времени, Айон символизирует, в частности, цикл природы. Также в группе Солнце встречаются четыре абстрактных персонификаций, сгруппированных по парам. С одной стороны, две моральные аллегии – Мудрость и Совершенство (Tab. 91–120) – поддерживают Солнце вокруг своей оси. Последнее персонифицировано как Атлас, описанный в астрономических терминах. Также связанное с группой Солнце, но в менее прямом отношении понятие Изобилия представлено в форме двух женских аллегорий, которые художник назвал Эйфория (Tab. 616–627) (без этого, вероятно, было бы трудно идентифицировать их). Наконец, два символа обрамляют группы персонификаций – Крест и Троица (Tab. 54–69),

под защитой которых находится картина, а затем следует последняя группа – триада: Эфир, Мир, Природа (Tab. 703–732).

Весьма интересен характер языческого («эллинского») или христианского вдохновения этих аллегорий. Разделение происходит между художественной традицией, которая остается более привязанной к своим образцам, в данном случае аллегориям из классической традиции, и взгляд, который несет христианский мир на это наследие.

Представление идей в форме персонификаций имело большое значение в искусстве поздней античности. Также и картина Вселенной, описанная здесь, кажется ответвлением этой тенденции, поскольку представленная в ней космография фактически является персонификацией Космоса во множественной форме, как это было предложено Иоанном уже в ямбическом прологе (Tab. 12–13). Поэт пошел дальше, предложив определение художественных персонификаций в соответствии с христианской интерпретацией (Tab. 18–19). В этой формуле художник сравнивается с филантропом, который, как Прометей, согласно классической мифологической концепции, владеет способностью создавать людей. В Священном Писании данная роль принадлежит христианскому Богу, венцом творческого акта которого является Адам. Представление абстрактной идеи (природы) в человеческой форме (персонификации, множественное число здесь становится необходимым благодаря большому числу понятий, связанных с идеей природы) посредством искусства относится к демиургическому жесту, который руководит созданием человечества.

Стоит обратить внимание, что на протяжении всей поэмы человеческая фигура возвышается как образ Божий. Мы находим в нем многочисленные намеки на человеческое тело в целом или на его части: голова и волосы, глаза, щеки и рот, руки, пальцы рук, ноги, пальцы ног, туловище, грудь, живот и даже интимные части. В последнем случае речь идет об оскотлении Урана или, наоборот, неиссякаемом творческом изобилии Айона. Следует также добавить упоминание о прозрачной одежде, покрывающей эти тела, и атрибутах, относящихся к движениям, которые они совершают (смотреть, держать, приветствовать, сидеть, бегать, прятаться и т. д.).

Таким образом, картина Вселенной представлена как аллегорическая репрезентация в антропоморфной форме («явный образ», Tab. 81) и напоминает настоящий семейный портрет:

- младшие дети: Рассвет; Венера – утренняя звезда и вечерняя звезда; дети-фрукты и дети-дожди;
- старшие дети: Небо, Океан;
- жены: Мудрость и Совершенство, Луна, Рассвет, Часы, Земля, Европа и Азия, Море, Туча, Гром, Молния, Изобилие, Восток, Ночь, Времена года, Природа;



– мужчины в расцвете сил (Атлас, Ветры, Шторм, Эфир, Мир).

На протяжении всей поэмы, а также в анакреонтических стихах, Иоанн Газский обращается к древнегреческим божествам Айону, Аполлону, Аресу, Атласу, Афродите, Зевсу, Зефиру, Деметре, Каллиопе и др., используя в некоторых местах античные сюжеты. Так, например, тему весны, Афродиты и роз, распространенную в Анакреонтике (Анасг. 4 и 7), можно также обнаружить и в «Описании» (Tab. 390–395 и 660–671). Удивляет, насколько глубоко и пронизательно византийский поэт, опираясь на античную эпическую традицию, смог понять и сплавить аллегорические и христианские образы картины в классическом жанре экфрасиса.

***В. В. Майко***

*Институт археологии Крыма РАН (Симферополь)*

### **Историческая топография Сугдеи средневизантийского времени (VIII–IX вв.)**

Благодаря раскопкам последних десятилетий накоплен достаточный материал для осуществления попытки исторической реконструкции средневековой Сугдеи в указанный хронологический период. При отсутствии письменных свидетельств, мы можем оперировать только археологическими источниками. Именно они позволяют определить специфику формирования города и сравнить ее с синхронными провинциально-византийскими городами Таврики, прежде всего Херсонесом, Партенитами, Алустоном и Боспором.

В настоящий момент, исходя из археологического, в том числе и сфрагмического материала, время возникновения средневекового города определяется в рамках последних десятилетий VII в. Что собой представляла Сугдея этого времени судить сложно. Однако, благодаря выгодному географическому положению, первоначальное поселение уже к середине VIII в. переросло в городской центр.

С этого момента в исторической топографии Сугдеи, ориентируясь и на особенности рельефа, можно выделить три составные части. Первую составляет само городище, обнесенное мощной крепостной стеной. Время сооружения последней остается предметом дискуссии, но в первой половине VIII в. она, возведенная местными бригадами строителей под руководством византийских инженеров, уже существовала. Раскопанные участки первоначальной крепостной стены, исследованные на участках куртин XI, XV, IX и под полами цистерны 1, позволяют утверждать, что по площади городище занимало практически весь северный склон крепостной горы.

Застройка внутрикрепостного пространства может быть представлена только в самых общих чертах. На участке куртины XI генуэзского времени

находился центральный вход, возле которого располагалось языческое святилище, связанное с культом огня, обнесенное каменной оградой. Его зольник находился с внешней стороны стены. Еще один вход был зафиксирован на участке куртины XV в западной части оборонительного кольца. Вплотную к куртинам располагались жилые и ремесленные постройки. Наиболее сохранившийся комплекс железодельной мастерской с жилищем ремесленника был раскопан с внутренней стороны куртины XI. Характер застройки остальной территории остается пока невыясненным.

Вторым элементом городской инфраструктуры являлась портовая часть, занимавшая южные склоны крепостной горы и укрепленная со стороны суши крепостной стеной. Остатки последней были раскопаны непосредственно возле башни Фредерико Астагуэрро гетуэзского времени. Масштабные раскопки, проводившиеся здесь начиная со второй половины 1920-х гг. и до сегодняшнего дня, позволяют уверенно утверждать, что плотно застроенными были как минимум две первые террасы южного склона крепостной горы. Жилые и хозяйственные помещения, здесь располагавшиеся, не образовывали квартальной застройки, но, благодаря отсутствию большого свободного пространства, были тесно прижаты одно к другому.

Составной частью этой территории города был порт. О характере сооружений, непосредственно связанных с его функционированием, пока ничего не известно. Тем не менее значительный археологический, в том числе нумизматический и уникальный по составу и количеству сфрагистический материал, обнаруженный в ходе проведения подводных исследований, свидетельствует о довольно активном функционировании городского порта.

Третьим элементом инфраструктуры являлся городской посад, занимавший практически всю территорию долины, примыкавшей к крепостным стенам. Вероятнее всего северная и северо-восточная части посада, расположенные у подножия горы Перчем, были заняты городскими некрополями. В настоящий момент их раскопано два (Судак-VI и первоначальный некрополь Судак-IX). Оба они состояли из грунтовых языческих и христианских погребений в плитовых могилах и склепах, а также могил с комбинированной конструкцией. При этом расстояние от границ могильников до самой крепостной стены составляло не менее 300 м. В отличие от них, еще один третий небольшой по площади городской биритуальный некрополь, образованный склепами для захоронения городской знати и грунтовыми могилами, находился непосредственно у подножия крепостной стены возле центрального входа в город. Несмотря на несомненное присутствие на всех некрополях христианских черт погребального обряда и христианских погребальных конструкций, христианских храмов, датированных до середины X в., ни на площади могильников, ни на территории посада и внутрикрепостного пространства пока не раскопано.



Помимо некрополей на территории посада располагалась жилая застройка. Вероятнее всего она представляла собой отдельные усадьбы, расположенные на значительном расстоянии друг от друга. Постройки с каменными стенами были исследованы возле первоначального некрополя Судак-IX в северо-восточной части посада и в западной части посада напротив куртины XVII.

Материальная культура Сугдеи VIII – первой половине X вв. относится к так называемому крымскому варианту салтово-маяцкой археологической культуры. Его отличительной особенностью является сильная византинизация, проявившаяся во всех сферах жизнедеятельности. Исходя из этого, городское население составляли, вероятнее всего, праболгарские племена, давно и прочно перешедшие к оседлости. Тем не менее в организации жилого пространства они исходили, прежде всего, из византийских традиций планировки городских поселений. Особенности городской инфраструктуры, отличные от Херсонеса и Боспора, продиктованы были, вероятнее всего, отличием рельефа местности. Осуществляла ли руководство этим процессом византийская городская администрация, на имеющемся археологическом материале пока сказать сложно. Уникальная коллекция сфрагистического материала свидетельствует о безусловном присутствии в это время в городской среде византийских чиновников. После середины X в. в связи с кардинальными изменениями политической ситуации городская инфраструктура претерпевает значительные изменения. Однако это тема уже другого исследования.

*Д. И. Макаров*

*Уральская государственная консерватория имени М.П. Мусоргского  
(Екатеринбург)*

**О рационалистическом характере этики Феодора Метохита и ее источниках (На примере Слова 10 «О нравственных проблемах, или Об образованности»)**

В 61-й главе трактата «Об образованности» (ок. 1305 г.) Метохит писал: «И лишь дар слова (ή ... τοῦ λόγου χάρις), поистине, представляет собой единственное благо, принадлежащее исключительно людям – и из всех благ наидостойнейшее. Оно всем верховодит и выступает наставником подлинного счастья...»<sup>1</sup>. Как и во всей античной и византийской традиции, познание здесь неразрывно связывается с нравственными регулятивами жизни и поведения личности. Для обоснования этого комплекса мыслей Метохит обра-

---

<sup>1</sup> Θεόδωρος Μετοχίτης. Ἠθικός ἢ περὶ παιδείας / Εἰσαγωγή – Κριτικὴ ἔκδοσις – Μετάφρασις – Σημειώσεις ἀπὸ Ἰ.Δ. Πολέμη / Θεόδωρος Μετοχίτης. – Ἀθήνα 2: Κανάκη, 2002. (Κείμενα βυζαντινῆς λογοτεχνίας, 1). Σ. 260.8–11. (Далее: Полέμης).

щается, помимо Нового Завета, к целому ряду учений (например, стоиков и Филона), но нам бы хотелось дополнительно подчеркнуть влияние на него Аристотеля и Псевдо-Дионисия Ареопагита.

В то же время масштабы этого влияния даже до конца не выявлены текстуально. Между тем, как минимум в двух или трех случаях мы можем говорить о сознательном цитировании или закладывании автором в текст своего труда аллюзий на трактаты Аристотеля и Ареопагита. Так, в гл. 25 речь идет о любви исследователя-гуманиста к античной истории: «А склонность к истории вообще и к тому, чтобы мало-помалу (μετρίως) вникать в повествования о событиях древности, поистине, вселяет в душу столь неутомимое влечение и столь обворожительные чары, непрестанно разящие душу своими стрелами, что не с чем их и сравнить, а не испытавшему на опыте (μη πεπειράται παθῶν) того, о чем у нас идет речь, совершенно невозможно что-либо узнать (ἀναμαθεῖν) об этом (курсив наш. – Д. М.)»<sup>1</sup>. Эта фраза, на наш взгляд, так или иначе (хотя бы через призму культуры, образования и собственной эрудиции) восходит к Псевдо-Дионисию Ареопагиту: οὐ μόνον μαθῶν, ἀλλὰ καὶ παθῶν τὰ θεῖα<sup>2</sup>. Разумеется, у Ареопагита речь идет об опытном восприятии Божественных энергий<sup>3</sup>. Намек на это выражение Ареопагита может содержаться и в гл. 26 в описании лиц, не восприимчивых к наукам, как τῶν κρείττωνων ἀπαθεῖς αὐτῶν («не испытывавших на опыте тех наилучших состояний, о которых идет речь») <sup>4</sup>. Но фраза Ареопагита, хотя и не идеально подходящая по контексту, слишком маркирована в византийской культуре, слишком значима для ведущих ее представителей и слишком хорошо (надо полагать) известна Метохиту как энциклопедисту, чтобы последнему не попытаться прибегнуть к ней при написании того своеобразного панегирика древней истории, которым оказывается 25-я глава трактата (как и предыдущие главы 20–24).

Еще более интересно и даже несколько странно, что Я. Полемис не опознал в тексте источника известнейшее выражение из «Никомаховой этики» Аристотеля (далее – EN). В 55-й главе Метохит пишет, обращаясь к своему реальному или предполагаемому адресату, о том, что мудрость дает ему шанс «... и научиться чему-либо (παιδαγωγεῖσθαι), и, изучая, сопоставить (παρεξετάζειν) собственный характер с превосходящей всякую меру враждебностью твоего партнера по состязанию, поставляя судией (ἐπίσκοπον) над обо-

<sup>1</sup> Ibid. Σ. 120.9–14.

<sup>2</sup> *Ps.-Dion. Ar.* DN II, 9 // *Corpus Dionysiacum*. Bd. I / Hrsg. B. R. Suchla. Berlin; N. Y., 1990. (PTS, 33). P. 134.1–2.

<sup>3</sup> См., например: *Lourié B.* The Philosophy of Dionysius the Areopagite. An Approach to Intensional Semantics // *Georgian Christian Thought and Its Cultural Context: Memorial Volume for the 125<sup>th</sup> Anniversary of Shalva Nutsbidze (1888–1969)* / Ed. T. Nutsbidze, C. B. Horn, B. Lourié with the collab. of A. Ostrovsky. Leiden; Boston, 2014. P. 95.

<sup>4</sup> Πολέμης. Σ. 126.18–19.



ими и могущественным защитником «верное суждение» (ὀρθὸν τὸν λόγον)... (курсив наш. – Д. М.)»<sup>1</sup>. Понятие верного суждения употребляется в EN VI, 13 1144b 25–28: добродетель – это «склад души, согласный с верным суждением (κατὰ τὸν ὀρθὸν λόγον)». Среди многих поздневизантийских текстов данное выражение встречается и в трактате Никифора Влеммида «О добродетели и подвиге» (ок. 1265–1268)<sup>2</sup>. Данный текст из гл. 55 «Об образованности» далее расширяет сферу переключек между двумя великими мыслителями – исихастом и гуманистом, что само по себе не лишено историко-философского интереса. Еще важнее и то, что выстроить гуманистическую мораль интереса к свободному творчеству, эвристике и исканию нового в обоих случаях – Влеммида и Метохита – оказывалось невозможным без обращения к авторитету Старигита и автора «Ареопагитик». Ничего удивительного: как заметил Бергсон, философия Платона и Аристотеля оказывается естественной метафизикой европейской культуры. Перефразируя Ницше в духе тонкой иронии, можно сказать, что и сегодня эта философия, по-видимому, не без успеха возвращается в нынешний культурный дискурс.

Трактат Метохита открывается фразой: «Уже не раз я пытался рассказать тебе кое-что о науках (τῶν λόγων)...»<sup>3</sup>. Бросается в глаза, что термин λόγος у Метохита гораздо более ценностно насыщен и семантически окрашен, чем, допустим, в некоторых средневизантийских (VII – последняя четверть XI вв., по С. Эббесену) вариациях на тему «Софистических опровержений» Аристотеля. В одном из таких сборников софизмов сказано: «...одно дело – *высказываться при помощи одного лишь высказывания* (τὸ λέγειν τὸν λόγον), а другое – говорить о реальной вещи (τὸ πρᾶγμα) (курсив наш. – Д. М.)»<sup>4</sup>. Вообще же эпистемологический (как и этический) словарь Метохита исключительно богат. К вопросам его семантического, историко-культурного и историко-философского анализа мы планируем обратиться в самое ближайшее время.

<sup>1</sup> Ibid. Σ. 238.6–10.

<sup>2</sup> О чем см.: Макаров Д. И. Исихазм и внимание к классическому прошлому: две заметки о чертах своеобразия византийского гуманизма XIII–XIV вв. // Диалог двух культур Востока и Запада через призму единства и многообразия: древний мир, Средневековье, Новое и Новейшее время / Отв. ред. В. Н. Вдовин. Алматы; Екатеринбург, 2018. С. 220.

<sup>3</sup> Πολέμης. Σ. 2.1–2.

<sup>4</sup> Софизм I.B.8: *Ebbesen S. The Un-Byzantine Byzantine on Two Sophisms // Aristotle and His Commentators. Studies in Memory of Paraskevi Kotzia / Ed. P. Golitsis and K. Ierodiakonou. Berlin; Boston, 2019. P. 199.*

**Я. В. Манохин**

*Отдел религиозного образования и катехизации Борисоглебской епархии Русской Православной Церкви (Борисоглебск)*

### **Из Палестины на Кипр: к истории зарождения монашества на Кипре**

Остров Кипр на протяжении всей своей истории в силу своего географического положения находился в центре самых известных исторических событий. Известен Кипр и своими многочисленными монастырями. Остров по сей день является, подобно Палестине, крупным паломническим центром. Но, к сожалению, история возникновения монашества на Кипре очень скупо отражена в исторических источниках.

Как известно, колыбелью христианского монашества является Египет. Основателем монашества принято считать преподобного Антония Великого (251–357). Его ученики селились возле его кельи и подражали подвигам своего наставника. Многие уходили в другие пустынные места Египта, а впоследствии и других регионов. Что касается Кипра, то зарождение монашества на нем связано с именами четырех человек. Первыми монашествующими на острове были Аркадий († 361 г.) и два его ученика – Еввул и Юлиан.

Однако, в единственном кратком житии, содержащемся в Минологии Василия II, отсутствует информация о происхождении христианских подвижников, их месте подвига и почитания на Кипре. Известно только, что двое последних претерпели пытки и были убиты во времена гонений на христиан при императоре Юлиане Отступнике (361–363)<sup>1</sup>. Отсутствие необходимой информации о жизни данных людей, а также других источников не дает нам возможности с полной уверенностью называть их именно основателями кипрского монашества. Но и утверждать обратное мы тоже не можем по аналогичной причине.

Однако с полной уверенностью можно сказать, что монашество и монастыри на Кипре появились и стали распространяться благодаря подвигу другого, известного христианского подвижника, преподобного Илариона Великого (291–371). Согласно его жизнеописанию, составленному блаженным Иеронимом Стридонским (ок. 347–420), преподобный Иларион был учеником преподобного Антония, основоположника египетского монашества. По настоянию своего наставника, Иларион отправился в Палестину, поселился в окрестностях портового города Майюмы (близ Газы) и основал там первый монастырь, тем самым став основоположником палестинского монашества. Своими подвигами и чудесами он стал известен всей округе. Избегая людской славы, преподобный вместе со своим любимым учеником Исихием по-

<sup>1</sup> PG. T. 117. Col. 343–344.



кидает свой монастырь и после долгих скитаний прибывает на остров Кипр. Здесь он селится в горах в двух милях от Пафоса. Конкретное место автор жития не указывает. Но и здесь преподобный получает широкую известность благодаря чудесам, происходившим по его молитвам. К нему за помощью обращаются жители многих кипрских городов (Vit. Ilar. 41).

Позже Иларион вместе с Исихием переселяется вглубь острова в труднодоступные горы, где проживает остаток своей жизни. Киприоты отождествляют место последних подвигов Илариона с пещерой в скале близ селения Эпископии на северо-востоке от Пафоса. Многие жители острова начинают следовать примеру жизни преподобного и становятся монашествующими. Таким образом, личным примером Иларион основывает монашество на острове Кипр, подобно тому, как это было в Палестине.

На активное распространение монашества на Кипре повлияла деятельность архиепископа Кипрского Епифания (ок. 315–403), который посвятил свою жизнь строительству монастырей на острове. Он был учеником Илариона Великого, с которым познакомился в его же монастыре в Майюме близ Газы. Преподобный предсказал тогда Епифанию, что тот будет избран и поставлен епископом Констанции.

Город Саламин был переименован в Констанцию и стал административным центром о. Кипр. Формально епископ Констанции считался предстоятелем Кипрской Церкви и получал титул архиепископа. На эту новую должность и был назначен святитель Епифаний<sup>1</sup>. Когда преподобный Иларион Великий жил на Кипре, святитель Епифаний не раз навещал его. При этих встречах он сильно проникся монашеским подвигом преподобного, что, скорее всего, впоследствии повлияло на его деятельность как предстоятеля Кипрской Церкви. Как известно, святитель придавал огромное значение развитию монашеской жизни на острове и благодаря его деятельности на территории Кипрской Церкви появилось множество монастырей<sup>2</sup>.

Таким образом, зародившееся в египетской пустыне монашество, через ученика основоположника нового христианского аскетического образа жизни распространилось сперва в Палестине, а затем на Кипре, тем самым создавая непрерывную связь между тремя культурными центрами и регионами ранней Византии.

<sup>1</sup> Vita S. Ep. 33 // PG. T. 41. Col. 66.

<sup>2</sup> Hieron. Ep. 108. 7 // PL. T. 22. Col. 882.

**О. А. Манохина**

*Белгородский государственный национальный исследовательский университет (Белгород)*

### **Христианские ранневизантийские монастыри Иудейской пустыни: проблема исторических источников**

Основателем монашества принято считать преподобного Антония Великого (251–357), ушедшего в египетскую пустыню, чтобы жить одному и творить молитву и пост. Монашество в Палестине зарождается в окрестностях Майюмы близ Газы и его основателем является ученик преподобного Антония Великого преподобный Иларион Великий (291–372), пришедший в Палестину из Египта. Отсюда по всей территории Палестины начинают появляться новые монастыри, в частности, в одной из самых крупных палестинских пустынь – Иудейской, расположенной между иудейскими горами и западным берегами Иордана и Мертвого моря.

Исторических источников, содержащих ценную информацию о жизни в монастырях Иудейской пустыни, достаточно много. Корпус источников можно разделить на две группы: археологические и письменные.

Говоря об археологических источниках, следует отметить, что благодаря сухому климату и отдаленности византийских монастырей Иудейской пустыни от населенных пунктов, руины монастырей сохранились в достаточно хорошем состоянии для полноценного археологического исследования. Еще в конце XIX в. для изучения монастырей были направлены экспедиции, Первыми археологическими экспедициями, проводившими раскопки монастырей в Иудейской пустыне, руководили Т. Тоблер, В. Герен, Ш. Кондер, Ж.-Л. Федерлин, К. Марти, К. Фюррер, Ю.П.Ф. Кастерен, и М.Ф. Рисс. Как правило, раскопки проводились вблизи мест остановок паломников и городов. Только французские археологи Ш. Кондер и Ж.-Л. Федерлин исследовали более отдаленные монастыри в глубине пустыни. Активные раскопки монастырей начались в 1928 г. Среди них следует отметить экспедицию британского историка Д. Читти в монастыре преподобного Евфимия. Экспедиция В. Корбо в 1929 г. исследовала монастыри в окрестностях Вифлеема. После 1957 г. монастыри Иудейской пустыни стали объектами археологических изысканий израильских исследователей, таких как П. Бар-Адон, Д. Патрик, И. Хиршфильд. Благодаря их трудам была составлена достаточно полная карта ранневизантийских монастырей Иудейской пустыни. Основной проблемой для успешного археологического исследования монастырей Иудейской пустыни является политическая нестабильность в регионе, как в XX, так и в XXI в. На данной территории и по сей день не утихают вооруженные конфликты.

К письменным источникам относятся, в основном, житийная литература ранневизантийского периода, а также сборник рассказов о жизни отдельных



монахов в форме наставлений. Сам жанр данной литературы не предполагает изложение подробных исторических сведений о монастырях, однако именно из них мы черпаем информацию по истории и топографии монастырей, а также жизнеописания их знаменитых насельников.

Наиболее информативным источником о жизни монастырей Иудейской пустыни являются труды Кирилла Скифопольского (524–558): житие преподобного Евфимия Великого (в монастыре которого Кирилл прожил около 10 лет), а также жития преподобных монахов Саввы Освященного, Кириака, Феодосия, Романа, Феогноста и Иоанна Исихаста. Другим не менее значимым и информативным источником является труд блаженного Иоанна Мосха (550–619) «Луг духовный», который представляет собой сборник рассказов из жизни монахов в разных монастырях Иудейской пустыни. Следует отметить, что сам Иоанн путешествовал по этим монастырям и записывал рассказы о жизни их насельников. Третьим источником, повествующим о жизни в монастырях Иудейской пустыни, является труд анонимного монаха, посвященный биографии некоего Харитона. Автор данного труда жил в основанной Харитоном лавре. «Житие монаха Герасима» приписывалось ранее Кириллу Скифопольскому, но на самом деле было написано анонимным монахом, использовавшим отрывки из трудов Кирилла. Данное произведение повествует о жизни монахов в лавре Герасима. Более поздний источник – житие Георгия Хозевита, написанное его учеником Антонием, – повествует о жизни Хозевитской общины с начала V в. вплоть до второго года после персидского завоевания в 611 г.

В исторических же произведениях, как, например, в «Историях» Созомена (400–450) и Евагрия Схоластика (536–594), монастыри Иудейской пустыни упоминаются всего лишь вскользь. Больше сведений о монастырях приводит Прокопий Кесарийский (500–565) в своем трактате «О постройках», в котором он разбирает строительную деятельность императора Юстиниана I Великого (527–565).

Все перечисленные источники, как археологические, так и письменные, в совокупности предоставляют нам достаточно объемную информацию о местах расположения и особенностях внутренней жизни ранневизантийских монастырей Иудейской пустыни.

**Ю. Б. Мантова**

*Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова  
(Москва)*

### **Инвективные стратегии в творчестве Иоанна Цеца**

Античная инвективная поэзия и прозаический псогос давно являются предметом исследовательского интереса и прекрасно изучены. Византийский

же извод подобной литературы, напротив, очевидно нуждается во внимании научного сообщества. Существовавшие до последнего времени публикации были посвящены отдельным памятникам, и, кроме того, сконцентрированы лишь на риторическом аспекте тех произведений, которые изначально создавались в рамках инвективной литературы с оглядкой на соответствующий античный жанр, который мы предлагаем условно обозначить как «ученую» инвективу.

В качестве отличительного признака такой инвективы Аристотель предлагает видеть ясное наличие цели – нейтрализовать оппонента. При этом нападки могут сопровождаться юмором, а могут обходиться и без него. Однако, с лексической точки зрения, более важное наблюдение зафиксировано у Платона, который выделял две формы  $\alpha\mu\beta\kappa\eta$   $\acute{\iota}\delta\acute{\epsilon}\alpha$ : с яростью ( $\sigma\upsilon\nu$   $\theta\upsilon\mu\tilde{\omega}$ ) и без ярости ( $\acute{\alpha}\lambda\epsilon\nu$   $\theta\upsilon\mu\tilde{\omega}$ ), которые имели разные цели<sup>1</sup>. При этом, с точки зрения языка, оказывается, что вокабуляр, использовавшийся в двух разных ситуациях, был одним и тем же. Другими словами, не было двух разных лексических пластов, предназначенных для обыденной ругани и литературных поношений.

А какова была ситуация в Византии? Согласно нашим привычным представлениям, положение дел, вероятнее всего, было совсем иным, поскольку дистанция между «ученой» письменной традицией и устной речью традиционно воспринимается как одна из основных особенностей византийской культуры. Тем не менее, последние исследования говорят о том, что литературный процесс и язык «ученой» литературы в средневизантийский период развивались гораздо более противоречиво, чем об этом принято думать.

Попытка отойти от жесткой дихотомии между классическим и «народным» греческим в литературных памятниках была представлена в сборнике статей, вышедшем под редакцией М. Хинтербергера.<sup>2</sup> Однако действительным прорывом в этой области следует считать серию работ П. Агапитоса, посвященных самым значительным авторам XII в., в число которых входит и Иоанн Цец.<sup>3</sup> П. Агапитос убедительно доказывает, что Цец сознательно и намеренно использовал просторечные, обиходные слова в своих произведениях. Такой художественно-стилистический прием выполнял несколько функций. В частности, употребление «народных» слов играло важную роль в инвективной практике Цеца. Находясь в условиях жесткой борьбы за внима-

---

<sup>1</sup> *Kloster S.* Die Invektive in der Griechischen und Romischen Literatur. Meisenheim am Glan, 1980. S. 7-11.

<sup>2</sup> *The Language of Byzantine Learned Literature / Ed. by M. Hinterberger.* [Studies in Byzantine History and Civilization, 9]. Turnhout, 2014.

<sup>3</sup> *Agapitos P.* John Tzetzes and the Blemish Examiners: a Byzantine Teacher on Schedography, Everyday Language and Writerly Disposition // *Medioevo Greco.* 2017. № 17. P. 1–57.



ние и благосклонность при дворе, Иоанн был вынужден и защищаться от нападков конкурентов, и сам наносить удары. Обращая к соперникам обиходные ругательства, он достигал дополнительной инвективной силы, поскольку и грубо оскорблял их, и одновременно пародировал их увлеченность «народным» языком, которым они, в отличие от Цеца, не умели правильно пользоваться и употребляли его там, где это недопустимо<sup>1</sup>.

Помимо привлечения элементов обиходного языка, Иоанн Цец применял инвективную стратегию, широко использовавшуюся Аристофаном, а именно, моральное уничтожения противника при помощи мощного комического эффекта, который достигается смешением стилей и языковых регистров. Схолии Иоанна к изданию его «Историй»<sup>2</sup> полны самых что ни на есть площадных ругательств в адрес писца, готовившего рукопись и допустившего некоторые ошибки. Заканчивая чтение манускрипта, Цец посвящает этому писцу целое инвективное стихотворение, завершающееся центоном из Гомера<sup>3</sup>, подобно тому, как это делает Аристофан в концовке комедии «Мир»<sup>4</sup>. Однако, что касается лексики вне центона, следует отметить, что использованные автором оскорбления отнюдь не были напрямую заимствованы из древней комедии. Часть их следует воспринимать, скорее, как перевод античных слов на современный Цецу язык, а часть, вероятно, относится к его собственным изобретениям. Таким образом, действительно можно говорить о применении стратегии Аристофана, но тактику Иоанн, несомненно, вырабатывал самостоятельно.

Наконец, один из самых удивительных примеров инвективной изобретательности Цеца содержится в его ямбическом стихотворении, посвященном воспитанию детей<sup>5</sup>. Как и в случае с язвительными выпадами, отмеченными Агапитосом в письмах и в «Историях», в этом стихотворении Цец снова ополчается на неких риториков и учителей, которые, по его мнению, ничего не понимают в своем искусстве и, сверх того, воруют у настоящих авторов их труды. Возмущаясь тем, что именно такие люди имеют успех при дворе и обеспечивают себе благополучную жизнь, Цец саркастически призывает родителей воспитывать своих детей в невежестве, праздности и распущенности. Обличая современное ему общество, автор сообщает, что соответствующее воспитание – залог успеха в жизни. Такой прием создает определенный комический эффект и, конечно же, служит восхвалению, т.е., в некотором смысле, рекламе, услуг самого Цеца, поскольку он имплицитно включен в

<sup>1</sup> Ibid. P. 56–57.

<sup>2</sup> Ioannis Tzetzae historiae / Ed. P.L.M. Leone. Napoli, 1968. P. 545–602.

<sup>3</sup> Ibid. P. 601–602.

<sup>4</sup> Arph. Pax, 1090–1093, 1097–1098.

<sup>5</sup> Leone P.L.M. Ioannis Tzetzae Iambi // Rivista di studi bizantini e neoellenici. 1969–1970. № 6–7. P. 134–144.

партию «неуспешных» учителей, которым свойственны высокие моральные качества и которые обладают настоящими глубокими знаниями.

Кроме того, для того, чтобы окончательно разгромить своих противников, он вырабатывает особую стратегию двойной инвективы. Перечисляя слова, которые в Античности были тесно связаны с жанром псогоса и воспринимались как оскорбления (*βάναιστος, χοῖρος, κῶν*), Цец заявляет, что в мире всех этих перечисленных персонажей действуют строгие законы логики и справедливости. Если ремесленник совершает оплошность и некачественно выполняет свою работу, его порицают и над ним насмеваются, но вот в мире словесных искусств все происходит ровно наоборот: на вершине успеха тот, кто невежествен, развратен и груб.

Таким образом, плохие поэты не просто сравниваются с целым рядом самых оскорбительных персонажей, но и оказываются значительно хуже их всех. Примечательно, что в данном произведении подавляющее большинство инвективных терминов все же относится к классическому языку, что заставляет задуматься о замысле автора, о той *οἰκονομία*, которой он руководствовался в данном случае. Вероятно, ритор стремился продемонстрировать разнообразие своих талантов, поскольку на этот раз он расправляется со своими оппонентами, не покидая пределов высокой словесности.

Мастерски владея приемами античной инвективной традиции, Иоанн Цец далеко не всегда следует всем ее правилам, находя свои собственные, глубоко индивидуальные средства художественного выражения. Использование всех регистров языка, употребление просторечных слов, изобретение новых оскорбительных терминов, свободная игра с традицией – отличительные черты инвективы в творчестве Цеца, которые позволяют нам развить наши представления об эволюции византийской литературы в целом.

### *И. П. Медведев*

*Санкт-Петербургский институт истории РАН (Санкт-Петербург)*

#### **Об одном неизвестном эпизоде из истории византиноведческих связей Петербургской Академии наук и Афинского университета (середина XIX столетия)**

В свое время нам уже приходилось касаться темы тесного научного взаимодействия русских и греческих, а именно – питерских и афинских ученых византинистов, особенно в конце XIX – начале XX вв., когда эти взаимоотношения достигли пика в своем развитии. Тем не менее, попытки установить научные связи между Петербургской Академией наук и Афинским университетом делались, как оказывается, и раньше (в частности, в середине XIX в.), об одной из которых нам и предстоит рассказать.



Речь идет о возникшей в это время научной переписке между двумя знаковыми в истории византиноведения личностями – одним из основателей петербургской школы византиноведения, немцем по происхождению, академиком Петербургской Академии наук Аристом Аристовичем Куником (1814–1899) и ректором Афинского университета, знаменитым греческим ученым Константином Папарригопулосом (род. в Константинополе в 1815 г., ум. в 1891 г.), прославившимся (правда, несколько позднее) своим капитальным многотомным трудом «История греческого народа», основой которого была впервые высказанная созидательная концепция «исторической непрерывности греческого этноса», начиная с Античности, включая период Византийской империи, и заканчивая новейшей историей Эллады.

Инициатором переписки стал академик А.А. Куник, который в письме от 19 января 1854 г. извещает, что он «издавна лелеял мечту о том, что наконец-то однажды прочные научные связи между Императорской Академией наук и Афинами выйдут на высокий уровень», и прежде всего в области византиноведения, так как он «с приходом в Академию буквально бьется об заклад, чтобы византийские исследования оказались в будущем у нас востребованными, причем всерьез и надолго». Что касается Константина Папарригопулоса, то он разразился большим и содержательным письмом о состоянии византиноведения в возродившейся Элладе. Ради публикации этого письма мы, собственно говоря, затронули данную тему. Считаю необходимым издать его как в греческом оригинале, так в нашем переводе на русский язык.

***Е. И. Мирошниченко***

*Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург)*

### **Социальные связи Синесия Киренского: трансформация института куриалов в конце IV – начале V вв. и епископская власть**

В IV–V вв. традиционная курия претерпевает существенные изменения, связанные как с разрастающимся бюрократическим аппаратом местного самоуправления, так и с тягостными повинностями, которые на фоне ослабления центральной власти становились все более убыточными. В такой ситуации некоторые функции куриалов берут на себя местные христианские епископы. При этом сам механизм перераспределения власти вызывает много вопросов. Например, какую роль в этом процессе играли сами куриалы, а какую епископы? Как на это реагировала центральная власть? Участвовали ли в этом процессе горожане? Чтобы ответить на эти вопросы, обратимся к фигуре ранневизантийского писателя и политического деятеля Синесия Киренского, который, будучи куриалом, был избран в качестве епископа города Птолемаиды.

Пример Синесия демонстрирует нам, как именно происходило перераспределение власти, кто были участники данного процесса и какую роль они в нем играли. Собрание писем Синесия, дошедшее до нас (156 писем), демонстрирует его социальные связи, анализ которых помогает понять причины тех изменений, которые происходили с институтом куриалов в конце IV – начале V вв. в такой провинции, как Ливия.

Как следует из 41 и 105 писем, ок. 411 г. жители города Птолемаиды избирают Синесия своим епископом. Официальная церковная власть в лице архиепископа Александрийского Феофила принимает это избрание и посвящает Синесия в епископа в следующем, 412 г. Отсюда следует, что народ в провинции Ливия имел голос в избрании епископа для своего города. Примеры значения горожан в избрании епископа мы находим и в письмах самого Синесия (например, в письме 66 Синесий говорит о жителях Палебиски, которые самовольно избрали себе епископа и просят Феофила утвердить их выбор). Таким образом, епископ выступает более демократичным элементом системы ранневизантийского города, чем куриал, избрание которого находилось в руках самой аристократии. Епископ заменял светскую власть, которая все меньше общего имела с городской демократией, и таким образом выступал защитником обычных горожан (яркий пример такого демократизма в самом Константинополе мы находим в деятельности Иоанна Златоуста, которого, по всей видимости, упоминает Синесий в письме 67).

С другой стороны, следует прояснить мотивы, которыми руководствовались жители Птолемаиды. При этом сведения о том, был ли Синесий христианином, весьма смутные. Так, например, мы ничего не знаем, о том, был ли он крещен (гипотеза о крещении Синесия во время его пребывания в Константинополе в 399–402 гг. целиком основана на косвенном упоминании им посещения храмов в гимне 1 – упоминания, из которого не ясно даже, о каких храмах идет речь). О том, насколько христианскими были взгляды Синесия, можно судить по его знаменитому 105 письму, в котором он приводит три аргумента против принятия епископства (о вечности мира, рождении души и воскресении). Суть этих аргументов сводится к тому, что Синесий скептически относился к некоторым положениям христианского вероучения и отказывался буквально понимать основной догмат – воскресение Христа. Сложно предположить, что птолемаидцы были так мало осведомлены о своем избраннике, что не учли его религиозные взгляды.

Почему же они, несмотря на то, что христианство Синесия было под вопросом, не колебались избрать его в епископы? Ответ может быть только один, как заметил У.Н. Бэйлесс: потому что «народ смотрел на епископство не



столько как на религиозное дело, сколько как на политическое»<sup>1</sup>. Государство не могло обеспечить охрану своих провинций, и народ обратился за помощью к церковным деятелям. Синесий подходил на роль защитника-епископа, поскольку зарекомендовал себя неоднократно: в качестве посла в Константинополь от своего родного города Кирены, а также в качестве защитника Пентаполя от нашествия берберов.

Взгляды самого Синесия, однако, отличаются от взглядов народа, который его избрал. Он был меньше всего политиком, и вряд ли мы можем согласиться с концепцией Дж. Капуто, согласно которой Синесий продвигал интересы имперской идеологии Константинополя больше, чем родной провинции<sup>2</sup>. Капуто совершенно не учитывает «полисность» мировоззрения Синесия, который действует исключительно в интересах собственного города, собственной провинции. Об этом свидетельствует и его переписка, где все рекомендательные письма направлены на продвижение своих родственников и земляков. Анастасия, который забывает о своих земляках в угоду имперской власти, он упрекает в пренебрежении дружбой (письмо 48). Синесий рассматривает свое служение Птолемаиде как духовное служение. Так, например, его борьба с Андроником вызвана не столько агрессией последнего по отношению к куриалам, сколько нарушением церковного права убежища. Таким образом, сам Синесий стремился действовать скорее как епископ, чем как куриал. Однако народ и, вероятно, его церковное начальство смотрело на ситуацию иначе. Народу нужен был сильный политик, который способен защищать город от внешних и внутренних врагов в ситуации, когда центральная власть такой защиты обеспечить уже не может. Феофил Александрийский посвящает Синесия в епископы (несмотря на сомнения последнего в некоторых христианских догмах), по всей видимости, учитывая пожелания народа, но также, вероятно, и из собственных политических соображений, касающихся усиления власти александрийских архиепископов.

В итоге мы можем говорить о том, что процессу трансформации института куриалов содействовало усиление епископской власти на местах, которое, в свою очередь, было вызвано тремя факторами: активностью горожан в деле избрания епископа, ослаблением центральной власти и церковной политикой александрийского архиепископа.

---

<sup>1</sup> Bayless W.N. Synesius of Cyrene: A Study of the Role of the Bishop in Temporal Affairs // *Byzantine Studies: Etudes Byzantines*. 1977. Vol. 4. P. 152.

<sup>2</sup> Caputo G. Sinesio di Cirene tra Costantinopoli e i Libii // *Quaderni di Archeologia della Libia*. 1987. Vol. 12. P. 526.

**А. Д. Назаров**

*Уральский федеральный университет (Екатеринбург)*

### **Германские наемники в византийско-иранской войне 572–591 гг.**

На начальном этапе войны между Византией и Персией в 572–591 гг. императорская армия потерпела ряд поражений. В 573 г. византийское войско не сумело взять Нисибис. Более того, персы в том же году захватили Дару, опорный пункт империи в Месопотамии, а также Апамею и ряд других сирийских городов. Одной из причин таких неудач был серьезный дефицит военных сил, с которым столкнулась империя. Как следствие, в 574–575 гг. кесарь Тиверий Константин, готовясь к контрнаступлению, организовал масштабный набор в византийскую армию. Одним из источников пополнения вооруженных сил стали чужеземные наемники.

По словам Евагрия, в состав экспедиционной армии вошли воины из народов, обитавших по обе стороны Альпийских гор, за Дунаем, в Паннонии (Evagr. V.14. Cf.: Ioann. Epiph. fr. 5; Theoph. Sim. III.12; Theoph. AM 6072; Zonar. XIV.11). Кроме того, по утверждению Иоанна Эфесского, в 575 г. в армии военного магистра Востока Юстиниана было 60 тыс. Лангобардов (Evagr. VI.13). Правдоподобность таких цифр сомнительна, даже если предположить, что сирийский историк не видел никакого различия между лангобардами и прочими германцами. С учетом финансовых, мобилизационных и логистических возможностей, которыми располагала Византия, набор и перемещение такого количества бойцов из Фракии на границу с державой Сасанидов были невозможны.

Однако сам факт наличия множества лангобардских наемников в императорской армии во второй половине 70-х гг. VI в. сомнению не подлежит. Во многом их появление было связано с ослаблением королевства лангобардов из-за внутренних смут после гибели короля Клефа. Усобицы, сотрясавшие это политическое объединение в период «правления герцогов» (574–584), позволили империи переманить на свою сторону некоторых варварских вождей. В частности, в ряды вооруженных сил империи вступил Ариульф. Известно, что в 582 г. он командовал левым флангом византийской армии в битве с персами при Нимфии в ранге ипостратига (Theoph. Sim. I. 9)<sup>1</sup>.

Вместе с тем в Музее земли Баден (г. Карлсруэ) хранятся серебряные предметы, найденные в долине Бекаа (Ливан), предположительно, в 1983 г. На них выгравированы имена Фрамариха (Φράμαριχ) и Карила (Καρίλος). Б. Фурлас полагает, что эти лица являлись франками, которые были завербованы в византийскую армию в 70-х гг. VI в. и приняли участие в войне с Ира-

---

<sup>1</sup> См.: The Prosopography of the Later Roman Empire. Vol. 3 / Ed. by J.R. Martindale. Cambridge, 1992. P. 120.



ном<sup>1</sup>. Такой вывод во многом основывается на сообщении Евагрия об инициированном Тиверием привлечении наемников из сопредельных с Византией политических образований. Возможно, среди них были не только лангобарды и франки, но также саксы, бургунды, испанские вестготы. По предположению Дж. Холдона, из этих бойцов был сформирован корпус оптиматов (*optimates*, ὀπτιμάτοι), упомянутый в «Стратегиконе» Маврикия<sup>2</sup>. Нужно отметить, что после этих мероприятий Тиверия императорская армия перешла в контрнаступление, вытеснила персов из Каппадокии и перенесла боевые действия на территорию державы Сасанидов.

В последнее десятилетие VI в. приток германцев в вооруженные силы империи значительно сократился. Во многом это было связано с удачной политикой короля Агилульфа (590–615/616), содействовавшей сплочению лангобардского общества<sup>3</sup>. Более того, из-за возросшего могущества Аварского каганата империя не могла в полной мере рассчитывать на военную помощь племен, обитавших в Подунавье. Вполне вероятно, что варвары служили в войске Равеннского экзархата, однако перемещения наемных контингентов с Апеннинского полуострова на Балканы или на Восток в VII в. либо вовсе не практиковались, либо были очень редкими<sup>4</sup>. При Маврикии империя к тому же испытывала значительные финансовые затруднения, которые усугубились при Фоке (602–610). Эти трудности также сказались на возможности привлечения воинов-иноземцев<sup>5</sup>.

При подведении итогов нужно отметить, что на протяжении IV–VI вв. при нехватке воинов в вооруженных силах византийские власти практиковали масштабное привлечение наемников. Таким же образом действовал и кесарь Тиверий Константин, столкнувшись с неспособностью мобильных армий вести успешные действия против иранских войск. Однако в конце VI – начале VII в. империя практически лишилась возможности вербовать германцев, что следует связать со сплочением подунавских и италийских варваров под властью аварских каганов и лангобардских королей соответственно.

---

<sup>1</sup> *Fourlas B.* Early Byzantine Church Silver Offered for the Eternal Rest of Framarich and Karilos: Evidence of 'the Army of Heroic Men' Raised by Tiberius II Constantine? // *East and West in the Early Middle Ages: The Merovingian Kingdoms in Mediterranean Perspective* / Ed. by S. Esders, Y. Fox, Y. Hen, L. Sarti. Cambridge, 2019. P. 87–101.

<sup>2</sup> *Haldon J. F.* Administrative Continuities and Structural Transformations in East Roman Military Organization ca. 580–640 // *L'armée romaine et les Barbares du III<sup>e</sup> au VII<sup>e</sup> siècle* / Ed. par F. Vallet, M. Kazanski. Rouen, 1993. P. 48.

<sup>3</sup> *Pohl W.* The Empire and the Lombards: Treaties and Negotiations in the Sixth Century // *Kingdoms of the Empire: The Integration of Barbarians in Late Antiquity* / Ed. by W. Pohl. Leiden, 1997. P. 112.

<sup>4</sup> См.: *Brown T. S.* Gentlemen and Officers: Imperial Administration and Aristocratic Power in Byzantine Italy A.D. 554–800. Rome, 1984. P. 52–53.

<sup>5</sup> *Kaegi W. E.* Heraclius. Emperor of Byzantium. Cambridge, 2003. P. 98.

Ослабление военной мощи Византии и ее финансовых возможностей делало для варваров непривлекательной службу в императорской армии.

**К. В. Норкин**

*Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова  
(Москва)*

### **Позиция Анастасия Синаита по отношению к монофиситам**

История монофиситской полемики началась сразу после окончания IV Вселенского собора, проведенного в 451 г. в Халкидоне. На этом соборе было подписано вероопределение, составленное на основании «Томоса к Флавиану» папы Римского Льва Великого. Этот текст сторонники богословия Кирилла Александрийского небезосновательно считали несториянским – папа совершенно не знал терминологии Востока и, по-видимому, мало интересовался богословской стороной вопроса. Вместо термина «ипостась» он везде употребляет «персона, лицо», а для обозначения природ прибегает к термину «φορμα», который в греческой традиции (μορφή) соответствовал термину «πρόσωπον», в чем восточные епископы видели прямое несториянство.

Этот текст является ключевым для истории монофиситских споров – именно на противоречии богословия папы Льва и архиепископа Александрийского Кирилла, олицетворявших противоположные точки зрения, будет строиться вся полемика между сторонниками Халкидонского собора и его противниками.

Дальнейшая история показывает, что борьба велась скорее на политическом уровне, чем на богословском: разные императоры то поддерживали халкидонитов, то их противников. Формулирование какого-то значимого богословия началось только в трудах Севира Антиохийского<sup>1</sup>. Впрочем, при императоре Юстиниане были примеры удачных попыток нахождения компромисса между двумя традициями богословия, компромисса, к которому стремились сторонники обеих партий, обсуждая наиболее острые вопросы и ставя на второй план второстепенные<sup>2</sup>. Единство, в общем-то, и было достигнуто, но крайние течения монофиситов не пожелали к нему присоединиться и постепенно стали маргинальными, распавшись на множество групп.

Во время написания Анастасием Синаитом трактата «Путеводитель» (последняя четверть VII в.) маргинальные течения монофиситов вышли из тени и заняли место в иерархии. Poleмика с ними и поиск какого-либо ком-

---

<sup>1</sup> См.: Давыденков О. В. Христологическая система умеренного монофизитства и ее место в истории византийской богословской мысли. Диссертация на соискание ученой степени доктора теологии. М., 2018.

<sup>2</sup> См.: Грацианский М. В. Император Юстиниан Великий и наследие Халкидонского собора. М., 2016.



промисса был затруднен, как показала предшествовавшая этому история: они занимали крайние позиции и требовали только безоговорочного отказа от Халкидона и его анафематствования. Именно такие противники были перед Анастасием Синаитом. «Путеводитель» появляется в самом конце истории монофиситской полемики, когда уже была проведена вся богословская работа, поэтому его задача состояла в том, чтобы суммировать этот опыт, осмыслить его в актуальной (для автора) ситуации.

Анастасий рассматривает историю появления самой ереси монофиситов, которая в трактате начинается с Евтиха, изучившего книги манихеев, валентиниан, маркионитов и ариан, и оттуда взявшего учение о единой природе Христа. Впоследствии это учение от Евтиха принял патриарх Александрийский Диоскор.

Описание IV Вселенского собора расширено его предысторией: в Константинополе появился некий архимандрит Евтих, против которого архиепископ Константинополя Флавиан собрал поместный собор, осудивший лично Евтихия и формулу «тело Христа сошло с неба и не единосущно нашему», определив, что «тело Христа единосущно нашему». Подчеркивается особая активная роль императора, которого Евтих склонил на свою сторону с помощью подношений: он деятельно участвует в организации нового собора 449 г. в Эфесе.

В описании самого IV Вселенского собора Диоскор и Евтих называются ересиархами, а суть их ереси в формуле «Христос – одна природа». После приведения православной формулы собора отмечается, что было подтверждено низложение Нестория Эфесским собором и прославление Кирилла Александрийского со словами «Кириллу – вечная память». В описании IV Вселенского собора также нет какого-то отдельного яркого представителя православной партии, Евтиху никто не противопоставляется лично.

Затем в трактате описывается деятельность Севира, изгнанного из Антиохии «за лукавые учения против Халкидона» (VI.1.25) и пришедшего в Александрию, «гнездо змей – врагов кафолической Церкви» (VI.1.26).

Автор «Путеводителя» схематично описывает V Вселенский собор, главным вопросом которого, по Анастасию, является осуждение Оригена, Дидима и Евагрия за учение о всеобщем апокатастасисе (вопрос, к общей тематике произведения никак не относящийся), а также вскользь упоминает учение Севира Антиохийского о том, что наши души создаются раньше тел. Такая постановка вопроса кажется тем более странной, имея в виду, что Севир является одним из ключевых именно монофиситских богословов, а сам собор касался в первую очередь монофиситской проблематики, о чем Анастасий не сообщает вообще ничего.

Томос папы Льва, очевидно, не является авторитетным догматическим документом для автора «Путеводителя» (он лишь несколько раз упоминается

в тексте, но на его основе не строится аргументация). Деятельность Севира Антиохийского видится автору в тесной связи с иудеями Александрии: это постоянно подчеркивается (такая тенденция, по мнению Анастасия, началась при Нестории).

В трактате совершенно не раскрыта богословская деятельность Юстиниана, имевшая, как мы видели, ключевое значение в монофиситской полемике. Даже V Вселенский собор оценивается как имевший направленность против Оригена, а не как часть богословской работы, обращенной к антихалкидонитам. В связи с этим перед нами предстает картина борьбы Севира (самый часто упоминаемый герой трактата) с православной партией, не имеющей своего реального лидера, но обобщенной в образах Вселенского собора, Церкви, «хора святых отцов» древности и т. д. Нет никаких упоминаний и о попытках поиска компромисса с монофиситской партией во время правления Юстиниана. Напротив, трактат имеет очень агрессивный настрой. Все это дает нам картину исторической памяти ключевых событий монофиситской полемики, какими они виделись последовательным монофиситам в конце VII в.

***И. С. Охлупина***

*Уральский федеральный университет (Екатеринбург)*

**Демонические черты образов иконоборцев в житиях  
византийских святых IX в.**

Демонические атаки на святых и экзорцизм были излюбленным сюжетом византийской агиографии. Святые в житиях нередко вступали в контакт с различными проявлениями потусторонней реальности, подвергались физическому воздействию демонов и активно боролись с самыми различными проявлениями демонической активности. Борьба святого с дьяволом воспринималась как проявление извечного космического противостояния, конец которому положит явление Иисуса.

Однако взаимодействие с миром «нечистой силы» в житиях не исчерпывалось традиционными топосами борения святого с бесами и случаями исцеления одержимых. Поскольку еще в эпоху раннего христианства существовало представление о Сатане как о вдохновителе всех дурных поступков и помыслов людей, появилась идея о том, что дьявол может наполнить своей злобой смертного человека и привести его к власти. В этой связи традиционная борьба святого с силами зла, демонами и бесами, могла обрести новые смыслы в житиях при описании противостояния святого поборника икон императору-иконоборцу.



В нашем докладе, опираясь на тексты византийских святых IX в. Никиты Мидийского<sup>1</sup> и преподобного Иоанникия Великого (житие Саввы монаха)<sup>2</sup>, мы проанализируем демонические черты образов императоров-иконоборцев и их сподвижников. Описания «проявлений демонического» в действиях иконоборцев могли отражать представления византийской интеллектуальной элиты о свойствах «злых духов» и природе их действий. С другой стороны, все дьявольское, демоническое было одной из универсальных для христианской ойкумены категорий «Другого». Поэтому описания политических противников в подобном ключе отражали не исторические реалии, а скорее страхи и предубеждения авторов житий, связанные в том числе и с особенностями их самоидентификации.

Поскольку авторы житий святых в духе иконопочитательской традиции пытались переложить всю вину за ересь на императоров-иконоборцев, описание «дурной природы» императоров и их советников было одним из приемов для характеристики и объяснения их «богопротивной» религиозной политики.

Для характеристики императоров-иконоборцев и их сподвижников агиографы использовали цитаты из Священного писания, поскольку средневековая традиция требовала ссылаться на авторитеты. К тому же авторы приписывали своим оппонентам определенный набор качеств, связанный в обыденном сознании с проявлениями демонического. Это было связано с особенностями средневекового мировосприятия, в котором окружающий мир был заражен злом и являлся ареной действия сверхъестественных существ. Примечательно, что византийские авторы, независимо от их взглядов, как иконоборцы, так и иконопочитатели, обвиняли своих противников в сотрудничестве с силами зла. Иконоборцы обвиняли иконопочитателей в поклонении демонам, усматривая сходство между культом Богородицы и поклонением Артемиде – матери демонов. Обвинения в сотрудничестве с дьяволом в отношении иконоборцев прозвучали в актах церковного собора 787 г.

Для характеристики демонических черт своих противников авторы широко использовали эпитеты с пейоративным оттенком, образованные методом инверсии христианских ценностей: «злой», «приверженец зловерия», «христоразоритель», «негоднейший», «некроткий зверь», «злочестие», «немиловостивый», а также приписывали традиционные качества «злых духов», такие как коварство, злобность, зловоние, стремление ко всяческому злу. При описании деятельности императора Константина V Копронима, кроме цитирования излюбленного противниками императора сюжета о «конфузе» импера-

<sup>1</sup> Vita S. Nicetae confessoris // Acta Sanctorum. Aprilis. T. 1 [Appendix]. P. XVIII–XXVII.

<sup>2</sup> Saba monacho Vita Ioannicii / Ed. Van den Gheyn // Acta Sanctorum. Novembris. 1894. T. II.1. P. 332–383.

тора во младенческом возрасте, автор жития называет его «зловоннейшим», утверждая, что он «радовался зловонию нечистоты, что мазался испражнениями животных и велел делать то же своим приближенным»<sup>1</sup>. Такое описание императора не только сближает его со злыми духами, которые традиционно в византийской агиографии характеризовались через зловоние, в противоположность «аромату святости», исходившему от святых подвижников. Поведение императора могло трактоваться византийскими читателями и как проявление «помрачения рассудка», связанного с «одержимостью бесами».

Иконоборчество представляется авторами как опасная доктрина, ересь, изобретенная «врагом мира», дьяволом на погибель человечества. Иконоборцам приписываются такие качества, как склонность к прелюбодеянию и прочим предосудительным с христианской точки зрения поступкам.

Потрясения эпохи иконоборчества, связанные с расколом византийской церкви и гонениями эпохи иконоборчества, вероятно, обострили эсхатологические ожидания византийского общества. Образ посланца Сатаны, Антихриста в эпоху иконоборчества стал излюбленным средством внутрицерковной борьбы. В житии святого Иоанникия император Лев V (813–820), описывается как «антихрист», «предшественник и предтеча грядущего Антихриста»<sup>2</sup>.

Сфера действия дьявольских сил в представлениях византийских авторов устойчиво соединялась с мотивами мрака, тьмы и нечистоты. Обращение к дихотомии света и тьмы при характеристике иконопочитателей и их противников, позволяло агиографам дискредитировать образы иконоборцев, с одной стороны, и идеализировать образы иконопочитателей – с другой. Критикуя деятельность иконоборцев, авторы житий используют метафоры, которые перекликаются с образами зооморфных демонов и демонических существ, традиционных для византийской агиографии.

Собирательный образ иконоборца в житиях выступает как персонификация зла и демонических сил и представлен набором инвертированных нормативов и табу, характерных для христианского самосознания. Демонизация противников иконоборчества позволяла авторам житий исключить самую возможность обвинений их самих в идолопоклонстве и служении демонам.

<sup>1</sup> Vita S. Nicetae. P. XXIV.

<sup>2</sup> Vita Ioannicii. P. 348B.



**Н. Г. Пашкин**

*Уральский федеральный университет (Екатеринбург)*

**Византия в международных аспектах истории  
периода Констанцкого собора (1414–1418)**

История турецко-византийских отношений XV в. являлась частью широкого международного контекста, в котором они могли балансировать между столкновением и взаимовыгодным миром. Для Византии это означало, что одним из способов сдерживания турок мог быть альянс с ними. Он позволял укрепить ее роль как субъекта в международной политике и ослабить тенденции, ведущие к уничтожению ее как государства.

Многое говорит о том, что стратегия византийской дипломатии в этом направлении начала складываться с 1402 г. после битвы при Анкаре. Галлиполийский договор, подписанный по ее следам в 1403 г., связал между собой Византию и османского султана Сулеймана (1403–1411), чем уравновесил интересы таких сильных конкурентов как Венеция и Генуя. Однако система выстроенных отношений была разрушена в ходе борьбы в Османском государстве между наследниками Баязида I (1389–1402), длившейся с 1409 по 1413 гг. В свою очередь эта борьба протекала синхронно с международным конфликтом между Венецией и венгерским королем Сигизмундом Люксембургом (1387–1437) и по многим признакам была производной от него.

Но на попытки Сигизмунда расширить состав участников конфликта Византия не откликнулась. Он развязывал руки турецкой агрессии, которую европейские государства пытались использовать друг против друга. Вместо этого реакцией византийского императора стала политика умиротворения сторон. Она проявилась, когда на османский престол при поддержке Византии взошел Мехмед I (1413–1421), а Венеция и Сигизмунд незадолго до того заключили перемирие. В конце 1413 г. император Мануил II (1391–1425) впервые предложил Венеции посредничество в заключении мира с венгерским королем. Выполнить посредническую миссию ему позволяло именно то, что только у него были союзные отношения с новым турецким правителем.

Обратим внимание, что инициатива императора совпала с ситуацией на Западе. Как раз в это же время состоялась политическая конференция в Лоди (декабрь 1413 г.), где были собраны представители Венеции, Милана, Генуи, папы и короля Сигизмунда. Предпринятая здесь попытка решить вопрос о мире Венецианской республики с Венгрией успехом не увенчалась. Теперь в роли посредника должен был выступить папа. По этой причине Венеция отказала Византии в ее инициативе. Поскольку же латинский Запад в тот момент переживал схизму (1378–1417), то завершить ее официально предстояло церковному собору. Местом созыва был назначен город Констанц на юге

Германии. Это давало немалые козыри королю Сигизмунду, т. к. он был в тот момент германским королем (с 1410 г.) и, следовательно, фактическим императором Запада и возглавляющим этот собор светским лидером. Констанцкий собор (1414–1418) становился для него частью большой дипломатической борьбы за создание коалиции против Венеции. Летом 1414 г. с просьбой оправить туда посольство Сигизмунд обратился и к византийскому императору. В его послании содержался также призыв к совместным операциям против турок.

Антиосманские планы Сигизмунда нельзя рассматривать в отрыве от его конфликта с Венецией, так как последняя, напротив, пыталась оформить договор с очередным турецким правителем с момента его утверждения на троне. Но для Византии это был весьма нежелательный сценарий, грозивший развязать новую фазу противостояния европейских государств. Пока главные участники конфликта удерживались от прямого столкновения перемирием и дипломатической ареной Констанцкого собора, они могли вести борьбу за свои интересы с помощью других игроков. Венеция явно делала ставку на сраживание Сигизмунда и его союзников с турками. В свою очередь дипломатия Сигизмунда искала контакты с восточными бейликами, стремясь координировать их действия против султана Мехмеда I. Не могло быть случайным и одновременное появление с этого фронта фигуры по имени Мустафа, выдаваемой за брата последнего с претензиями на его трон. Переправленный в Европу из Трапезунда, он был принят валашским господарем Мирчей I (1386–1418). Угрозу венецианским силам в Далмации и Албании представляли также союзники венгерского короля в Боснии. Наконец, с Запада серьезной угрозой для Венеции мог стать потенциальный союзник Сигизмунда арагонский король Фердинанд I (1412–1416). По имеющимся у византийского императора в ноябре 1414 г. сведениям, можно было ожидать прибытие его кораблей к берегам Мореи. Даже вероятность такой экспедиции должна была всерьез обеспокоить Венецию.

Таким образом, Балканы готовились стать местом потенциального столкновения. Участие в нем турок могло разрушить такой ценой доставшийся Византии мир с ними. И так как Констанцкий собор должен был отвлечь на себя внимание короля Сигизмунда, то именно после его открытия (ноябрь 1414 г.) вероятность роста военной напряженности увеличивалась. Можно предположить, что это и заставило византийского императора предпринять ряд шагов. В 1414 г., когда Венеция отклонила его посредническое предложение об умиротворении конфликта с Сигизмундом, император Мануил II отправился в Фессалонику, а оттуда в начале 1415 г. – в Морею, инициировав одновременно возведение укреплений Гексамиліона на Истме. В это же время через Константинополь в Венецию был пропущен посланник Мустафы. Византия, официально не признававшая Мустафу, явно стремилась сблизить



Венецию с ним и тем самым не допустить договора морской республики с Мехмедом I. Это могло спровоцировать его конфликт с Венгрией. Однако Венеция в отношении с Мустафой не вступила, и дальнейшие события косвенно подтвердили ее политическую стратегию в борьбе со своим главным врагом, которой Византия пыталась помешать. Летом 1415 г. турки ворвались в Боснию и нанесли сильнейшее поражение венгерским союзникам в этом регионе, а затем и самим венграм. Король Сигизмунд и его представители на Констанцском соборе обвинили Венецию в тайном союзе с турками. Намек на это был и в послании венецианцам византийского императора.

В начале 1416 г. византийский посол, следовавший на Констанцкий собор, вновь предложил Венеции закончить конфликт с венгерским королем. Хотя республика дала принципиальное согласие, она продолжала искать одностороннего соглашения с султаном. Поэтому не исключено, что последовавшее затем выступление Византии на стороне Мустафы явилось попыткой надавить уже на самого Мехмеда I, чтобы удержать его от договора с венецианцами. При этом Византия четко давала понять, что не собирается нарушать мир с турецким правителем: отсюда и данные ею впоследствии гарантии, что Мустафа до конца его правления будет оставаться в полной изоляции под контролем византийцев. Византийская дипломатия не смогла, однако, закрепить этот успех. По окончании Констанцкого собора война Венеции с венгерским королем возобновилась, а без его прекращения попытки Византии обезопасить себя своеобразным балансом сил, включая в него силу Османского государства, были обречены на провал.

***В. В. Петрунин***

*Орловский государственный университет имени И.С. Тургенева (Орел)*

**Советский тип политической секуляризации и концепция  
«византизации» Д. Б. Зильбермана**

В русской мысли одной из актуальных тем продолжает оставаться русско-византийский культурный диалог. В дореволюционный период, в рамках концепции византизма К. Н. Леонтьева, культурный архетип Византии рассматривался как системообразующее начало русской культуры, основа самостоятельного цивилизационного бытия России. Определяющим фактором византийского влияния называлось православное христианство, что определяло исключительно религиозный акцент византизма.

Вместе с тем, построение секулярного государства в XX в. не сняло проблему византизма с интеллектуальной повестки русской мысли. Хорошо известен тезис Н. А. Бердяева о религиозных истоках русского коммунизма. В советской мысли одним из ярких примеров актуализации византийского наследия в СССР становятся труды Давида Зильбермана, эмигрировавшего в

США в 1973 г. Беря за основу методологию Макса Вебера, показавшего влияние религии на социальную и политическую жизнь народов и государств, Зильберман публикует в эмиграции свою знаменитую работу «Православная этика и материя коммунизма», в которой представлена оригинальная концепция византийского влияния на русский/советский тип цивилизации.

Несмотря на агрессивное вытеснение религии в рамках советского типа политической секуляризации, СССР стал, по мнению Зильбермана, своеобразным повторением Византии посредством «византизации» (Byzantization) советского культурного типа. Рассматривая исихазм в качестве основания православного типа религиозности, философ указывает на сходство исихазма с марксизмом. Православный мистицизм становится плодотворной почвой для формирования особой политической системы, которая нашла свое завершение в советском типе государственности.

Концепция «византизации» Зильбермана представляет интерес и для современного осмысления нового этапа российской государственности. Особый культурный тип, сформированный восточным христианством и показавший свою устойчивость, как в религиозном, так и в секулярном обществе переживает новую трансформацию, в основе которой продолжает лежать византийско-русская традиция православной этики.

***Е. К. Пиотровская***

*Санкт-Петербургский институт истории РАН (Санкт-Петербург)*

**Значение сборника № 245 из коллекции Археографической комиссии в Архиве Санкт-Петербургского Института истории РАН в научном наследии митрополита Евгения Болховитинова**

В обширной коллекции письменных памятников, хранящихся в Архиве Санкт-Петербургского Института истории РАН, до нашего времени дошли многие уникальные сборники историко-культурного всемирного наследия. Их состав привлекает исследователей уже на протяжении многих десятилетий. Следует отметить, что рукописей древнейшей поры славяно-русской письменности XI–XIII вв. в коллекции не представлено. Как известно, значительную часть сохранившегося письменного наследия этого периода составляют кодексы богослужебного круга. Тем больший научный интерес вызывают сборники XV–XVI и XVII вв., в которых многообразие древнеславянской и древнерусской письменности, переводной и оригинальной, представлено более широко. Эти рукописи сохраняют в своих списках полные тексты сочинений или их фрагментов, которые переписывались книжниками с более



ранних или переработанных позднее рукописей, сохраняя именно черты оригиналов.

Одним из таких уникальных кодексов и является рукопись под № 245 из коллекции Археографической комиссии. Этот сборник неоднократно находился в центре внимания исследователей славяно-русской письменной традиции на протяжении предшествующих двух столетий. Его описание и время создания было предложено Н. Н. Сидоровым в начале XX в. Состав сборника поражает многообразием жанров представленных сочинений. Как правило, это сочинения оригинальных и переводных памятников славяно-русской письменной традиции. Отдельные кодикологические приметы могут свидетельствовать о том, что это сборник-конвюлют. Можно предположить, что и рукопись смешанного содержания. В состав кодекса вошли летописные статьи, выписки хронографического характера, естественнонаучные сочинения, апокрифы, хронологические статьи и статьи, связанные с историей пасхальных расчетов, циклов земных обновлений и т.п. сведений.

Историографическая традиция изучения текстов отдельных памятников, сохранившихся в рукописи благодаря усердию древнерусских книжников в познании окружающего их мира и предшествующих ему тысячелетних и вековых событий, очень представительна и многообразна. По-видимому, митрополит Евгений Болховитинов стоял у истоков ее изучения, опубликовав в начале XIX в. «Учение о числах» Кирика, жившего в первой половине XII в., дьякона и domestика Антониева монастыря в Новгороде.

Дальнейшая историографическая традиция изучения рукописи связана, в первую очередь, с трудами Кирика и их значением для богатейшего историко-культурного наследия Древней Руси (не только математических сочинений, календарно-хронологических, церковно-правовых, хронографических, летописных, но и их связей с монастырской и книжной культурой Византии и Западной Европы). Назовем лишь некоторые имена: В. Н. Бенешевич, Е. Е. Голубинский, А. С. Павлов, Н. В. Степанов, П. В. Хавский, В. М. Ундольский, Д. С. Лихачев, А. А. Гиппиус, П. В. Кузенков, В. В. Мильков, М. Ф. Мурьянов, В. О. Парфененков, Н. В. Понырков, Е. К. Райк, Т. И. Райнов, А. А. Романова, Р. А. Симонов, С. Франклин, Фр. Томсон, Я. Н. Щапов и многие другие.

Во вторую очередь, в историографическую традицию вошли исследования и публикации других сочинений, представленных в рукописи, например, т. наз. малых хроник, восходящих к византийским текстам, которые принято обозначать как «счет лет» от одного значимого события до другого в разные хронологические периоды царствований и правлений от Сотворения Мира (от Адама). К этой историографии сочинений рассматриваемого кодекса можно присоединить исследования и публикации, подготовленные по текстам «Христианской Топографии Козьмы Индикоплова», апокрифического

сочинения «Повесть Афродитиана Персянина». В этом ряду можно отметить А. Г. Боброва и автора предложенного сообщения.

Итак, как можно судить, этот сборник из коллекции Археографической комиссии, как мы доказали еще в 80-е гг. XX в., исходя из кодикологических примет и опубликованного ранее описания, находился в собрании Новгородского Софийского Дома (напомним, что в 1804–1808 г. митрополит Евгений являлся викарным епископом Новгородским, а в Петербурге был связан с кружком графа Н. П. Румянцева, члены которого активно занимались собирательством, изучением и публикацией памятников отечественной письменности и культуры).

По-видимому, митрополит Евгений Болховитинов мог изучать рукопись № 245, но мы хотели бы вновь вернуться к уточняющим записям, выполненным почерком XX в. в сочинении Кирика «Учение о числах». Кроме того, можно предположить, что митрополит Евгений Болховитинов также изучал текст краткой хроники «Счет лет», но отечественная историческая наука в его время еще не выделяла обширное наследие малых переводных хроник («летописцев вкратце», «летописцев вскоре» и т. п. текстов). Вопрос же об особенностях конволюта может быть решен дальнейшими кодикологическими исследованиями. Составлен ли он был до времени обращения митрополита Евгения Болховитинова или позднее? Библиография публикаций и исследование творческого наследия Кирика чрезвычайно обширна, все время совершенствуется благодаря материалам «Словаря книжников и книжности Древней Руси», «Православной энциклопедии» и регулярным конференциям, которые проходят в Великом Новгороде.

***С. Н. Прокопенко***

*Белгородский государственный национальный исследовательский университет (Белгород)*

### **Трансформация городской среды Сиде в IV–VI вв.**

Античный город Сиде основали выходцы из Западной Анатолии в VII в. до н.э. (Strabo. XIV.4.2). Город динамично развивался на протяжении всего античного периода, наивысшего расцвета достигнув в период с 67 г. до н.э. по 200 г. н.э. На пике своего развития город расположился на полуострове протяженностью с севера на юг 1 км и с востока на запад 650–800 м. В позднеантичное время городская среда Сиде переживала неоднократную трансформацию, которую трудно проследить, исследуя письменные свидетельства. Главная роль в изучении урбанизированных структур и их изменения отводится археологическим источникам и их интерпретациям.

Развитие городских структур Сиде, расположенного в исторической области Памфилия, тесно связано с его административно-политическим ста-



тусом в отдельные периоды его истории. Стоит заметить, что в III в. исторические области Памфилия и Ликия были объединены в рамках провинции, получившей наименование Памфилия. Административным центром провинции, по-видимому, стал город Перге, хотя и существуют некоторые сомнения на этот счет в пользу города Сиде<sup>1</sup>. При Диоклетиане многие провинции были разделены. Ликия и Памфилия, вероятно, какое-то время еще сохраняли единство, но в период 312–325 гг. провинцию разделили на Ликию и Памфилию. Либаний, к примеру, в письмах от 350 г. указывал Ликию и Памфилию отдельно друг от друга (*Libanius. Epistulae. 366.3.3–5*).

В 411 г. в правление Феодосия II Памфилия была разделена на две части: Первую и Вторую провинции. Сиде стал главным административным центром Первой (Восточной) Памфилийской провинции. В IV в. в городе оформляется крупная христианская община, а в 401–501 гг. в Сиде появляется епископская кафедра Восточной Памфилии<sup>2</sup>. Все эти трансформации административно-политического характера свидетельствуют о достаточно высоком статусе города в V–VI в.

Особое место в анализе изменений городской среды Сиде в позднеантичный период должно быть уделено изучению фортификационной системы Аттия Филиппа. Датировка стены вызывает множество дискуссий в научном сообществе, и предлагаемые даты варьируются от IV в. до XII в. А. М. Мансель, например, датировал сооружение стены IV в.<sup>3</sup> С. Фоссан с опорой на анализ археологического материала датировал возведение стены VII–VIII вв.<sup>4</sup> В 2009–2010 гг. в ходе археологических работ в районе театра и на территории храма Диониса было выявлено, что лестница к югу от храма была разобрана не ранее третьей четверти IV в., после чего на данной территории были построены хозяйственные помещения. Храм Диониса как архитектурное сооружение окончательно прекратил свое существование в середине VI в. Тот факт, что архитектурные детали храма были вторично использованы в фортификации, позволяет утверждать, что стена уже существовала в первой половине VI в.<sup>5</sup> Археологические исследования 2013 г., предпринятые с внешней

---

<sup>1</sup> *Haensch R. Capita Provinciarum: Statthaltersitze und Provinzialverwaltung in der römischen Kaiserzeit. Mainz am Rhein, 1997. S. 293, 290–297.*

<sup>2</sup> *Atik M., Danaci H.M., Erdogan R. Perception of Plants in Ancient Times and Their Use as Motifs Revealing Aspects of the Cultural Landscape in Side // Landscape Research. 2010. Vol. 35. №. 3. P. 287.*

<sup>3</sup> *Mansel A.M. Die Ruinen von Side. Berlin, 1963. S. 133.*

<sup>4</sup> *Foss C. Attius Philippus and the Walls of Side // Zeitschrift für Papyrologie und Epigraphik. 1977. Bd. 26. S. 172–180.*

<sup>5</sup> *Alanyali H. S. Side 2010. Excavations at Side in 2010 // ANMED. Anadolu Akdenizi Arkeoloji Haberleri. News of Archaeology from Anatolia's Mediterranean Areas. 2011. No 9. P. 101.*

стороны стен рядом с башней № 2 и на территории археологического музея, подтвердили высказанные ранее предположения<sup>1</sup>.

В V–VI вв. жизнь в восточной части городища восстанавливается после перерыва в IV в. Некоторым подтверждением этого является сооружение в VI в. госпиталя. Впрочем, археологи до сих пор не полностью уверены в его правильной интерпретации. Это двухэтажное здание по своей форме и планировке очень напоминает сельджукские госпитали более позднего времени, но возможно, что это именно тот госпиталь св. Косьмы, основанный императором Юстинианом (527–565) в Памфилии.

Отдельное место в топографии византийского Сиде занимают базилики. Всего в городе обнаружено три крупных базилики, которые были сооружены преимущественно в V в.<sup>2</sup> Исследования подтвердили, что самая ранняя церковь Сиде – трехнефная базилика, расположенная в портовом районе, которая может быть датирована не ранее V в. Самым важным религиозным центром города являлся епископский дворец. Этот большой комплекс был запланирован и частично построен в V–VI вв., но окончательно оформился только к IX–X вв.<sup>3</sup> Главная базилика дворцового комплекса, сооруженная в VI в., была трехнефной. К северо-востоку от церкви находился баптистерий, а к югу – помещения с административными функциями.

Дополняет картину переустройства городской среды строительство нового порта в V в., к северо-западу от старого, который был сильно загрязнен песчаными наносами. Данный факт свидетельствует об оживлении торговли в регионе.

Анализируя все известные на сегодняшний день данные о Сиде ранневизантийского времени, можно подвести некоторые итоги. Во-первых, многие частные и общественные постройки римского периода в Сиде продолжают существовать до V в., иногда до VI в., что свидетельствует о прямой преемственности. Во-вторых, основные христианские религиозные центры были построены на территории с минимальной застройкой или в традиционных религиозных районах, отдельно от центральной площади города, театра и богатых городских домовладений. Таким образом, строительство базилик не требовало внесения серьезных изменений в градостроительный план. Местом строительства становились пустыри или территории античных храмовых комплексов. Античные храмы при этом не уничтожались, а перестраивались.

---

<sup>1</sup> *Alanyalı H. S. Excavations and Research at Side in 2013 // ANMED. Anadolu Akdenizi Arkeoloji Haberleri. News of Archaeology from Anatolia's Mediterranean Areas. 2014. No 12. P. 94–96.*

<sup>2</sup> *Атвур О. Сиде. Анталия, 2008. С. 40–41.*

<sup>3</sup> Там же. С. 42–43.



В-третьих, техника строительства базилик V–VI вв. близка классическому стилю предшествующей эпохи.

Город начинает приходить в упадок, начиная со второй половины VII в. Сиде уменьшился в размерах и численности населения, но продолжил свое существование. В последующую эпоху отмечается постепенное угасание городской жизни на полуострове.

**О. А. Родионов**

*Институт всеобщей истории РАН,  
Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет  
(Москва)*

**Византийское монашество второй половины XIV в. в сочинениях  
прп. Каллиста Ангеликуда**

Прп. Каллист Ангеликуд – византийский богослов-исихаст, о котором до 1930-х гг. не было известно практически ничего. Его сочинения в рукописях надписаны разными именами: автор их представлен и как Каллист Катафигиот, и как Каллист-патриарх, а само его фамильное прозвище подвергается различным искажениям: Антиликуд, Тиликуд, Ликуд. Из-за этого долгие годы исследователи византийской богословской литературы полагали, что речь идет о разных авторах. Лишь в XX в. благодаря разысканиям кардинала Дж. Меркати, архимандрита (ныне митрополита Новой Смирны) Симеона (Куцаса) и А. Риго удалось установить, что тексты, надписанные столь по-разному, принадлежат, тем не менее, одному и тому же человеку, и это – Каллист Ангеликуд.

В 70–80-е гг. XIV в. этот подвижник руководил небольшим монастырем (фактически пустыней – исихастирием) в городе Меленикон в Македонии (ныне – Мелник в Болгарии). Два акта патриарха Константинопольского Филофея Коккина 1371 г. дают скудные сведения, однако позволяют сделать вывод о том, что патриарх знал и почитал Каллиста как опытного исихаста и наставника монашествующих. По-видимому, у Каллиста были какие-то трения с местным епископом, из-за чего Филофей Коккин даровал монастырю ставропигию. В актах не содержится упоминания других лиц и не упоминается название обители Каллиста. Однако документы афонского монастыря Ватопед, которые в настоящий момент готовятся к изданию, позволяют вполне определенно сказать, что монастырь Каллиста Ангеликуда в Мелениконе носил название Катафигион (Καταφύγιον). Это подтверждается также рукописной традицией сочинений Каллиста: одно из собраний написанных им глав, по-видимому, еще при жизни автора надписывалась именем Каллиста Катафигиота.

Расцвет деятельности Каллиста Ангеликуда, вероятно, приходится на 60–80-е гг. XIV в. (во всяком случае, рукописи, которые признаются современными исследователями автографическими, а также те манускрипты, что несут следы авторской правки, созданы именно в этот период). Собственные тексты Каллиста практически не содержат каких-либо сведений, позволяющих воссоздать те или иные страницы биографии автора с полной достоверностью (впрочем, на их основании можно предположить, что Каллист какое-то время жил в Фессалонике, причем это было уже после кончины св. Григория Паламы, а возможно, и после канонизации последнего).

Значительная часть сочинений Каллиста Ангеликуда по сей день не издана. Критическим изданием мы располагаем только для полемического трактата «Против Фомы Аквинского», четырех Слов из сборника, именуемого «Исихастским утешением» (сохранился в рукописи Vat. gr. 736) и одного Слова, не вошедшего в этот сборник, однако имеющегося в автографической (по мнению А. Риго и А. Ю. Виноградова) рукописи Barb. gr. 420. Критическое издание «Исихастского утешения», состоящего из 30 Слов, «Исихастского обучения», некогда состоявшего не менее чем из 221 главы, а также иных текстов, принадлежащих перу Каллиста Ангеликуда, готовится в настоящее время А. Риго (Венеция), А. Ю. Виноградовым (Москва) и автором настоящего сообщения.

Большинство текстов Каллиста Ангеликуда обращены к монашеской аудитории, по преимуществу к достаточно узкому кругу учеников и насельников монастырей, находившихся в контакте с обителью Катафигион (к числу таких монастырей, вероятно, принадлежал и Ватопед). Будучи посвящены различным аспектам духовной жизни монаха, они, тем не менее, содержат немало отсылок к реальной ситуации второй половины XIV в., нередко автор допускает и разного рода критические замечания. В большинстве случаев Каллист Ангеликуд явно обращается к тем монахам, которые подвизаются в небольших обителях, наподобие того исихастирия, в котором жил он сам. В некотором смысле устав, по которому, как предполагается, живут адресаты текстов Ангеликуда, сходен с келлиотским или позднейшим «скитским», получившим распространение на Руси в XV в. Каллист негативно относится к привнесению в этот наиболее удобный для безмолвнической (исихастской) жизни устав элементов киновиальной жизни, прежде всего, неумеренного пения и исполнения Типикона во всей полноте, к чему, насколько можно судить, были склонны некоторые современники Ангеликуда, формально принадлежавшие к тому же типу монашества, что и он сам. В то же время автор не считает возможным критиковать настоящих «киновиатов», для которых подобная практика естественна.

Важное место в текстах Каллиста Ангеликуда уделено проблеме послушания, каковое он считает основанием всякого правильного подвижничества



и мостом к обретению чистой молитвы. В полном соответствии с учением прп. Иоанна Лествичника Каллист полагает, что после избрания духовного наставника монах не вправе оценивать действия учителя, но должен предаться в беспрекословное, абсолютное послушание, которое в аскетической традиции именуется «нерассуждающим» (*ἀδιάκριτος*). Разрыв с духовным наставником приравнивается Каллистом к разводу законных супругов: здесь также единственной причиной считается ситуация, когда наставник впал в блуд или нечестие, то есть ересь. В то же время Каллист указывает, что эти правила нередко нарушаются его современниками. Произвольная смена наставников, по-видимому, не была редкостью. Кроме того, в сочинениях Каллиста Ангеликуда есть интересное упоминание неких «обретающихся в миру киновийных» монахах, которые, как явствует из текста, вовсе не подчиняются указанным установлениям: от такого братства Каллист рекомендует немедленно бежать.

Взгляд Каллиста Ангеликуда на современное ему монашество, разумеется, обусловлен его собственным положением, а возможно, и теми трениями или даже конфликтами с монахами и епископом Меленикона, глухие отголоски которых ощущаются в актах патриарха Филофея и монастыря Ватопед.

***А. И. Романчук***

*Уральский федеральный университет (Екатеринбург)*

### **Три страницы из истории Крымской археологической экспедиции Уральского университета**

1959 г. — год создания Крымской экспедиции Уральского университета, начавшей исследования в Херсонесе, о котором М. Я. Сюзюмов писал, что «этот город является в исторической науке как бы соединительным звеном истории античной, средневековой и ранней истории СССР». Три страницы из истории экспедиции посвящены некоторым результатам раскопок — свидетельствам значения Херсонеса. Но начальные строки первой страницы относятся к декабрю 1941 г., когда в Свердловск прибыл эвакуированный 18 сентября 1941 г. из Севастополя груз. Как писал в Путевом дневнике С. Ф. Стржелецкий, студенты Педагогического института «в нетопленном помещении, при температуре ниже нуля самоотверженно трудились на благо музея»<sup>1</sup>.

1942–1962 гг. В годы Великой Отечественной войны изучение материалов Херсонесского архива позволило Е. Г. Сурову (1912–1975) подготовить работу о рыбозасолочном промысле (1948 г.), выявить его масштабы и предположить, что функционирование комплексов для приготовления соуса

---

<sup>1</sup> *Стржелецкий С.Ф.* Путевой дневник // Архив Национального музея-заповедника «Херсонес Таврический». Д. 460.

(гарона) относится не только к первым векам нашей эры. Следовательно, утверждение, что на развитие промысла повлияло размещение в Таврике римских легионов, для обеспечения которых потребовались дешевые продукты питания, не корректно. В 1959 г. изучение одной из цистерн показало, что она сооружена не ранее конца V в. Находка же декрета II в. н. э. позволила проследить изменения в структуре управления, топографию города римского периода, уточнила открытие линии оборонительной стены. Кроме того, была выявлена непрерывность жизнедеятельности в северо-западной части городища с VI до первых десятилетий XI в.<sup>1</sup>

1963–1976 гг. Начало второй страницы истории раскопок связано с именем В. Н. Даниленко (1936–2007), одним из создателей Объединенной экспедиции (Херсонесский заповедник, Харьковский и Уральский университеты), приступившей к широкомасштабным раскопкам Портового квартала 1 и исследованию памятников Юго-Западной Таврики.

Портовый район стал «своеобразным полигоном» проверки концепции М. Я. Сюзюмова о развитии византийского провинциального города. В процессе раскопок были выявлены слои разрушений начала VII в., первой четверти XI в., XIII–XIV вв., а анализ стратиграфических данных позволил объяснить причины малочисленности археологических свидетельств для некоторых хронологических периодов, в том числе и для времени, которое характеризовалось в историографии как «глубокий кризис и исчезновение Херсона как города».

1977–2000 гг. По-прежнему значимым являлось накопление артефактов, корреляция которых уточняла отдельные аспекты истории Херсона. Однако наиболее показательны такие свидетельства о значении Херсона-Корсуни, как обнаружение артефактов с кириллическими надписями и материалов, позволивших полагать, что во время Корсунского похода князя Владимира город не был «полностью опожарен и разрушен» (концепция середины 1950–60-х гг.). Анализ стратиграфии и нумизматических источников стали основанием для выводов: 1) датировка слоев разрушений концом X в. и соотнесение их с Корсунским походом не корректны, поскольку они отложились не ранее первой четверти XI в.; 2) возможной причиной разрушений могли быть природные катаклизмы<sup>2</sup>.

Особый интерес представляет сочетание находок во втором портовом квартале, где в двух домах, сгоревших в XIII в., обнаружены энколпионы с

---

<sup>1</sup> *Суров Е. Г.* Раскопки в северо-западном районе городища // Сообщения Херсонесского музея. 1961. С. 67–70.

<sup>2</sup> *Романчук А. И.* Последствия похода князя Владимира для херсонитов: историографический парадокс // Владимирский сборник. Материалы науч. конф. «I и II Свято-Владимирские чтения» / Ред. В. В. Майко, Т. Ю. Яшаева. Калининград, 2016. С. 224–234.



греческими и кириллическими надписями, а около одного из жилищ найден «выпавший» из стены блок с текстовыми граффити на кириллице, изображением «процветшего креста» и несколькими небольшими крестиками. Надписи читаются следующим образом: «Сенько написал (нарисовал), идя, крест»; «Ильина р(ука)». Граффити относятся к XII – началу XIII вв. (датировка и прочтение принадлежат А. А. Гиппиусу)<sup>1</sup>. К сожалению, определить, посетили ли писавшие город на пути в Святую землю или же надписи выполнены при отправлении в паломничество, не представляется возможным. Однако следует отметить, что среди жителей города имелись лица, знавшие кириллицу: так, на основании сакральных находок с кириллическими надписями один из кварталов Северного района Херсона условно был поименован «русским». Энкалпионы с изображением восточнославянских святых и монограммами на кириллице встречались и на других участках городища. Следует отметить, что близкие кресты-энколпионы известны по раскопкам в Подунавии. Считается, что они оставлены спасшимися от нашествия и татарского пленения после захвата Киева.

Херсон после похода Владимира был хорошо известен обитателям славянского мира, что привело к «освоению» города как одного из центров торговли обитателями Древней Руси. Его посещали паломники, а в XIII в. Он мог стать и прибежищем для тех, кто вынужден был покинуть отеческие дома.

*А. А. Роменский*

*Государственный историко-археологический музей-заповедник  
«Херсонес Таврический» (Севастополь)*

### **Избиение катепана в Херсоне: контекст летописной статьи 6574 (1066) г.**

Под 6574 г. Начальная летопись содержит известие о трагической гибели – отравлении на пиру – князя-изгоя Ростислава Владимировича, одного из наиболее ярких и харизматичных правителей Тмутаракани, доставлявшего неудобства как своим дядьям – сыновьям Ярослава Мудрого, занимавшим ключевые «столы» в Русской земле, так и византийскому правительству. Миссия по устранению слишком активного конкурента была поручена главе византийской администрации в Таврике – катепану Херсона, который, не исключено, и раньше был близко знаком с Ростиславом.

Летописец в подробностях описывает ромейское коварство, кардинально противоречащее принятому в то время на Руси воинскому этосу: «еди-

---

<sup>1</sup> Гиппиус А. А., Романчук А. И. Древнерусские паломнические граффити в Херсонесе // Археология античного и средневекового города / Ред. В.В. Майко, Т.Ю. Яшаева. Севастополь; Калининград, 2018. С. 45–56.

ною же пьющо Ростиславу с дружиною своєю ре<sup>т</sup> котопань княже хочю на та пити. вному же рекши пии. вн же испивъ половину. а половину дасть князю пити дотиснувьса палцемъ в чашю бѣ бо имѣае под ногтемъ раствореньє смртное и вдасть князю. оурекъ смртъ до днѣ семаго». Возвратившись в Херсон, византийский сановник не преминул отметить свои заслуги, предсказав точный день кончины отравленного. Далее содержится сообщение об избииении камнями виновника преступления: «сего же котопана побиша каменьемъ Корсуньстии людье»<sup>1</sup>. Создается впечатление, что корсуняне разделяли негодование летописца и поступили так с катепаном, возмущенные его поступком.

В видении исследователей, комментировавших эту информацию, выступление против катепана превратилось в полноценный мятеж херсонитов против центральной власти. Причинами апостасии называли отказ в предоставлении торговых льгот и усиление налогового гнета, тяжелое экономическое положение в Византии и злоупотребления временщика Никифорицы, опасение мести и сокращения торговли с Тмутараканью<sup>2</sup>. Эти гипотезы основывались на противоречивых и малодостоверных сведениях В. Н. Татищева и Э. Муральта, едва ли основанных на привлечении аутентичных источников<sup>3</sup>. В настоящий момент можно считать доказанным отсутствие каких-либо оснований для предположения о восстании херсонитов и ответном походе в Таврику князей Глеба Святославича и Владимира Мономаха<sup>4</sup>. Однако, вопрос о причинах избииения представителя византийской администрации в Херсоне остается открытым. Действительно ли херсонитов возмутило устранение их противника, Ростислава, совершенное в соответствии с традициями ромейской дипломатии?

Для разьяснения вопроса следует привлечь дополнительные источники. Примечательно, что такое же деяние совершают, как и херсониты в 1066/1067 гг., жители Трапезунда в 1337 г., избивая камнями своего василевса Василия Великого Комнина. Сообщение хроники Михаила Панарета проясняет мотивы этого поступка: «третьего марта, в понедельник в начале Св. Четы-

<sup>1</sup> Лаврентьевская летопись // ПСРЛ. Л., 1926. Т. 1. Вып. 1. Стб. 166.

<sup>2</sup> *Якобсон А. Л.* Средневековый Херсонес // Материалы и исследования по археологии СССР. 1950. № 17. С. 21–23; *Он же.* К изучению позднесредневекового Херсонеса // ХСб. 1959. Вып. 5. С. 230–231; *Скржинская Е. Ч.* Рец. на: Якобсон А. Л. Средневековый Херсонес. Материалы и исследования по археологии СССР. № 17. М., 1950 // ВВ. 1953. Т. 6. С. 264; *Богданова Н. М.* Херсон в X–XV вв. Проблемы истории византийского города // Причерноморье в Средние века / Отв. ред. С. П. Карпов. М., 1991. Вып. 1. С. 117–118.

<sup>3</sup> *Татищев В. Н.* История российская. М., 1995. Т. 2–3. С. 91–92; *Muralt E.* Essai de chronographie byzantine 1057–1453. St.-Petersburg, 1871. Т. 1. Р. 10.

<sup>4</sup> *Храпунов Н.И.* Известия о «Крымском походе» Владимира Мономаха в источниках нового времени // АДСВ. 2018. Вып. 46. С. 241–260.



редесятницы, произошло затмение солнца, [продолжавшееся] от четвертого до седьмого часа, и народ восстал против василевса, так что собравшись вне цитадели, бросал в него камни, в год 6845»<sup>1</sup>. Выступление трапезундцев, таким образом, непосредственно связано с астрономическими явлениями. Весьма вероятно, что аналогичное злодеяние херсонитов было также вызвано истолкованием небесных знамений, а вовсе не симпатией к вероломно убитому тмутараканскому князю. В 1066 г. византийцы, как и другие люди Средневековья, наблюдали очередное приближение кометы Галлея, традиционно предвещавшее смерть правителя, войны и неурядицы в государстве<sup>2</sup>. Примечательно, что упоминание о знамениях, которые «не на благо бывают», содержится и в летописном тексте, предшествующем рассказу о Ростиславе<sup>3</sup>.

Сведения нарративов о катепанате в Таврике дополняются данными сфрагистики: недавно опубликованной печатью Никифора Алана, вестарха и катепана Херсона и Хазарии. Моливдовул подтверждает функционирование нового военно-административного формирования в Херсоне и его округе со второй половины XI в. Возможно, оформление катепаната явилось реакцией на внешнюю угрозу<sup>4</sup>. Нельзя исключить и того, что именно Никифор Алан выполнял щекотливое поручение по устранению Ростислава, а также пострадал от рук херсонитов, но эти события не находятся в прямой причинно-следственной связи.

*М. А. Руднева*

*Белгородский государственный национальный исследовательский университет (Белгород)*

### **Военные конфликты и народные волнения в ранневизантийской Александрии**

Александрия Египетская в ранневизантийское время продолжала играть значительную роль в качестве регионального центра и одного из важнейших городов империи. История города сопряжена с многочисленными военными конфликтами, разворачивавшимися на его территории, а также волнениями,

<sup>1</sup> *Λάμπρος Σπ.* Τὸ Τραπεζουντιακὸν Χρονικὸν τοῦ πρωτοσεβαστοῦ καὶ πρωτονοταρίου Μιχαήλ Παναρέτου // ΝΕ. 1907. Τ. 4. Σ. 271; Михаил Панарет. О Великих Комнинах (Трапезундская хроника) / Пер. и коммент. С. П. Карпова, Р. М. Шукурова. СПб., 2019. С. 80–81.

<sup>2</sup> *Michael Attaleiates.* The History / Transl. by A. Kaldellis and D. Kralis. Cambridge; London, 2012. P. 166–167; Ἡ συνέχεια τῆς χρονογραφίας τοῦ Ἰωάννου Σκυλίτη / ἐκδ. Εὐ. Τσολάκη. Θεσσαλονίκη, 1968. Σ. 117.

<sup>3</sup> Лаврентьевская летопись // ПСРЛ. Л., 1926. Т. 1. Вып. 1. Стб. 165.

<sup>4</sup> *Алексеевко Н.А.* Херсон-Корсунь: от архонтии до катепаната в инфраструктуре византийской административной системы // Древняя Русь и средневековая Европа: возникновение государств. М., 2012. С. 11.

сопровождавшимися насильственными действиями. Значительный интерес представляет исследование истоков возникновения социальной напряженности, перерастающей в конфликты, влекущие за собой человеческие жертвы и разрушение объектов культуры.

Авторы ранневизантийских источников отмечают нестабильность внутренней ситуации в городе, связанную не только с полиэтническим составом населения, но и с важнейшей экономической ролью, а следовательно и амбициями в политической жизни империи. Непокорность жителей города неоднократно вынуждала власти приводить александрийцев к повиновению насильственными методами еще в римское время. Примером могут служить еврейское восстание в Александрии 66 г. (Первая иудейская война), Вторая иудейская война (115–117 гг.), восстание в Нижнем Египте, которое подняли буколы (пастухи) в 172 г. на фоне разразившейся чумы, восстание александрийских христиан против культа гения императора Траяна в 250 г. и др.

Значительные разрушения в Александрии были связаны не только с внутренними восстаниями, но и с появлением узурпаторов. Такими были восстание Гая Авидия Кассия, которое последний поднял в 175 г., восстание узурпатора Песценния Нигера в 193 г., резня, устроенная императором Каракаллой в Александрии в 216 г., осада императором Аврелианом в 272 г. Александрии, захваченной пальмирской царицей Зенобией, осада города в 297–298 гг., когда узурпатор Домиций Домициан поднял восстание против императора Диоклетиана.

Характерной чертой ранневизантийских конфликтов и восстаний в городе можно считать их религиозный характер, который они приобрели в связи с христианизацией империи. Сам процесс христианизации Александрии был сопряжен с одним из крупнейших конфликтов ранневизантийского времени – разрушением одного из наиболее значимых языческих храмов региона Серапеума. Согласно сведениям византийской письменной традиции, события сопровождались волнениями и повлекли за собой значительные жертвы. Эпизод знаменовал собой кульминацию движения по пресечению нехристианских религиозных объединений на территории Египта.

Значительные волнения в Александрии ранневизантийского времени были связаны с арианством и той важнейшей ролью, которую сыграли иерархи Александрийской церкви в борьбе с ним. При этом комплекс внутригородских социально-экономических противоречий накладывался на важнейшую роль города в экономической жизни империи, что создавало напряженность, выливавшуюся в многочисленные конфликты.

Наибольшей силы соперничество Александрийской церкви как на имперском уровне, так и на внутригородском достигло в период патриаршества Кирилла Александрийского. При этом уровень конфликтности в городе достиг своего пика, что вылилось не только в действия по закрытию новациан-



ских церквей и изгнание иудеев из города, но и в столкновение со светскими властями во время конфликта, сопряженного с убийством женщины-философа Ипатии Александрийской в 415 г. Столкновение церковной и светской власти было связано, в том числе, с усилившейся ролью церкви в политической жизни и ее возросшей мощью.

Задача сохранять единство церкви и поддерживать политическую стабильность в городе стала еще более сложной после Халкидонского собора 451 г., когда церковь раскололась на халкидонитов и монофиситов. Последствия этого конфликта привели к более отчетливому разделению александрийской Церкви на монофиситскую (коптскую) и греко-византийскую. Противостояние приверженцев этих религиозных направлений играло важную роль в историческом развитии города вплоть до арабского завоевания.

В ранневизантийское время продолжение нашла и другая характерная для города и региона политическая линия. Имперской власти все еще могла угрожать сила Египта в качестве опорной точки для возникновения восстаний, как случилось с узурпатором Фокой, против которого выступил Ираклий, сделав в 609–610 гг. Александрию опорным пунктом своего восстания, окончившегося победой.

Александрия оказалась в 615 г. во власти Сасанидского Ирана. В 629 г. византийцам удалось восстановить свою власть, но последствия обескровливания империи были таковы, что уже в 641 г. город был захвачен арабами, что постепенно привело к его угасанию в качестве торгового центра: роль последнего отошла к Фустату.

Таким образом, социально-экономические и политические противоречия, существовавшие в Александрии в предшествующие периоды ее истории, не нашли разрешения в ранневизантийское время, а лишь усугубились и приобрели специфику, связанную с христианизацией. Завершение сложившегося комплекса противоречий в регионе и городе связано лишь с потерей Александрией статуса главного экономического центра региона.

*М. Л. Рябцева*

*Белгородский государственный национальный исследовательский университет (Белгород)*

### **Византия на Боспоре и завершение процесса христианизации**

К началу VI в. на Боспоре сложилась неоднородная этноконфессиональная ситуация, характеризующаяся сосуществованием различных культов, как монотеистических, так и языческих. На территории государства проживало греко-гото-сармато-аланское население.

Если в IV–V вв. греческое население боспорских городов в основной массе было христианизированным<sup>1</sup>, то на сельских территориях большая часть жителей оставалась язычниками. Варварские племена, проживающие на территории Боспора или близ нее, отчасти были христианами. Прокопий Кесарийский сообщало готам-тетракситах: «немногочисленны и тем не менее не хуже многих других с благоговением соблюдают христианский закон... донныне и с душевной простотой и великой безропотностью чтут свою веру» (Procop. B.G. VIII.4.7–12.).

Находки эпиграфического материала, датируемого IV–VI вв., включают элементы христианских молитв и изображения крестов<sup>2</sup>. Керченская христианская катакомба 491 г., описанная Ю. А. Кулаковским, содержит на стенах склепа дипинти стихов 90-го псалма.

Находки с христианской символикой, датируемые VI в., выявлены в отдельных погребениях на общих некрополях наряду с погребениями, совершенными по языческому обряду. Таким образом, несмотря на существующие в современной исторической науке мнения о том, что христианство утвердилось на Боспоре как господствующая религия ранее VII в. (Е. А. Зинько, Н. И. Сударев), пока не удастся выявить здесь сугубо христианский некрополь, датированный VI в. Христианство в VI в. на Боспоре соседствовало с иудаизмом, о чем свидетельствуют находки керамических изделий с менорой, и с языческими верованиями.

Политика христианизации являлась мирной формой византийской экспансии. Так, 528 г. вождем гуннов Гродом, ранее принявшим христианство в Константинополе и ставшим крестником императора (Malal. XVIII.14; Theophan. a. 6020/520), была предпринята попытка христианизации соплеменников, окончившаяся гибелью Грода. Это является прямым доказательством непринятия основной массой гуннов христианской религии на данный момент времени.

Некоторые варвары, находившиеся на службе у Византии, к тому времени уже приняли христианство. Так, в ответ на убийство вождя гуннов и погром ряда боспорских поселений сюда были посланы войска готов-федератов во главе «с проконсулом Иоанном» и «стратигом Бадуарием» (Malal. XVIII. P. 431.16–433). Прокопий сообщает об «испанских полках готов» во главе с Годилой и Бадуарием.

<sup>1</sup> Зинько В.Н., Зинько Е.А., Зинько А.В. Тиритака: от греко-варварских культов к христианству // XIX Боспорские чтения. Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Традиции и инновации. Симферополь; Керчь, 2018. С. 155–161.

<sup>2</sup> Виноградов А.Ю. Древние надписи Северного Причерноморья. Том V. Византийские надписи. — URL: <http://iospe.kcl.ac.uk/corpora/byzantine/index-ru.html>



По мнению А. И. Айбабина, готы, прибывшие в составе федератского войска, исповедовали христианство<sup>1</sup>. В погребениях данного периода, которые определяются как федератские, элементы одежды содержат изображения христианских крестов. Женские германские погребения были совершены в плитовых могилах, в целом не характерных для Боспора начала VI в.

Тюркское нашествие 576 г. стало поворотным для Боспора. Внешняя угроза привела к тому, что часть боспорян переселилась на юго-запад Крымского полуострова<sup>2</sup>. Исследователями отмечен факт гибели ряда поселений<sup>3</sup> и следы пожарищ. Несмотря на наличие следов разрушений третьей четверти VI в., не выявлено массовых погребений жителей Боспора, что также дает основания полагать факт их переселения в другие части Крымского полуострова.

В сообщении Феофилакта Симмокатты говорится о победившем в междоусобице новом тюркском кагане, который в 598 г. направил посольство к императору Маврикию<sup>4</sup>. Надпись 590 г., обнаруженная на Тамани, свидетельствует об управлении византийскими владениями в Крыму дукой Херсона Евпатерием, который восставил на Боспоре византийское правление и возобновил «кесарское здание»<sup>5</sup>.

Подтверждением факта притока нового христианизированного населения на Боспор могут являться результаты исследований плитово-грунтовых погребений, проводимых в ходе охранных раскопок на территории Керчи, а также храмовое строительство п. п. VII в. Так, в 2006 г. А. Л. Ермолиным было выявлено 27 могил по ул. 1-ая Митридатская, датированных автором раскопок VII в. Исследования 2007–2009 гг. А. И. Айбабина, Э. А. Хайрединовой позволили выявить 91 погребение, 23 из которых – плитовые, 21 грунтовые, частично обложенные камнями. Погребения содержат изображения христианских крестов. Ориентация погребенных западная или юго-западная<sup>6</sup>. Находки пряжек типа Сиракузы также позволили датировать погребения VII в. Таким образом, возвращение Византии на Боспор в конце VI в. как раз и приводит к завершению процесса христианизации населения северной периферии империи.

---

<sup>1</sup> Айбабин А.И. Этническая история ранневизантийского Крыма. Симферополь, 1999. С. 100.

<sup>2</sup> Ермолин С.А. Европейский Боспор VI – первой пол. VII вв.: проблемы смены населения и христианизации: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Белгород, 2019. С. 21.

<sup>3</sup> Сазанов А.В. Керамические комплексы Боспора 570–580 гг. // Древности Боспора. М., 2000. Т. 3. С. 221–259.

<sup>4</sup> Артамонов М.И. История хазар. Л., 1962. С. 140.

<sup>5</sup> Могаричев Ю.М. «Пещерные города» в Крыму. Симферополь, 2005. С. 21.

<sup>6</sup> Айбабин А.И., Хайрединова Э.А. Раскопки раннесредневекового Боспора в 2007–2009 гг. // Археологічні дослідження в Україні в 2009 році. Киев, 2010. С. 10.

**В. В. Сашинов**

*Центр историко-культурного наследия (Челябинск)*

**Византинист В. Г. Васильевский: несостоявшийся *memoria* ученого в 1949 г.**

Вторая половина 1940-х гг. характеризуется временем окончательного отказа советской исторической науки от каких-либо ориентиров на достижения и научные традиции ученых-гуманитариев второй половины XIX – начала XX вв. Развернувшиеся в 1947–1949 гг. идеологические кампании фактически поставили крест на стремлении старшего поколения советских историков, учеников дореволюционной профессуры, выработать преемственность и поколенческую неразрывность между представителями «старой» и «новой» науки. Так, в рамках таких кампаний разгромной критике были подвергнуты 2-й выпуск журнала «Средние века», официально посвященного Д. М. Петрушевскому (1863–1942) и 1-й том журнала «Византийский временник», в котором редколлегия отдала дань памяти Ф. И. Успенскому (1845–1928).

В этом же ключе можно рассматривать и не состоявшиеся в 1949 г. все-союзные мероприятия по чествованию памяти выдающегося российского историка, основателя российской школы византиноведения Василия Григорьевича Васильевского (1838–1899).

1 апреля 1948 г. в Президиум АН СССР было направлено письмо за подписью академика-секретаря Б. Д. Грекова, в котором Отделение истории и философии просило Президиум «... войти с ходатайством в Совет министров СССР об ознаменовании 13 мая 1949 г. пятидесятилетия со дня кончины основоположника русского научного византиноведения, академика В. Г. Васильевского»<sup>1</sup>.

Аналогичное ходатайство поступило и от Ленинградского университета<sup>2</sup>, который, на мой взгляд, и выступил инициатором мемориальных торжеств<sup>3</sup>. В своем письме ректор университета С. В. Колесник предлагал комплекс мероприятий по увековечиванию памяти В. Г. Васильевского, указывая на то, что «проведение этих мероприятий будет способствовать успешному

<sup>1</sup> Архив РАН. Ф.2. Оп.1 (1948). Д.256 «Материалы об ознаменовании 50-летия со дня кончины основоположника русского византиноведения академика В.Г. Васильевского». Л.4.

<sup>2</sup> Письмо Ленинградского университета датировано 12 апреля 1948 г., т.е. позже письма Б.Д. Грекова. В то же время можно сделать вывод, что позиция Отделения истории и философии была согласована с ленинградскими историками.

<sup>3</sup> В архивном деле отсутствуют какие-либо указания на то, кто именно выступил инициатором данного предложения. Однако, ввиду того, что научная карьера В.Г. Васильевского была тесно связана с Петербургским университетом, было бы логично предположить, что именно Ленинградский университет инициировал этот вопрос.



развитию советского византиноведения, славяноведения, исторической науки в целом»<sup>1</sup>.

Президиум АН поддержал вышеуказанные ходатайства: в сентябре 1948 г. было подготовлено и подписано Президентом АН С. И. Вавиловым обращение на имя заместителя Председателя Совета министров СССР В. М. Молотова. В своем обращении Академия наук, указывая на выдающиеся заслуги академика В. Г. Васильевского перед отечественным византиноведением, просило правительство о проведении следующих мероприятий: 1) создать Всесоюзный комитет по проведению чествования памяти ученого, в связи с пятидесятилетием со дня смерти (в составе В. П. Волгина, Б. Д. Грекова, Е. А. Косминского, В. А. Гордлевского, И. Э. Грабаря и др.); 2) учредить стипендии имени академика В. Г. Васильевского размером 400 рублей в месяц для студентов, специализирующихся по истории Византии (по две в Московском, Ленинградском и Одесском университетах); 3) реорганизовать неперіодический сборник «Византийский временник» в журнал с периодичностью выхода два тома в год<sup>2</sup>.

Согласие Академии Наук вполне отвечало тому «идеологическому климату» во взаимоотношениях науки и государства, который установился к тому моменту и не препятствовал советским медиевистам и византинистам чтить лучшие традиции своих дореволюционных предшественников. Так, в конце 1930-х – первой половине 1940-х гг. В. Г. Васильевскому и его вкладу в науку были посвящены ряд публикаций и защищенная кандидатская диссертация. В 1945 г. Е. А. Косминский, напоминая о ведущей позиции русского византиноведения в мировой науке и отмечая вклад двух крупнейших ученых – В. Г. Васильевского и Ф. И. Успенского, в своем выступлении на сессии Отделения истории и философии АН призвал византинистов «стать достойными этой традиции, стать достойными преемниками этих крупнейших представителей»<sup>3</sup>.

Однако развернувшиеся во второй половине 1940-х гг. идеологические кампании поменяли вектор «взаимоотношений» советских историков со своими предшественниками. Лучше всего эти изменения иллюстрируют слова Н. А. Сидоровой на заседании Ученого совета Института истории АН от 15 октября 1948 г.: «... мы должны отлично понять и отлично представлять себе то, что нет никакой непрерывной традиции, идущей от буржуазной науки к

<sup>1</sup> Архив РАН. Ф.2. Оп.1 (1948). Д.256. Л.5об.

<sup>2</sup> Там же. Л. 10–11. Любопытно и те мероприятия, которые не вошли в итоговый документ (вычеркнуты в проекте письма): продолжить издание «Трудов» В. Г. Васильевского, последний том которых вышел в 1930 г., и созвать в 1949 г. Сессию Отделения истории и философии АН по вопросам византиноведения, посвященную памяти историка (Там же. Л. 3).

<sup>3</sup> Там же. Ф. 457. Оп. 1. (1945–1953). Д. 15. Л. 3.

советской науки <...> Грань, от которой мы начинаем наши традиции, традиции советской науки — это грань положена Октябрьской революцией»<sup>1</sup>.

Такие изменения не могли не затронуть и планируемые на 1949 г. мероприятия, посвященные памяти В. Г. Васильевского. Подписанное С. И. Вавиловым на имя В.М. Молотова письмо, по всей видимости, так и не было отправлено. Последним документом, которым мы располагаем по данному вопросу, является справка от 3 ноября 1948 г. следующего содержания: «Доложено академику В. П. Волгину. Академик Волгин не считает целесообразным чествовать память академика Васильевского во Всесоюзном масштабе. С мнением академика Волгина согласилось Отделение истории и философии»<sup>2</sup>.

Как известно, никаких памятных мероприятий, посвященных 50-летию со дня кончины В.Г. Васильевского в 1949 г. проведено не было. Более того, дореволюционные византилисты на долгие годы перестали быть для советских историков объектом отдельного исследования и ученой рефлексии.

***С. Я. Свенссон***

*Стокгольмский Университет, Сениорский университет Стокгольма  
(Стокгольм)*

### **Византийское влияние в витражном искусстве XIII в. на острове Готланд (Швеция). К вопросу о датировке и мастерах**

XII–XIII вв. – время активных контактов Византии и Западной Европы. Данный процесс не обошел стороной и скандинавские страны, в том числе остров Готланд.

На острове существуют несколько групп памятников, связанных с византийской художественной традицией. Первым комплексом являются фрагменты расписных панелей, некогда составлявших декорацию деревянных храмов Готланда. Они были обнаружены в современных каменных церквях приходов Дальхем, Сундре и Эке, а в настоящее время находятся в Музее древностей острова. Росписи были выполнены в первой половине XII в., скорее всего, местными готландскими художниками, ориентировавшимися на византийско-русские образцы. Второй и несколько лучше сохранившийся комплекс составляют ансамбли фресковой живописи, украшающие стены церквей приходов Гарда и Челлунге. Росписи храмов относятся к середине – концу XII столетия и исполнены мастерами, прошедшими выучку в византийских мастерских и, вероятнее всего, приглашенными на остров. Третий комплекс составляют памятники каменной пластики, относящиеся в современной литературе к последней четверти XII – началу XIII в. – это, прежде

<sup>1</sup> Там же. Ф. 1577. Оп. 2. Д. 192. Л. 63.

<sup>2</sup> Там же. Ф. 2. Оп. 1 (1948). Д. 256. Л. 17.



всего, резные купели, выполненные мастером, который в шведской литературе получил название «Византий». Четвертый комплекс представлен витражами XIII в., обнаруженными в церквях более чем десяти приходов острова.

Эта последняя группа произведений практически не представлена в отечественной научной литературе. В зарубежной, прежде всего, шведской, немецкой и американской историографии, проблемы, связанные с влиянием византийского искусства на витражную живопись острова, получили более широкое рассмотрение.

Современные исследователи из общей группы витражей выделяют витражи церквей приходов Дальхем, Эндре, Руне, Лойста, Экебу и Барлингбу. В этих памятниках, датируемых серединой XIII в., черты византийского искусства просматриваются, согласно мнению современных исследователей, наиболее четко. Именно эти произведения будут интересовать нас в настоящей работе.

В литературе существуют разные точки зрения относительно происхождения мастеров. Некоторые исследователи приписывают их руке приглашенных из Западной Европы художников, другие говорят о работе над витражами местных готландских мастеров. Особняком стоит мнение о том, что витражная живопись была выполнена художниками, приглашенными из Русского государства. И все-таки подавляющее большинство исследователей сходятся во мнении, что создатели витражей имели западноевропейское, скорее всего, немецкое происхождение.

Главной проблемой в литературе является подбор аналогий указанным готландским памятникам. Все исследователи отдельно оговаривают сложность этого вопроса. В опубликованных работах можно встретить ссылки на самые разные памятники, порой из разных художественных эпох, от оттоновских манускриптов X в. до мозаик Сицилии середины – второй половины XII в.

Помимо вопроса подбора аналогий витражам о. Готланд в литературе существует и ряд других проблем, остающихся к настоящему моменту нерешенными. К ним относятся, например, вопросы о датировке витражей, одновременности или разновременности их исполнения, соотношении витражей с другим памятниками Готланда, испытавшими византийское влияние.

Благодаря грантам шведского фонда Берит Валленберг нам удалось ознакомиться как с памятниками витражной живописи Готланда, так и с основными аналогиями, привлекаемыми в литературе. Готландские витражи, по нашему мнению, относятся к довольно распространенному художественному явлению, когда традиции западноевропейского искусства сочетаются с традициями византийского. Таких явлений довольно много и, действительно, они принадлежат к разным временным периодам. Нет ничего удивительного в том, что буквальные аналогии найти оказывается невозможно. На наш

взгляд, в данном случае нужно искать аналогии не конкретным памятникам, а самому художественному явлению. Таких явлений немало, и они происходили на почве разных художественных традиций. Среди примеров мы можем назвать памятники владими́ро-суздальской каменной резьбы, средневековые мозаики Сицилии, искусство Германии около 1200 г. – этот список может быть продолжен. Всем этим явлениям найти буквальные аналогии сложно. Объединяющим их звеном является интерес заказчиков и создателей к византийскому искусству, а своеобразие этих памятников заключается в индивидуальности местных вкусов и художественных традиций.

Более важным в этом контексте, по нашему мнению, является вопрос о датировке витражей. Наши наблюдения показали, что даже самые ранние витражи Готланда, объединяемые обычно исследователями в одну группу, датируемую второй половиной XIII в., имеют между собой важные стилистические различия. Эти особенности каждого памятника говорят о том, что едва ли эти витражи могли быть выполнены одновременно. Этот тезис промелькнул в литературе 1950-х гг., но не получил дальнейшего развития. В нашем исследовании мы хотели бы снова возвратиться к этому мнению и обосновать его более подробно. Как витражная живопись Шартра (Франция) представляет развитие французского витражного искусства десятилетие за десятилетием, так и витражная живопись Готланда может представить нам историю готландских витражей в хронологическом порядке. Проведенный нами стилистический и иконографический анализ показал, что в группе ранних витражей можно выделить несколько подгрупп, которые появились последовательно в хронологическом порядке: витражи Дальхем, Эндре и Экебу в 1220–1235 гг., витражная живопись в Лойста и Руне в 1235–1265 гг. и витражное искусство Барлингбу в 1265–1280 гг.

Этот факт чрезвычайно важен: он свидетельствует о том, что интерес к византийскому искусству в культуре Готланда не оборвался резко в начале XIII в., как предполагалось в литературе, а продолжал существовать и определять вкусы готландских заказчиков вплоть до конца XIII в.

***Е. А. Семичева***

*Белгородский государственный национальный исследовательский университет (Белгород)*

### **Восток и Запад в позднеантичных бревиариях**

Позднеантичные компендиумы и, в частности, бревиарии – репрезентативные источники для изучения проблем идентичности, поскольку, будучи популярными среди широкого круга читателей, не отличающихся уже к IV в. эрудированностью и даже образованностью, они выступали своеобразным инструментом для конструирования стереотипов в массовом сознании. Цель



данного исследования – выявление специфики отношения к западным и восточным народам в брeвиариях Евтропия и Феста на основе анализа структуры и содержания этих текстов.

Сочинение Евтропия в соответствии с законами жанра не отличается богатством и разнообразием деталей, однако его пропагандистская направленность выражается, в первую очередь, противопоставлением императоров, оценка правления и личностей которых дана через призму успехов в расширении границ государства и личных военных побед<sup>1</sup>. Этот контраст особенно заметен, если речь идет об одном и том же правителе, например, Галлиене, политика которого именуется успешной, хорошей или пагубной в зависимости от указанного контекста (IX.8). Полярный характер имеют оценки гражданских войн и войн с внешним противником, а также знатность/незнатность происхождения императора. Народы, противостоящие римлянам, представлены преимущественно в этнических терминах или через категорию «варвары», причем Евтропий в ряде случаев указывает на них как союзников и «друзей римского народа» (V.5; VII.10). Однако выраженное различие в оценке войн с западным или восточным противником в работе отсутствует. Оба направления воспринимаются Евтропием как поле римской экспансии, стремления к главенству над всем миром: например, в одинаковом констатирующем тоне он пишет об успехе войн против германцев и персов (IX.1–2); восстановителем Востока и Запада называет Аврелиана (IX.13), говорит об Постуме и Оденате как спасителях Рима на Западе и Востоке соответственно (IX.11).

Несколько иначе обстоит дело с Брeвиарием Феста. Представляя собой еще более сокращенную версию римской истории, этот текст интересен не столько вполне тривиальным содержанием, сколько своеобразием структуры, которая имеет двухчастный характер, четко разграничивающий процесс присоединения западных и восточных провинций, в том числе через сочетание хронологического и географического принципа их описания. Большинство зарубежных исследователей отмечает структурное единство брeвиария, основанное на таком видении империи, эталоном предполагаемого территориального расширения которой является восстановление восточных границ<sup>2</sup>. Фактически Фест представил императору Валенту сводный отчет о терри-

---

<sup>1</sup> *Егоров А.Б.* Императорская власть в «Брeвиарии» Евтропия // Античное общество – IV: Власть и общество в античности. Материалы международной конференции антиковедов. СПб., 2001. URL: <http://centant.spbu.ru/centrum/publik/confcent/1997-10/egorov.htm>; *Кареев Д. В.* Взаимоотношения Рима и Парфии в интерпретации «малых» римских историков IV века // Вестник Ивановского государственного университета. 2008. Вып. 3. С. 74–80.

<sup>2</sup> *Kelly G.* The Roman World of Festus' Breviarium. Unclassical traditions. Vol. 1: Alternatives to the Classical Past in Late Antiquity. Cambridge, 2003. P. 78; *Rohrbacher D.* The Historians of Late Antiquity. Routledge, 2002. P. 61.

ториальных завоеваниях Рима с особым акцентом на восточной границе, в котором первая часть, предлагающая более широкий исторический контекст, выступает необходимым условием понимания прямой цели автора, выраженной в главах второй части. М. Раймонди считает, что такое построение работы связано с намерением Феста представить Запад как «мятежников», а Восток как «друзей и союзников» Рима, что, по мнению исследовательницы, вписывается в рамки патриотических идей автора, ориентированных на восточный внешнеполитический вектор<sup>1</sup>.

В этой связи заметим, что Евтропий, перечисляя изгнанных Митридатом из Вифинии, Пафлагонии и Каппадокии царей, называет их «*amici populi Romani*» скорее в соответствии с традицией, фокусируя внимание на личности понтийского царя и его конфликте с сенатом (Eutr. V.5). Фест представляет этот сюжет несколько иначе: также называя Полемона «*amicus populi Romani*», он смещает акцент на позитивную характеристику каппадокийцев в целом, поскольку они, по его мнению, стремились к партнерству с Римом еще со времен Ариарата и всегда были для римлян «*auxilia nostra*» (Fest. XI.3). Показательны, кроме того, такие фразы Феста в отношении восточных народов, как: «персы признавали превосходство римлян не только в оружии, но и в нравах» (XXV.3), упоминание, что парфяне первыми просили и получили дружбу с Римом (XV.2). Напротив, именно войны с галлами Фест называет самыми тяжелыми – *gravissima bella* (VI.1) и при всей сухости изложения подчеркивает жестокость фракийцев эпитетами «*saevissimi*», «*pariter crudele et callidum*» (IX.1–2), явно контрастирующими с теми, которые применялись им при описании восточных народов.

Таким образом, несмотря на единство жанра и читательской аудитории, общий круг источников, прямые текстуальные параллели и идеологическую направленность бревиариев, сочинение Феста отличается структурными и, отчасти, содержательными акцентами в отражении взаимодействия Рима с его западными и восточными соседями. Пропагандистский характер этой брошюры выражен более явно – она была призвана сформировать необходимое официальному двору представление о Востоке и взаимоотношениях с ним в исторической ретроспективе и подготовить общественное мнение в отношении восточной кампании Валента.

---

<sup>1</sup> Raimondi M. Il Breviarium di Festo e il funzionariato cappadoce alla corte di Valente // *Historia*. 2006. Vol. 55/2. P. 201.



**В. В. Серов, Ю. А. Крейдун**

*Барнаульская православная духовная семинария (Барнаул)*

### **Церковные новеллы 536 г. и финансовая политика Юстиниана I**

Новеллы императора Юстиниана сохраняют значение весьма важного исторического источника по истории Византийского государства. Комплексный анализ текста любой, даже тематически ограниченной императорской конституции, позволяет открывать новые аспекты социальных, экономических и политических взаимоотношений всех фигурирующих в нем участников исторических событий. Примером тому служат и так называемые «церковные» новеллы Юстиниана I.

Юстиниановские конституции церковной и религиозной тематики известны исследователям обширным объемом и теоретической глубиной. До 536 г. все они, в общем, посвящались идее укрепления величия православной церкви и ее материальной опоры. Но в новелле 46 (17.08.536) император заявил о своем намерении сократить размер издаваемых церковных конституций, и с этого времени соответствующие законы приобрели сравнительную с прежним временем компактность и, главное, стали корректировать и конкретизировать ранее сделанные императорской властью заявления общетеоретического характера, наподобие принципиального запрета отчуждения недвижимости, принадлежавшей религиозным учреждениям. Законодательство о церковных делах приобрело большую практичность и обогатилось тематически.

Одним из новшеств 536 г. явилось соединение в новелле таких разнонаправленных векторов политики, как защита государством имущественных прав церкви и императорские финансы. Последние, как известно, располагались в иерархии государственных ценностей на первом месте, и государственная казна, с которой все чаще ассоциировался и императорский фиск, обладала большими, чем церковь, имущественными привилегиями. В 536 г. впервые в церковных конституциях Юстиниана (конкретно – в новелле 46) отчетливо говорится не только о наличии у распорядителей церковными имуществами налоговых обязательств, но и о хронической налоговой задолженности церковных организаций.

Противопоставление имущественных интересов церкви и государства составляет неожиданную проблему для императора, которую тот решает в пользу государственных (императорских) интересов, проведя корректировку принятого годом ранее генерального положения о незыблемости права церкви на недвижимое имущество. И если в новелле 40 запрет отчуждать церковную недвижимость был скорректирован в основном в пользу церкви, то в новелле 46 корректировка делалась уже в пользу имперских финансов.

В новелле 46 законодатель создал механизм отчуждения церковной недвижимости за фискальные долги, введя для удобства и простоты его осуществления специальную юридическую формулу (*pro soluto*), что свидетельствует о достаточной распространенности практики налоговой задолженности религиозных учреждений. Прописанная схема отчуждения выглядит так: имеющая фискальный долг церковная организация по специальному разрешению правителя провинции передает свою недвижимость тому, кто выражает готовность приобрести таковую; деньги за нее получает казна, приобретатель же обретал лежащее на ней бремя казенного долга; вероятно, он приобретал и право продать купленные таким образом владения кому угодно без специального разрешения.

Столь революционное для религиозной и церковной политики Юстиниана I новшество стало возможным в известных условиях. Среди таковых не последнее место занимает сложная для императора финансовая ситуация, сложившаяся в конце 535 г., в частности, в связи с перспективой продолжения военных действий в Африке и Италии.

Таким образом, христианская церковь Византии при Юстиниане I оказалась в большей мере, нежели прежде, задействованной в императорской финансовой политике.

**М. М. Сеница**

*Белгородский государственный национальный исследовательский университет (Белгород)*

### **Природные явления как предзнаменования исторических событий в ранней Византии (по трактату «О знамениях» Иоанна Лида)**

Тема исследования посвящена трактату «О знамениях» ранневизантийского писателя, ученого, преподавателя и государственного чиновника Иоанна Лида. Он жил в первой половине VI в. в эпоху царствования императоров Анастасия, Юстина I и Юстиниана I (PLRE II, 612–615). Работа «О знамениях» написана в начале 40-х VI в. гг., когда Иоанну Лиду было около 50 лет (Maas 1992, p. 8). В данном трактате автор собрал и систематизировал всю известную информацию о природных знамениях и их толковании в древнеримской религиозно-календарной традиции в качестве предзнаменований событий человеческой истории. Природные явления он разделяет на категории, последовательно излагая, начиная от наиболее важных.

1. Затмения (De ost. 9–12). Делятся на солнечные и лунные. Если солнечные затмения носят всеобщий характер, лунные более локальные. Затмение – неблагоприятное природное явление, хотя относительно. Солнце является благоприятным для Азии, поэтому солнечное затмение особо опасно для Ев-



ропы. Степень неблагоприятности солнечного затмения зависит от знака зодиака, в котором оно происходит. По уровню опасности все знаки сгруппированы в 4 группы по три знака: полевые (Козерог, Телец, Дева); человеческие (Близнецы, Весы, Водолей); водные (Рак, Скорпион, Рыбы); царские (Овен, Лев, Стрелец). Также характер последствий затмения зависит от цвета светила, формы и цвета его диска и лучей, наличия облаков, времени, когда оно случается. Лунные затмения наблюдаются в определенные ночи по лунному циклу. Предсказание делается по цвету, форме и количеству дисков, наличию падающих звезд.

2. Кометы (De ost. 13–15). Описываются виды комет по их форме, особенности движения согласно исследованиям Кампестрия. Это очень неблагоприятное явление. Предзнаменование зависит от планеты, относительно которой она движется, формы кометы и направления движения. В зависимости от направления, формы и цвета предсказывает различные события. Дается характеристика цвету и направлению движения кометы каждой формы.

3. Наблюдение луны (De ost. 16–20). Описываются знамения для солнечных и лунных затмений, когда луна находится в определенном знаке зодиака (De ost. 16–20). Наблюдения луны в различных знаках зодиака на восходе или закате в зависимости от цвета и формы диска, времени ночи, наличия падающих звезд. Предсказания бывают благоприятные и неблагоприятные.

4. Громы (De ost. 21–41). Дается общая характеристика методам наблюдений грома (бронтоскопий). Предзнаменования благоприятные и неблагоприятные. Сначала рассматривается гром, когда солнце находится в определенном знаке зодиака по учениям древних египтян (De ost. 23–26). Эти предзнаменования носят локальный характер и актуальны для определенных географических регионов. После этого следует перевод «Бронтоскопии» Нигидия Фигула (De ost. 27–38), где дается благоприятное и неблагоприятное предсказание по удару грома каждый день каждого месяца на весь год, и «Бронтоскопии» Фонтя (De ost. 39–41), где дается предсказание по грому, когда луна находится в определенном знаке зодиака.

5. Луна в летнем тропике (De ost. 42). Следует перевод «Всеобщего наблюдения луны по летнему тропику» Лабсона, рассматривается восход луны в одиннадцатой части Рака в разных знаках зодиака и соответствующие каждому случаю предзнаменования. Они могут быть благоприятные и неблагоприятные.

6. Молния (De ost. 43–52). Приводятся рассуждения о природе молний и характеристика их видов по происхождению, куда они попадают, а куда не могут попасть. Знамения благоприятные и неблагоприятные, однако если молния сверкает при ясной погоде – это неблагоприятное предзнаменование. Описываются предзнаменования при ударе молнии, когда солнце находится в определенном знаке зодиака.

7. Землетрясения (De ost. 53–58). Рассматриваются их природа, причины возникновения и сезоны, когда они наиболее часты. Дается характеристика предзнаменований землетрясений, когда солнце находится в определенном знаке зодиака. Знамения носят локальный характер и распространяются на определенные территории.

8. Календарь погоды Клодия Туска в переводе на греческий (De ost. 59–70). Указываются наблюдения за природными явлениями (ветры, дожди, град, восход звезд) на каждый день каждого месяца на целый год.

9. Этническая география (De ost. 71). Все регионы ойкумены и населяющие их народы соотнесены с определенным знаком зодиака.

Все знаки зодиака Иоанн Лид делит на мужские (Овен, Близнецы, Лев, Весы, Стрелец, Водолей) и женские (Телец, Рак, Дева, Скорпион, Козерог, Рыбы), делая особо актуальными предсказания для соответствующего пола растений, животных и людей (De ost. 23). Предсказания касаются хозяйственного земледельческого цикла и животноводства (урожаи и неурожаи, изобилие и гибель всех или отдельных видов плодов, животных, рыб, падеж скота, болезни животных, появление змей, саранчи, сорняков), погоды и природных катаклизмов (холод, засуха, дожди, град, наводнения, землетрясения, пожары), социальных (голод, нужда, недостаток необходимого, болезни и смерть людей, гибель детей, первенцев) и политических проблем (войны, набеги, смуты и восстания, заговоры, разбои, убийства, захват в рабство, репрессии, гибель знатных людей, свержение царей, захват городов и государства).

Таким образом, Иоанн Лид стремится рассмотреть предзнаменования не как некие чудеса, противоречащие законам природы, а как естественные следствия природных явлений. Такой подход соответствовал позднеантичной картине мира, где все явления считались взаимосвязанными и взаимообусловленными. Науку о предсказаниях Лид воспринимает как вполне «научный» элемент языческой религии, который полезно из нее заимствовать. Он обращается к языческой древнеримской, древнегреческой и древнеегипетской традициям.

***Г. В. Скотникова***

*Санкт-Петербургский институт культуры,  
Российский институт истории искусств (Санкт-Петербург)*

### **Владимирская земля XII в. как «Царство Марии»: русское претворение византийской традиции**

В XII в. Владимирская земля становится духовно-культурным центром русского мира. Именно в ней во второй половине века, в период правления князей Андрея Боголюбского (1157–1174) и Всеволода Большое Гнездо (1176–1212), начинается переход от Киевской Руси к Московии. Здесь осу-



ществляется идея создания избранного удела Божией Матери, мощная храмоздательная программа, вырабатываются архетипы, духовные опоры, ставшие фундаментальными для отечественной культуры. Во Владимиро-Суздальском княжестве Русь утверждает свою национальную самостоятельность, творчески претворяя византийскую традицию, являя самобытность, укорененную в своеобразии мироощущения и всего духовного склада народа.

Воспринимая себя как органичную часть «Византийского содружества наций», христианского сообщества, центром которого была Византия, руководствуясь идеей «симфонии властей», Русь в своей политической реальной практике была независима, естественно представляя свои отношения с Византией в двух различных планах. Не случайно в храмоздательной программе Андрея Боголюбского и Всеволода Большое Гнездо осуществлена целенаправленная антикиевская и антивизантийская линия, проявившаяся в частности в приглашении латинских мастеров.

Следует подчеркнуть, что XII в. принадлежит особая роль в истории культуры Византии и ее духовной преемницы Древней Руси. Это был период необычайно одухотворенного, яркого подъема, расцвета художественно-церковного мира. Что, как известно, в Средневековье являлось проявлением усиления духовного горения, мощного устремления к преобразению жизни и «внутреннего человека». О чем свидетельствуют уникальные памятники храмового зодчества, иконописи, произведений словесности.

Переживая период княжеских междоусобиц, политической турбулентности, Русь середины и второй половины XII в. мощно собирает духовные силы. Ярким свидетельством чему является, рост соперничающих между собой городов, расцвет церковного зодчества, развитие паломнического движения, дающих ощущение защиты и покровительства небесными силами Русской земли.

Если Византия, в которой сохраняет свою силу античная, римско-юридическая традиция, называет себя царством ромеев – Βασιλεία τῶν Ῥωμαίων, то Русь ощущает и созидает себя как «Царство Марии». Это дает ей силу, радость, свет, смысл бытия. Именно эта идея воплощена в храме Покрова на Нерли, который исследователи называют «лучшей постройкой владимирских зодчих» (Н. Н. Воронин), «сердцем России» (А. М. Лидов), в котором можно видеть символ Владимирской земли под Покровом Богоматери – символ «Царства Марии». Бесконечным почитанием пользуются иконы Богоматери – Владимирская и Боголюбская, созданная на русской земле в XII в. (и добавим возрожденная реставраторами XXI в.).

Большинство храмов Владимиро-Суздальского княжества посвящено Богоматери и Богородичным праздникам. Андрей Боголюбский устанавливает праздник Покрова Пресвятой Богородицы. Этот праздник не отмечался и не отмечается до сих пор ни на христианском Востоке, ни на христианском

Западе. Его установление стало проявлением стремления Андрея Боголюбского к достижению политической и религиозной независимости. Установление Праздника Ризоположения уподобляло Владимир Константинополю, посвященному Пресвятой Богородице. Однако Золотые (Триумфальные) ворота во Владимире стали чисто русским сооружением, ибо были дополнены возведением надвратного храма Положения риз Богоматери.

Дмитриевский собор, построенный князем Всеволодом в честь своего небесного покровителя, вводил город в круг всемирных столиц, в единое сакральное пространство. Олицетворением Богородицы стал как бы парящий над городом Успенский собор, возведенный Андреем Боголюбским и расширенный Всеволодом Большое Гнездо.

В XII в. русская архитектурная школа создала на Владимирской земле храмы, ставшие воплощением национальных духовных архетипов, прежде всего идеи Покрова Богородицы, Владимирской земли как «Царства Марии».

**О. А. Туминская**

*Государственный Русский музей (Санкт-Петербург)*

### **Византийские экспозиции Русского музея: 1898–1928 гг.**

Проект Положения о Русском Музее императора Александра III (1881–1894) в статье 597 за № 44 от 3 мая 1897 г. определил структуру и деятельность создаваемого под его патронажем нового культурно-просветительного учреждения<sup>1</sup>. Музей делился на три отдела, среди которых самым обширным являлся «II. Художественный»<sup>2</sup>. Памятники искусства, переданные из императорских дворцов, Эрмитажа и Академии художеств, распределились по отделам. Отделение христианских древностей (его основа – коллекция собрания Музея христианских древностей Императорской Академии художеств) вошло в Художественный отдел.

Отделение христианских древностей открылось 7 (19) марта 1898 г. Оно вошло в состав Русского музея императора Александра III наравне с предметами искусства светского характера и заняло отведенную ему площадь на I этаже восточного крыла Михайловского дворца. Первые у входа четыре зала (с XXI по XVIII) были оформлены по стилевому и региональному типу расположения коллекции. В XXI зале располагались греческие, византийские

---

<sup>1</sup> Одно из указаний Положения о музее гласит: «Все выставки должны быть обязательно русским, т. е. производимое или употребляемое исключительно в пределах Империи. Таким образом, весь Музей в совокупности явиться как бы картиною всей России» (ОР ГРМ. Ф. 127. Оп. 1. Ед. хр. 54. Проекты Положения о Русском Музее и объяснительные записки к ним. 12.03.1897–21.05.1901. 144 л. Л. 61).

<sup>2</sup> Собрание узаконений и распоряжений правительства, издаваемые при правительствующем Сенате (ОР ГРМ. Ф. 127. Оп. 1. Ед. хр. 1. 68 л. Л. 11–11 об.).



иконы и иконы с Афона и Италии. В XX зале была представлена московская школа иконописи, царские и Строгановские письма, выставлена коллекция В. А. Прохорова, переданная Русскому музею из Музея христианских древностей Императорской Академии художеств. XIX зал отображал стиль центральных областей Руси и периферийных. В этом зале висели иконы баронских писем, строгановских, поморских, фряжских, московско-преображенских и выставлены Царские двери. К открытию музея было выпущено «Обозрение отделения христианских древностей»<sup>1</sup>, в котором подробно описывалось представляемое богатство памятников иконописи и декоративного искусства (светильники, резные фигуры старцев, кресты, хоругви, оклады, чернильницы, пуговицы и др.).

Среди сотрудников Художественного Отдела проходило обсуждение памятников Византии. Специалисты составили план выставки «Живопись Византии и круг ее влияний»<sup>2</sup>, но она не состоялась. Известен каталог, напечатанный по распоряжению Государственного Русского музея и директора И. Воробьева в августе 1928 г., составителем которого был византинист Алексей Петрович Смирнов<sup>3</sup>. Он «поступил на службу в Русский музей в 1920 г.

<sup>1</sup> Обозрение отделения христианских древностей в музее Императора Александра III (Краткое описание зал XVIII–XXI). СПб.: Тип. «В. С. Балашовъ и К<sup>о</sup>», 1898. 147 с.

<sup>2</sup> План выставки «Живопись Византии и круг ее влияний» включал развеску предметов искусства по следующим группам: 1) образцы эллинистического искусства как источника византийской художественной культуры, устанавливающие преемственность и понимание проблем цвета, фактуры, объема (или плоскости) и конструкции; 2) образцы искусства древнего Востока, участвовавшие в развитии художественных принципов Византии; 3) образцы иконографии древнего мира, принадлежащие созданию христианской иконографии; 4) образцы византийского искусства до VIII в.; 5) византийская живопись эпохи расцвета (X и XII вв.); 6) византийская живопись XIV–XV вв.; 7) итало-греческая икона; 8) ранне-итальянские школы (Венеция, Сиена, Пиза, Флоренция); 9) живопись балканских славян; 10) искусство Киевской эпохи; 11) живопись Новгорода и Пскова; 12) живопись Москвы и севера (вплоть до Поморья); 13) искусство Кавказа; 14) искусство Персии; 15) искусство Средней Азии; 16) влияние Византии на мусульманское искусство; 17) Коптское искусство; 18) принципы византийского искусства в современной живописи (ВА ГРМ. Ф. ГРМ (I). Оп. 6. Ед. хр. 266. Выписка из Журнала заседаний комиссии отдела об устройстве выставки «Живопись Византии и круг ее влияний». 24.01.1922–23.12.1922. 57 л. Л. 6–8).

<sup>3</sup> Византинист, исследователь истории и культуры христианского Востока, ученик И.Д. Андреева (по истории церкви) и И.М. Гревса. Вторично арестован 29 апреля 1929 г. (дело кружка «Воскресение»); обвинен по ст. 58–11 УК РСФСР. 22 июля 1929 г. осужден Коллегией ОГПУ на 3 года ИТЛ. Скончался 10 марта 1930 г. в санчасти 1-го отд. СЛОН (Попов остров) «от нарастающего упадка сердечной деятельности» (сыпной тиф): *Залеская В. Н.* А.П. Смирнов // *Византиноведение в Эрмитаже*. Л., 1991. С. 62–64.

и сразу же включился в напряженный ритм работы музея, характерный для первых послереволюционных лет...»<sup>1</sup>

В Отделении древнерусского искусства в 1925 г. выполнено переоборудование и новая развеска памятников византийского, итало-греческого и поздне-греческого искусства в зале № XVIII.<sup>2</sup>

В августе 1928 г. по распоряжению директора музея И. Воробьева издан Путеводитель по экспозиции византийской живописи, входящей в состав Художественного Отделения. Описание начиналось с III зала: «Отделение древнерусского искусства в общей структуре экспозиции Художественного Отделения является вводным и понимание тех художественно-культурных процессов, которые имели место в древнерусском искусстве со времени принятия Русью христианства в византийской образованности, и которые представлены в экспонатах дальнейших зал»<sup>3</sup>.

В секторе Архива изображений наличествуют отпечатки под названием: «Внутренний вид Византийского зала» фотографа Н.В. Успенского<sup>4</sup>, относящиеся к 1930 г.

**О. Г. Ульянов**

*Центральный музей древнерусской культуры и искусства имени Андрея Рублева (Москва)*

### **Первоначальный статус Русской Церкви по данным византийских источников X в. из собрания Österreichische Nationalbibliothek**

Проблема основания Русской Церкви до сих пор остается камнем преткновения для современных историков. В российской историографии гипотезу Э. Хонигманна о том, что «Русская митрополия в составе Цареградской Патриархии была учреждена не позднее 997 г.», принято считать «окончательно доказанной». Единственный аргумент сторонников этой точки зрения (М. В. Левченко, Я. Н. Щапов, А. В. Назаренко) – место митрополии «Ῥωσίας» в нотициях Константинопольского Патриархата перед Аланской епархией (ок. 997/998 г.)<sup>5</sup>. «По данным составленного ок. 1087 г. списка митрополий Константинопольской Церкви, Русская митрополия в составе Цареградской

<sup>1</sup> Пивоварова Н.В. А.П. Смирнов – помощник хранителя отделения древнерусского искусства Государственного Русского музея // Хранители. Материалы XI Царскосельской научн. конф. СПб., 2005. С. 272–280.

<sup>2</sup> Общий обзор деятельности ГРМ за 1925 г. (ОР ГРМ. Ф. 128. Оп. 1. Ед. хр. 293. 58 л. Л. 17–18).

<sup>3</sup> Смирнов А.П. Памятники византийской живописи. Государственный Русский музей: Художественный Отдел. Л., 1928. 33 с., илл.

<sup>4</sup> Успенский Николай Викторович – научный сотрудник Художественного Отдела, фотограф. Работал в музее с 16 сентября 1926 г. по 1 мая 1932 г.

<sup>5</sup> Ficker G. Byzant. Neugriech. Jahrbuch. III 1928. S. 93-95.



Патриархии была учреждена не позднее 997 г. одновременно с крещением Владимира и киевлян или в первые же годы после него»<sup>1</sup>.

Между тем, новейшие исследования полностью опровергают устаревший аргумент об изначальном вхождении Киевской митрополии прежде Алании в юрисдикцию Константинопольского Патриархата<sup>2</sup>. После критики А. В. Назаренко стал при участии А. Ю. Виноградова дезавуировать свою причастность к монополизации «окончательно доказанной» гипотезы, указав на надпись 965 г. из Сентинского храма с упоминанием митрополита Алании (находка 2002 г.)<sup>3</sup>. Поменяв датировку учреждения Киевской митрополии «ближе к концу правления Владимира», А. В. Назаренко по-прежнему остался не в ладу со всей совокупностью научных данных.

В частности, помимо нотаций, важную информацию по ранней юрисдикции Русской Церкви содержит послание еп. Льва Синадского (937–1003) анонимному митрополиту Эфесскому (Cod. Vindob. Phil. Gr. 342. fol. 163v, 166v–167v.) из собрания Österreichische Nationalbibliothek<sup>4</sup>. Венский манускрипт уже удостоился подробного описания в ряде работ<sup>5</sup>, однако его анализ применительно к реалиям времени Крещения Руси не был до сих пор предпринят. Более того, в литературу проникла ошибочная атрибуция послания митрополиту Эфесскому Феодору II (989 (984?) – 1018 (1019)), который яко-

<sup>1</sup> Назаренко А.В. Крещение Руси при св. равноап. кн. Владимире и первоначальная организация Русской Церкви // ПЭ. М., 2000. Том 0. А.В. Назаренко не учел, что «архиепископ Алании» Петр впервые упоминается в письмах патриарха Николая Мистика (52, 133) 914–916 гг.: Nicolaus Mysticus. Epistulae / Ed. R.J.H. Jenkins, L.G. Westerink. [CFHB. Vol. 6]. Washington, D.C., 1973. P. 284.75–286.98, 434.61–67.

<sup>2</sup> Ульянов О.Г. Возникновение русской монархии при Владимире I Святославовиче и проблемы ее легитимности // Власть, общество и человек в средневековой Европе V–XVII вв. МГУ, 27–28 января 2006 г.; Он же. Древнейший Устав на Руси и его отражение в памятниках Остромирова Евангелия // Заседание Ученого совета ИРЯ имени В. В. Виноградова 19 июня 2007 г. в честь 950-летнего юбилея Остромирова Евангелия; Он же. Коронация Владимира Святого в контексте первоначальной юрисдикции Русской Церкви // Крест и держава: 1000-летие Святого Владимира – Крестителя Руси. Международная церковно-научная конференция 23 января 2015 г.

<sup>3</sup> Назаренко А.В. О времени учреждения Киевской митрополии // Русь эпохи Владимира Великого: государство, церковь, культура. Материалы Междунар. науч. конф. СПб., 2017. С. 162–165, 174.

<sup>4</sup> Автор считает своим долгом поблагодарить венских коллег (Dipl.-Ing. (FH) Mag. Ingeborg Formann и Hans Peter Zimmer) за предоставленную возможность подробно исследовать эту греческую рукопись XI в.

<sup>5</sup> С неточностями: Lampros Sp. Ἐπιστολαὶ ἐκ τοῦ Βιενναίου κώδικος Phil. gr. 342 // NE. 1925. Т. 19. Σ. 4, 23–24; 1926. Т. 20 (1926). Σ. 324–342; Darrouzès J. Épistoliers byzantins du X<sup>e</sup> siècle // Archives de l’Orient chrétien. P., 1960. Vol. 6. P. 194.

бы сопровождал Анну Порфирородную в Киев ко двору Владимира Святого<sup>1</sup>.

Очевидно, что сам факт длительного пребывания Феодора II на Эфесской кафедре и полное отсутствие упоминания митрополита с таким именем в древнерусских источниках ставит под сомнение его участие в официальной церемонии бракосочетания Владимира и Анны, равно как и в процессе учреждения Киевской митрополии. Вместе с тем уникальное историческое свидетельство «Утвердительной» грамоты Константинопольского патриарха Иоасафа II, что чин венчания Владимира Святого на царство совершил митрополит Эфесский, «имеющий Антиохию (Ἀντιοχ[είας ἐπέχων]v)»<sup>2</sup>, позволяет совершенно по-новому оценить послание еп. Льва Синадского, который обращается к митрополиту Эфесскому как к «главе Церкви» («κεφαλὴ οὖν καὶ στόμα καὶ λόγος καὶ νοῦς τῆς ὅλης ὧν ἐκκλησίας») в ответ на хрисовул («ἰς τὸν Ἐφέσον, διὰ χρυσοβουλίου»). Антиохийский патриарх Агапий († 19.09.997) поддержал мятежника Варду Фоку, самопровозглашенного императором в августе 987 г., что могло стать причиной назначения митрополита Эфесского местоблюстителем Антиохийского престола (*locum tenens*)<sup>3</sup>, в связи с чем и были разосланы императорские хрисовулы, один из которых получил еп. Лев Синадский.

Данные о митрополите Эфесском как главе Церкви, посланном императором Василием II на Русь, чтобы возглавить чин крещения и венчания на царство Владимира Святого, коррелируют с известиями о протоколе встречи великого князя с «преосвященным митрополитом Михаилом, и взях его первого митрополита от патриарха и от всего Собора, почтенаго **лампадою и саком, яко втораго патриарха**; с ним ж крестих всю Русскую землю»<sup>4</sup>.

Факт создания автокефальной Киевской митрополии со времени Крещения Руси Владимиром Святым вместе с митрополитом Эфесским, названного «главой Церкви» в греческой рукописи XI в. из собрания Österreichische Nationalbibliothek, отражен в трактате архим. Нила Доксопатра «Порядок патри-

<sup>1</sup> The Correspondence of Leo, Metropolitan of Synada and Syncellus / Ed. M.P. Vinson. [CFHB. Vol. 23]. Washington (D.C.), 1985. P. 60, 121–122; *Бородин О.Р.* Рец. на: The Correspondence of Leo, Metropolitan of Synada and Syncellus // ВВ. 1988. Т. 49. С. 216; *Милютенко Н.И.* Святой равноапостольный князь Владимир и Крещение Руси. СПб., 2008. С. 306, 326.

<sup>2</sup> *Ульянов О.Г.* Венчание на царство Владимира Святого и утверждение царского титула Ивана Грозного в грамоте Константинопольского патриарха Иоасафа II // Историк и общество. Исторический факт и политическая полемика. М., 2011. С. 80–97.

<sup>3</sup> *Darrouzès J.* La Régistre synodal du patriarcat byzantine au XIV<sup>e</sup> siècle. Étude paléographique et diplomatique. P., 1971. P. 336.

<sup>4</sup> РГБ. Ф. 256. № 235, Л. 136–137. Ср.: «взях себе от **перфировгенитое** и от всего святого собора первого митрополита ... на всю Русскую землю, **почтенаго лампадою и саком**» (Древнерусские княжеские уставы XI–XV вв. / Изд. подг. Я.Н. Щапов. М., 1976. С. 72).



арших кафедр» (Τάξις τῶν πατριαρχικῶν θρόνων) ок. 1143 г.<sup>1</sup>, не упомянутом А. В. Назаренко. В списке 65 митрополий Константинопольского Патриархата (42 древние, за ними — новые) нет Русской митрополии, но указано, что «Кипр является автокефальным, и в великой Руси митрополиты поставляются от патриарха Константинопольского» (f. 229). Аналогии есть в 8 нотиции (X в.), где архиеп. Болгарии и архиеп. Кипра после пяти патриархов перед митрополитами, подчиненными Константинополю<sup>2</sup>.

**Д. Л. Фролов**

*Ярославский государственный университет имени П.Г. Демидова  
(Ярославль)*

### **Ромей: или архонт, или виллан? Категории свободного и зависимого населения в государствах франкократии**

Еще во время первых крестовых походов представители византийского и западноевропейского социумов стали вступать в достаточно тесные контакты друг с другом. Однако завоевание Константинополя крестоносцами в 1204 г. привело к неизвестному до того времени виду взаимодействия, характеризовавшемуся полным подчинением ромеев (от аристократа и до парика) новым властям. Латинские правители (или главы администрации) могли вести свое происхождение из нефеодальных обществ (как правило, венецианского, генуэзского и каталанского) или из феодальных. В последнем случае их владычество принято описывать термином «франкократия».

Существенный вклад в изучение социальной структуры франкских государств внес Д. Якоби. Базовым элементом его концепции следует признать разделение «греческого» общества на две правовые категории: архонтов и вилланов<sup>3</sup>. Обоснованность данного мнения не представляется нам достаточной, поскольку автор так и не выявил объективные критерии, позволяющие отнести ту или иную группу местного населения к свободной или зависимой<sup>4</sup>. Не были они установлены и в обобщающих работах П. Локка и Ф. ван Трихта<sup>5</sup>.

<sup>1</sup> Fink F. Des Nilos Doxopates Τάξις τῶν πατριαρχικῶν θρόνων armenisch und griechisch herausgegeben / Ed. F.N. Fink. Wagnersche Buchhandlung, 1902. P. 30.19.

<sup>2</sup> Darrouzès J. Notitiae episcopatum Ecclesiae Constantinopolitanae. P., 1981. P. 290.

<sup>3</sup> Примечательно, что к последним исследователь относит не только византийских крестьян, но и духовенство с горожанами: Jacoby D. The Encounter of Two Societies // The American Historical Review. 1973. Vol. 78. № 4. P. 891; *Idem*. Social Evolution in Latin Greece // A History of the Crusades / Ed. by K.M. Setton. Madison, 1989. Vol. 6. P. 197–198, 218.

<sup>4</sup> Впрочем, Д. Якоби отмечает, что основой привилегированного положения архонтов являлись их фискальные привилегии: Jacoby D. Social Evolution... P. 198.

<sup>5</sup> Lock P. The Franks in the Aegean. N. Y., 1995; Van Tricht F. The Latin Renovatio of Byzantium. Leiden; Boston, 2011.

Между тем в Северо-Восточной Франции, родине большинства латинских рыцарей, основным правом любого независимого лица являлась смена места проживания<sup>1</sup>. Некоторые специфические черты были присущи статусу феодалов (владение фьефом, возможность сбора налогов, отправление правосудия) и духовенства (нахождение под церковной юрисдикцией).

В тексте «Ассиз Романии» содержатся сведения, позволяющие нам утверждать, что архонты на территории франкократии пользовались практически всеми привилегиями рыцарского положения. Так, местная знать имела свободу в выборе сеньора, обладала фьефами (наследственными и ненаследственными), взимала подати с подвластного населения и разбирала гражданские дела своих крестьян<sup>2</sup>.

Ортодоксальное духовенство с приходом латинян, на первый взгляд, разделило вилланскую участь. Количество налогов и других повинностей, возложенных на клириков, действительно, было весьма существенным. В описях доходов Никколо Аччайуоли встречаются термины *acrosticum*, *servicium*, *debitum*, а также несколько расплывчатое понятие *alia jura*. Плата со священников собиралась как за проживание на части сеньориальных земель (*stasia*), так и за обработку пустующих крестьянских наделов (*appactuatio*)<sup>3</sup>. Вместе с тем, по решению Второго Равеннского парламента (1210 г.) византийские «папы» были выведены из-под юрисдикции светской власти и уравнены в правах с западными служителями церкви<sup>4</sup>. Данное постановление имело силу и в дальнейшем, о чем свидетельствует отсутствие регламентации статуса византийского клира в тексте ахейских «Ассиз».

В абсолютную зависимость от западных сюзеренов не попало и население крупных городов Латинской империи и Фессалоникского государства. В частности, согласно содержанию некоторых фрагментов хроники Жоффруа де Виллардуэна, горожане были способны самостоятельно менять место обитания, а в отдельных случаях даже выбирать себе сеньора-«покровителя». Само установление отношений между правителем и какой-либо общиной определялось термином *fealté*. Договор заключался в присутствии делегатов от обеих сторон у стен поселения<sup>5</sup>, что представляется крайне значимым

<sup>1</sup> Бессмертный Ю.Л. Феодальная деревня и рынок в Западной Европе XII–XIII веков. М., 1969. С. 242.

<sup>2</sup> Liber Consuetudinum Imperii Romaniae // Barbarorum leges antiquae / A cura di P. Canciani. 1785. § 42, 68, 71, 138.

<sup>3</sup> Documents sur le régime des terres dans la principauté de Morée au XIV<sup>e</sup> siècle / Ed. par J. Jongnon, P. Topping. P., 1969. P. 37, 41, 42, 47.

<sup>4</sup> Innocentii III Regestorum sive Epistolarum // PL. T. 216. Ann. XVI. Ep. 184.

<sup>5</sup> Geoffroi de Villehardouin. La conquête de Constantinople / Ed. par. M. Natalis de Wailly. P., 1872. LXXXIX, XCVIII, CIII.



фактом, ведь подобная процедура не совершалась при переходе во франкское подданство крестьян<sup>1</sup>.

Из всего числа ромеев, проживавших под властью латинских феодалов, полному «превращению» в вилланов подверглись только бывшие земледельцы-парики. Именно они, как следует из текста «Ассиз», находились под всеобъемлющей юрисдикцией высшей и низшей знати. В случае же самовольного оставления ими обрабатываемого участка каждый вассал морейского князя имел право на сыск беглецов<sup>2</sup>, которое неоднократно претворялось в жизнь<sup>3</sup>.

В результате, исходя из представленных выше сведений, мы должны констатировать, что деление ромейского общества при латинском правлении не было двухчленным, а некоторые категории населения, отнесенные Д. Якоби к «вилланским», на деле таковыми не являлись. Наряду с архонтами, независимый статус был присущ православному духовенству и жителям крупных городов. Несвободным же с приходом франков стало преимущественно сельское население, состояние которого при новой власти имело определенное сходство с положением сервов в Шампани, Пикардии и Фландрии.

***Н. И. Храпунов***

*Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского  
(Симферополь)*

### **Не приметив Византию: средневековые памятники Крыма глазами иностранных путешественников рубежа XVIII–XIX вв.\***

Как известно, государственная идеология Екатерины II уделяла особое внимание византийскому наследию, которое по мысли императрицы не только подчеркивало преемственность России от «греков» и тем самым их законное место в кругу «цивилизованных наций», но и оправдывала притязания на Северное Причерноморье и дальнейшее продвижение на юг. Однако присоединив в 1783 г. Крым, – регион с наибольшей концентрацией византийских памятников, – императрице не удалось сделать его византийское наследие центром всеобщего внимания. Усилия предпринимались: не случайно гербом Таврической области стал двуглавый орел с восьмиконечным крестом на груди, символизировавший, «что крещение во всей России чрез Херсонес произошло». Здесь «Херсонес» означал весь Крымский полуостров, ставший частью титула Екатерины II как «царицы Херсонеса Таврического». По указанию Г. А. Потемкина было определено местоположение города Херсонеса/

<sup>1</sup> The Chronicle of Morea / Ed. by J. Schmitt. L., 1904. V. 1648.

<sup>2</sup> Liber Consuetudinum. § 42.

<sup>3</sup> Карпов С.П. Латинская Романия. СПб., 2000. С. 23.

\* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18–09–00053 «Крым в восприятии англичан конца XVIII – начала XIX в.».

Херсона, началась работа над первыми историями Крыма, в которых важным сюжетом было крещение киевского князя Владимира в Херсонесе.

Однако грандиозное путешествие императрицы на юг в 1787 г., кажется, проигнорировало византийское наследие Тавриды. В официальном путеводителе упоминаются отдельные «греческие» памятники и сюжеты, но история с крещением Руси не артикулируется и фигурирует в контексте Киева. Показательно, что Екатерина II не стала посещать развалины Херсонеса, в то время как, пребывая в Киеве, не упускала возможности подчеркнуть свою роль православной царицы. Мемуары ее спутников, прежде всего Ш. де Линя и Л. де Сегюра, передавшие настроения узкого круга императрицы, не раз обращаются к прошлому, однако к прошлому античному или ханскому.

В первые российские десятилетия Крым стал местом паломничества иностранцев, заинтересовавшихся экзотическим и почти неизвестным краем. Показательны энциклопедические труды П.-С. Палласа, Ж. Рёйи и Э.-Д. Кларка, записки Ш.-Ж. Ромма, «вымышленное путешествие» М. Гатри и другие сочинения. Но к византийским темам авторы обращались крайне редко, в отличие от античных, генуэзских и мусульманских сюжетов и памятников. Возможно, Византия оказалась «в тени античности» еще и потому, что интеллектуальная обстановка эпохи довольно критически относилась к христианству, а популярный труд Э. Гиббона не высоко оценивал Византию.

Путешественники создали более или менее подробные описания различных средневековых памятников – Херсонеса, части «пещерных» городов и монастырей, а также генуэзских укреплений Балаклавы, Судака и Феодосии, немало поспособствовав их превращению в туристические достопримечательности. Они зафиксировали то, что ряд памятников использовался не по назначению (склады и овчарни в искусственных пещерах Инкермана), другие разбирали на строительные материалы. Но путевые заметки не сообщают много нового об утраченных постройках – эту функцию выполняют рисунки путешественников.

В эпоху Просвещения генуэзцев, благодаря их успехам в торговле, считали носителем прогрессивного исторического начала. Им регулярно приписывали сооружение пещерных городов – Инкермана, Мангупа, Чуфут-Кале. Ф. де Миранда в 1787 г. «отыскал» генуэзскую кладку в оборонительных стенах Херсонеса, а Дж. Александер в 1829 г. – Мангупа. К. де Людольф в 1787 г. «обнаружил» генуэзские гербы на склонах Бахчисарайской долины, а Г. де Кастельно объявил «генуэзскими» мусульманские постройки Старого Крыма.

Разбирая вопрос о происхождении «пещерных городов», путешественники выдвинули ряд более или менее фантастических гипотез, связавших их с самыми разными жителями Крыма начиная с глубокой древности. Очень популярным было представление о том, что искусственные пещеры на вер-



шинах гор были свидетелями «всемирного потопа». Паллас же предположил, что пещерные монастыри соорудили бежавшие от преследований ариане, тем самым заложив основы историографической традиции, связавшей их происхождение с беглецами, впоследствии переосмысленными как иконопочитатели. Менее известен его вывод о параллелях с пещерными монастырями на материке. Независимо от него, Ш.-Ж. Ромм и С. Сестренцевич-Богуш обнаружили связь между крымскими монастырями и Киево-Печерским монастырем, причем Ромм связал это заимствование с крымским походом Владимира Святого.

В 1800 г. Э.-Д. Кларк счел свидетельством крещения Владимира херсонско-византийские монеты IX в. с литерой «В». С походом Владимира на Корсунь нередко связывали Феодосию-Каффу, причем Ш. де Бар в 1784 г. решил, что собор, где произошло крещение князя, впоследствии стал кафедральной мечетью города Султан-Селим-джами. Позднее, в 1832 г., Ф. Дюбуа де Монперё назвал ее генуэзским памятником начала XIV в. Другим эпизодом, свидетельствующим о поиске вымышленных связей Руси и Крыма, стали так называемые «походы Владимира Мономаха» на Херсон и Каффу. Основанные на неверных сведениях западных авторов XVI в. С. фон Герберштейна и Мацея Стрыйковского они стали частью «большого крымского нарратива».

Особого внимания заслуживают натурные рисунки, выполненные путешественниками. На них изображены археологические памятники, сохранность которых к нашему времени существенно ухудшилась. Помимо общеизвестных рисунков существуют почти не известные изображения, большая часть которых пока не введена в научный оборот. В этой группе – виды Чембало и Каффы на акварелях из коллекции Р. Уэрсли (1786 г.), чертежи и планы греческих и армянских церквей Каффы из альбома архитектора У. Хейсти (1798 г.), виды Чембало, Каламиты и Каффы кисти У. Хадфилда (1787 г.). То, что на рисунках представлены, главным образом, генуэзские и мусульманские памятники, объясняется, видимо, их лучшей сохранностью.

Нами выявлен хранящийся в музейном собрании альбом рисунков Р. Хебера (1806 г.) и Р.-У. Хея (1807 г.). Здесь представлены наброски ряда средневековых объектов, дополненные отрывками из дневников путешественников. Средневековые укрепления привлекли их особое внимание. Так, Хебер зарисовал общие виды укреплений Солдайи, Чембало, Каламиты и Каффы, а также, вероятно, крупнейшую в Каффе оборонительную башню Джиованни ди Скаффа. Хей выполнил несколько видов цитадели Каффы, изобразил тамошнюю башню Константина, а также общий вид Солдайи. Сохранность всех этих сооружений на рисунках существенно лучше, чем в наше время, в чем и заключается значение графических источников для архитектурно-археологических исследований и реконструкций.

**Л. Г. Хрушкова**

*Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова  
(Москва)*

**«Раб, придворный историк и эмигрант»:  
образ Никодима Павловича Кондакова в сочинениях Ивана  
Фолетти**

Чешский историк искусства Иван Фолетти – автор многочисленных публикаций о Никодиме Павловиче Кондакове (1844–1925). Несколько лет назад Фолетти обнаружил в библиотеке Папского Восточного института (Pontificio Istituto Orientale, Рим) рукопись французского перевода утраченной книги Кондакова, – третьего тома исследования «Иконография Богоматери». Эта удача во многом решила научную судьбу Ивана Фолетти: он сделался специалистом по Н. П. Кондакову. Быстро пишется диссертация о Кондакове: в этом много помогли работы И. Л. Кызласовой, малодоступные западному читателю. Диссертация быстро издается<sup>1</sup>. В периодике и различных сборниках появляется серия статей Фолетти о Кондакове или в связи с Кондаковым. Вскоре выходит английский перевод книги Фолетти<sup>2</sup>. С одной стороны, сейчас Кондаков известен западному читателю лучше, чем любой другой русский историк искусства. С другой же стороны, образ Кондакова, сконструированный Фолетти, мало похож на реального Н. П. Кондакова, известного по источникам, документам и по трудам самого ученого.

Если собрать множество разнообразных характеристик, данных Фолетти Кондакову, получится картина пестрая и хаотичная. Кондаков – это западник, который видит отсталость России и страдает от комплекса неполноценности. Но он часто бывает и славянофилом. Кондаков – атеист, но может быть и «настоящим православным». Кондаков – конформист и карьерист, предавший либеральные убеждения своей юности. Он придворный искусствовед, близкий к императору и аристократическим кругам, но вот пришла советская власть, и он готов сотрудничать с нею. В публикациях Фолетти встречаем суждения самые неожиданные. Вот, например, одно из многих: «Kondakov was a serf, court historian and emigrant», – и все эти три момента сформировали идентичность Кондакова как «человека между мирами» и определили особенности его мировоззрения. При такой «легкости в мыслях необыкновенной», в публикациях Фолетти неизбежно встречаются курьезы. Ограничусь одним примером. По мнению Фолетти, Кондаков подчеркивал роль искусства Рима, потому что в слове Roma зашифровано имя династии Романовых. Но

<sup>1</sup> Хрушкова Л.Г. Никодим Павлович Кондаков: новая монография // Византия в контексте мировой культуры. ТГЭ. Т. 74. СПб., 2015. С. 466–487.

<sup>2</sup> Foletti I. From Byzantium to Holy Russia. Nikodim Kondakov (1844–1925) and the Invention of the Icon / Transl. by S. Melker. Roma, 2017.



ведь по-русски Roma – это Рим. Какие пустяки: изыскания Фолетти адресованы читателю, не владеющему русским языком.

О некоторых исследовательских приемах Ивана Фолетти мы уже писали. Среди них – искаженное цитирование, меняющее смысл высказывания Кондакова на прямо противоположный. Таким способом Фолетти «доказал», что Кондаков был атеистом<sup>1</sup>. Другой пример. Одну свою статью Фолетти озаглавил: «Mon seul regret: être né en Russie». Эту вымышленную фразу Фолетти произносит от имени Кондакова, который, впрочем, ее никогда не произносил. В последнее время И. Фолетти обратился к новой для него теме: Кавказ, Кондаков на Кавказе. Читатель убеждается в том, что Фолетти недостаточно знаком с биографией Кондакова, с его трудами и взглядами, в частности, на роль Константинополя. Фолетти рассматривает экспедицию «придворного историка искусства» Кондакова в Западную Грузию в контексте русификаторской политики Александра III. Этот политизированный взгляд Фолетти представляет как новый и современный. Однако он вовсе не нов. Историки искусства сталинской эпохи с легкостью доказывали, что, например, Генрих Вельфлин (1864–1945) был «в известном смысле предвестником позднейшего развития фашизирующейся буржуазии»<sup>2</sup>. Фолетти, используя такую же политизированную оптику и избранный им метод «чтения между строк», стремится доказать, что русский император специально послал в Грузию русского ученого с особой русификаторской миссией. Фолетти даже задается вопросом о взглядах Александра III на проблемы истории искусства. Поскольку никаких данных об этом не существует, делается вывод, что взгляды Александра III были такими же, как у Кондакова.

Работая в богатых монастырских ризницах Западной Грузии, Кондаков составил опись хранящихся там ценностей с целью воспрепятствовать хищениям. В этой экспедиции участвовал известный грузинский историк и археолог Дмитрий Захарович Бакрадзе (1826–1890), который стал соавтором Кондакова. Однако Фолетти не интересуется ни результатами работы Кондакова, ни вкладом Бакрадзе, который читал грузинские надписи. Ни то, ни другое не вписывается в картину русификаторства, которым занимался усталый и больной Кондаков, разъезжая в сырых низменных местах Менгрелии по пыльным сельским дорогам, под палящим солнцем августа 1889 г.

Недавно вышедший английский перевод первого, итальянского, издания книги Фолетти о Кондакове не содержит никаких изменений в тексте, ни

---

<sup>1</sup> *Khrushkova L.G.* Geschichte der christlichen Archäologie in Russland vom 18. bis ins 20. Jahrhundert (2. Folge) // *Römische Quartalschrift*. 2012. Bd. 107. S. 97–99.

<sup>2</sup> *Хрушкова Л.Г.* Изучение христианских памятников Кавказа и современные дискуссии // *Вопросы всеобщей истории архитектуры*. 2018. Вып. 10 (1). С. 90–92.

исправлений хотя бы наиболее скандальных несообразностей итальянской версии.

Читая публикации И. Фолетти, трудно избавиться от впечатления, что Никодим Павлович, в благодарность за публикацию рукописи его книги, обязан безотказно обслуживать интересы Фолетти. Конечно, мы далеки от мысли, что абсолютно все работы Фолетти о Кондакове написаны в легком стиле непринужденной безответственности. Речь идет только об отдельных страницах, пассажах, фрагментах, о некоторых идеях, тенденциях и выводах. Одно бесспорно: продукция Фолетти адресована читателю, который, не зная русского языка, не может составить собственное независимое мнение о качестве аргументации и методах известного в западном мире «кондакововеда».

*А. Г. Цыпкина*  
*Архив РАН (Москва)*

### **Итоги и результаты Трапезундских экспедиций Ф. И. Успенского**

Академик-византинист Ф. И. Успенский исследовал Трапезунд летом 1916 г. и летом 1917 г. Участники его экспедиции, однако, провели там гораздо меньше времени. Среди мероприятий по изучению города, предпринятых учеными, стоит выделить раскопки, в ходе которых были найдены (предположительно) мощи св. Евгения и останки трапезундского императора Алексея IV Комнина.

Некоторое количество времени было уделено изучению фресковой живописи (церкви св. Евгения, св. Софии, св. Анны, Дворцовой церкви). Тогда как материалы экспедиции по изучению живописи св. Софии могут быть интересны только с историографической точки зрения, фотографии фресковой живописи других храмов дают новый для историков материал.

Кроме того, по просьбе Ф. И. Успенского военным инженером М. Э. Керном были составлены планы акрополя Трапезунда с некоторыми измерениями. На фотографиях экспедиции были обнаружены три башни, две из которых не существуют более (кула Иоанна и Дворцовая), а третья – башня Мехмеда – дошла до наших дней в измененном виде и худшей сохранности.

Можно предположить, что башня Мехмеда II была построена с целью защиты, когда верхний город еще не потерял такого значения. Поскольку начало постройки среднего города относится к началу – середине XIV в., вероятнее всего, что эту башню можно датировать концом XIII в., что совпадает с анализом А. Брайера и Д. Винфилда кладки крепости. Исследователи относят кладку кулы к типу DI, что соответствует концу XIII в.<sup>1</sup>

---

<sup>1</sup> *Bryer A., Winfield D. The Byzantine Monuments and Topography of the Pontos. Washington, 1985. Vol. I. P. 192.*



«Для защиты города в южной части Кремля построена была царем Кало Иоанном огромная кула или башня...»<sup>1</sup>, площадь Эпифания находилась перед ней. Эту «кулу» Ф. И. Успенский тоже предлагает датировать временем Иоанна II Великого Комнина, т. е. концом XIII в., тогда как Брайер и Винфилд относят кладку башни к типу F (1458/60)<sup>2</sup>. Однако немногим после Ф. И. Успенский начинает себе противоречить, если мы правильно поняли, что речь идет об одной и той же башне: «Большие заложенные ворота можно видеть на южной стороне кремля против площади «Эпифания», отделенной скалистым оврагом от квартала св. Евгения, именно в громадной башне, бывшей ключом позиции до постройки «кулы», т. е. башни Иоанна. Здесь, на южной стороне башни, наблюдаются признаки заложенных и обведенных каменной стеной ворот» (Из Главы I «Очерков»). Если так, то кула Иоанна, с точки зрения Ф. И. Успенского, была построена позже башни Мехмеда II<sup>3</sup>.

«Необходимо принять во внимание, – также отмечал Ф.И. Успенский, – что постройки в Кремле ориентировались на западную восточную<sup>4</sup> сторону в направлении к Константинополю. Чтобы <...> план дворца и жилых помещений, следует считаться с направлением фундаментов, сложенных из громадных блоков, характерных до Юстиниана для римской эпохи. <...> Ключ архитектурных и археологических проблем лежит в раскопках тех сооружений, которые идут на юг, к конечной башне, к куле Иоанна. На глубине 4–5 аршин<sup>5</sup> можно здесь добраться до первоначального уровня, на котором строились старые здания и систематически подойти к дворцу»<sup>6</sup>, – писал об этой башне Ф. И. Успенский.

Что касается исследований акрополя, в черновиках Ф. И. Успенский упоминает, что за недостатком времени и невозможностью провести раскопки в Кремле в 1918 г. из-за изменившейся международной обстановки для написания «Очерков» ему приходится руководствоваться исключительно своими черновыми записями, сделанными в сентябре 1917 г.<sup>7</sup>, и непродолжительным общением с военным инженером М. Э. Керном. Для получения более точных

<sup>1</sup> Успенский Ф.И. Очерки истории Трапезундской империи. Л., 1929. С. 157. Кало Иоанн – Иоанн II Великий Комнин (1262/63–1297). Судя по внешнему виду, будущая башня Мехмеда II могла быть построена в то же самое время – в конце XIII в. В тех же «Очерках» Ф. И. Успенский утверждает, что акрополь «с северной и южной стороны был защищен, кроме того, башнями, возведенными еще раньше возникновения империи» (С. 154).

<sup>2</sup> Bryer A., Winfield D. The Byzantine Monuments... P. 192.

<sup>3</sup> Анализ кладки см.: Bryer A., Winfield D. The Byzantine Monuments... P. 192.

<sup>4</sup> Подписано сверху и тоже зачеркнуто.

<sup>5</sup> 4 аршина = 2,84 м; 5 аршин = 3,55 м.

<sup>6</sup> СПбФ АРАН. Ф. 169. Оп. 1. Д. 5. 2 л. об.

<sup>7</sup> Хотя в СПбФ АРАН и содержатся некоторые записи от сентября 1917 г. в записной книжке с названием «Поездка в Тарутино» (Ф. 116. Оп. 1. Д. 309), однако записей, посвященных крепости Трапезунда, там нет: возможно, они не сохранились.

данных требовалось бы «снять не больше трех аршин в глубину на пространстве небольшой площади»<sup>1</sup> (или 2,5–3,2 м в глубину – до первоначального уровня)<sup>2</sup>, но не хватило времени.

Помимо архитектурной составляющей, экспедиция занималась и собранием рукописей: к концу пребывания Ф. И. Успенского в городе летом 1916 г. в мечети Орта Хисар, «пригодной под лучший ученый кабинет», византинист собрал библиотеку манускриптов и сохранившихся архивов края. Для описания рукописей пригласили востоковеда и полиглота, преподавателя восточных языков А. Е. Крымского. По собственной инициативе А. Е. Крымский летом 1917 г. составил также краткие описания посещенных им пещер.

Частично результаты экспедиций были представлены Ф.И. Успенским на заседаниях Академии наук и опубликованы в книге «Очерки истории Трапезунтской империи» (Л., 1929). Некоторые члены экспедиции опубликовали свои статьи с результатами, полученными в итоге Трапезундских экспедиций, в 20-е гг. XX в. в журнале *Byzantion*.

***А. Ю. Чернов***

*Государственный исторический музей (Москва)*

### **Почитание Богородицы в Константинополе и Москве в конце XIV–XV вв.**

В конце XIV – первой половине XV в. Константинополь и Москва поддерживали тесные отношения. «Византийский фактор» сыграл важную роль в поддержании единства Русской православной церкви и приоритета Великого княжества Московского в деле воссоединения русских земель<sup>3</sup>. Этот фактор выражался не только в дипломатических усилиях митрополитов-греков, но и в переносе на русскую почву определенных церковных практик, имеющих большое идеологическое значение для агонизирующей империи. Главной и наиболее актуальной практикой было почитание Богородицы в образе Взбранной Воеводы, небесной защитницы христиан от нападений агарян.

В историографии не существует полноценных исследований, сравнивающих константинопольскую и московскую богородичные традиции. Крайне редко историки и искусствоведы объединяют усилия и рассматривают письменные и изобразительные источники вкуче. Между тем сопоставление греческих и русских памятников дает интересные результаты, позволяющие судить о начальном этапе рецепции поздневизантийской идеологии в Мо-

<sup>1</sup> *Успенский Ф.И.* Очерки истории... С. 7.

<sup>2</sup> Там же. С. 156.

<sup>3</sup> *Малетто Е. И.* Средневековая Русь и Константинополь. Дипломатические отношения в конце XIV – середине XV в. М., 2018.



сковском княжестве. Кроме того, отечественные изобразительные источники позволяют в определенной мере реконструировать византийские прототипы.

Почитание Богородицы как заступницы-воеводы издавна существовало в Константинополе и берет начало с аваро-славянской осады 626 г., первого нападения варваров на византийскую столицу. Тогда по инициативе константинопольского патриарха Сергия I (610–638) победа над врагом впервые была приписана образу Девы Марии, чье присутствие на поле боя, как верили горожане, решило исход сражения в пользу византийцев. В IX–XII вв. эта богородичная традиция окончательно утверждается в литургической и церемониальной жизни столицы. Церковь окончательно объединяет торжественное богослужение Субботы Акафиста с памятью о чудесах, совершенных Божией Матерью ради константинопольцев<sup>1</sup>.

В конце XIV–первой половине XV в., когда Византия постоянно находилась под угрозой захвата турками-османами, почитание Богородицы как хранительницы царственного града возобновляется. Жители столицы ежегодно устраивают торжественные процессии с выносом образа Приснодевы из монастыря Панагии Одигитрии во Влахернский дворец. В целом ряде сочинений разных жанров (гомилиях, исторических повествованиях, стихах и поэмах) византийские писатели прославляют «чудные дела» Богоматери, благодаря которым Константинополь был избавлен от осад, инициированных султанами Баязидом I (в 1394–1402 гг.) и Мурадом II (в 1422 г.).

26 августа 1395 г. грек Киприан, митрополит Киевский и всея Руси (1389–1406), организует торжественную процессию переноса образа Божией Матери из Владимира в Москву для защиты от великого эмира Тамерлана (1370–1405). В тот же день завоеватель отступает, и его уход однозначно расценивается как чудо и заступничество Приснодевы<sup>2</sup>. Вскоре, согласно русскому летописцу, небесная заступница снова спасает Москву теперь от нападения ордынского эмира Едигея (1408 г.)<sup>3</sup>. Следовательно, при великом князе Василии I (1389–1425) в Москве Богородица почитается также, как в Константинополе.

Во время великого княжения Василия II (1425–1462) и Ивана III (1462–1505) почитание Девы Марии как Взбранной Воеводы вместе с празднованием Субботы Акафиста все более укореняется в Московском княжестве. В Благовещенском соборе Кремля хранится сначала оригинал, затем копия Смоленской иконы типа «Одигитрия», восходящей прямо к константино-

---

<sup>1</sup> *Pentcheva B. The supernatural protector of Constantinople: the Virgin and her icons in the tradition of the Avar siege // Byzantine and Modern Greek Studies. 2002. Vol. 26. P. 4–5, 22–27.*

<sup>2</sup> Степенная Книга царского родословия: тексты и комментарий. М., 2008. Т. 2: Степени XI–XVII. Ст. XIII. Гл. 24. Л. 485 об. – 506 об.

<sup>3</sup> Сказание о нашествии Едигея // Библиотека литературы Древней Руси. СПб., 1999. Т. 6: XIV–середина XV века. С. 250.

польскому образу «Богородицы Влахернитиссы». В 1480 г. в столицу окончательно переносят Владимирскую икону в честь избавления от хана Ахмата (1460–1481). Одновременно в Москве фиксируется иконография ритуала: на иконе «Похвала Богоматери, с Акафистом» (вторая половина XIV в., ГММК) и пелене подвесной «Вынос образа Богородицы Одигитрии» Елены Волошанки (конец XV – начало XVI в., ГИМ). Эта иконография, несомненно, имеет византийские корни и является традиционной для всего православного мира. Иллюстрируя слова из гимна Акафиста, она изображает идеальную модель православного государства во главе с Божией Матерью<sup>1</sup>. Таким образом, заимствуя константинопольский обряд почитания Приснодевы, великие князья московские (осознанно или нет) переносят на русскую почву центральный компонент поздневизантийской идеологии.

**Д. А. Черноглазов**

*Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург)*

**Псевдо-Либаний и Эразм Роттердамский:  
византийская эпистолярная теория в западноевропейской  
рецепции<sup>2</sup>**

Греческая эпистолярная теория хорошо известна в Западной Европе эпохи Возрождения. Трактаты «Типы писем» Псевдо-Деметрия (I в.) и, в особенности, «Стили писем» Псевдо-Либания (IV–V вв.) многократно издаются и переводятся на латинский язык. Мы находим отзывы об этих письмовниках – как восторженные, так и критические. Наконец, греческая теория письма влияет на западноевропейскую *ars epistolandi*: например, из 20 типов писем, выделяемых в трактате *De modo epistolandi* Франческо Негро, почти все представлены в греческих письмовниках, а Эразм Роттердамский открывает свой учебник *Conficiendarum epistolarum formula* прямой цитатой из «Стилей писем» Псевдо-Либания.

Несмотря на то, что эпистолярная теория эпохи Возрождения обстоятельно изучена<sup>3</sup>, отсутствуют научные работы, специально посвященные рецепции греческих письмовников в западноевропейской науке и учебной литературе. Предмет настоящего доклада – латинские переводы «Стилей писем» Псевдо-Либания (далее – PL) XVI в. Анализируются методы работы перевод-

---

<sup>1</sup> Преображенский А. С. Ктиторские портреты средневековой Руси. XI – начало XVI века. М., 2010. С. 483.

<sup>2</sup> Исследование осуществляется при содействии РФФИ, проект № 18–011–00669 «Риторические стратегии в истории византийской литературы».

<sup>3</sup> См., напр.: *Vaños P.M.* El arte epistolar en el Renacimiento europeo 1400–1600. Bilbao, 2005; *Mack P.* A History of Renaissance Rhetoric (1380–1620). Oxford, 2011. P. 228–256.



чиков, высказывают предположения о задачах, которые перед ними стояли, и о функциях переводных трактатов.

Нам известны следующие переводы PL:

1. Перевод Понтико Вирунио (далее – PV) 1504 г.<sup>1</sup> – по-видимому, первый перевод PL, изданный три года спустя после выхода в свет первого издания греческого текста PL, подготовленного тем же ученым. К PV близок перевод, содержащийся в двух рукописях XVI в.: Augsburg. II. 4.8° 144 ang.4. и Monac. gr. 584 (сокр. AM).

2. Перевод Каспара Стиблина и Христофора Кассеана (далее – SC) 1552 г.

3. Перевод Яноша Жамбоки (лат. Joannes Sambucus, далее – JS) 1552 г.

4. Перевод Вольфганга Винтхаузера (лат. Wolfgangus Anemoesius, далее –WA) 1554 г.

Четыре перевода существенно различаются между собой: их авторы следуют разным переводческим методам. Так, PV передает греческий текст буквально, как правило, сохраняя порядок слов оригинала, даже если это противоречит синтаксическим нормам латинского языка. AM – слегка измененная и улучшенная редакция того же буквального перевода. SC не следует букве греческого текста, но достаточно точно передает его смысл. WA еще дальше отступает от оригинала: текст PL, предельно краткий и сухой, заметно расширяется путем риторической амплификации. Вводятся дополнительные детали, эпитеты, риторические фигуры и т.д. Эти изменения были призваны, очевидно, сделать текст более ясным, доходчивым и выразительным.

Наибольший интерес представляет для нас JS – скорее, не перевод, а вольное переложение PL. Автор не только подвергает текст риторической амплификации, еще более заметной, чем в WA, но и располагает образцы писем в ином порядке. Напомним: PL выделяет 41 тип писем и для каждого приводит определение и пример. JS распределяет эти типы по четырем родам (*genera*): *judiciale* «судебный», *deliberativum* «совещательный», *laudativum* «похвальный», *familiare* «дружеский» и *didascalicum* «дидактический». Такую классификацию невозможно найти ни в одном греческом письмовнике. Янош Жамбоки мог заимствовать ее только из современных ему пособий по эпистолярному искусству – трудов Эразма Роттердамского, Кристофа Хегендорфа, Георгия Макропедия и др. Видимо, такая переработка призвана «усовершенствовать» текст ранневизантийского трактата, приведя его в соответствие с нормами эпистолярной теории эпохи Ренессанса.

Методы переработки греческого оригинала, которые мы отметили в WA и JS, указывают на то, что гуманистов XVI в. PL интересовал, в первую оче-

<sup>1</sup> Все переводы PL на протяжении XVI–XVII вв. издавались неоднократно. Мы указываем год выхода *edition princeps*.

редь, как практическое пособие по эпистолярному искусству, актуальное для современных учеников. Об этом же говорят и прямые суждения, которые мы встречаем в предисловиях к изданиям и переводам РЛ и «Типов писем» Псевдо-Деметрия. Иоганн Гартунг, издатель греческого текста трактата (1548 г.), полагает, что РЛ, хоть он и невелик, «следует предпочесть многим, которые выпускаются в наше время»<sup>1</sup>, а Янош Жамбоки предписывает своим ученикам сперва изучить РЛ, затем обратиться к авторам, которые об этих же вещах пишут пространнее, напр., к Эразму, а потом уже углубиться в чтение ораторов – Демосфена, Цицерона, Аристотеля, Гермогена и др.<sup>2</sup> О том, что в Европе XVI в. РЛ был востребован как школьный учебник и пособие для начинающих, свидетельствует и его место в печатных сборниках того времени: РЛ, как и «Типы писем» Псевдо-Деметрия, публиковался, как правило, в качестве введения или дополнения как латинским письмовникам XV–XVI вв. (Франческо Негро, Эразм Роттердамский, Хуан Луис Вивес и т. д.), так и к сборникам писем разных авторов на латинском языке, от Брута и Гиппократата до Мехмеда II, Анджелио Полициано и Энеа Сильвио Пикколомини. В сходном контексте греческий текст РЛ встречается и в поздневизантийских рукописях: в палеологовской Византии он также использовался как школьный учебник и играл роль переходного звена между грамматикой и риторикой<sup>3</sup>.

***Н. П. Чеснокова***

*Институт всеобщей истории РАН (Москва)*

### **Греческие пророчества XVII в. о Константинополе в русской традиции**

Пророчества о судьбе Константинополя, возникшие задолго до османского завоевания империи ромеев, занимают особое место в византийской профетической литературе. Одни и те же предсказания греки применяли к разным политическим событиям и трактовали их как конец одной исторической эпохи и начало новой, которая принесет им освобождение от иноземных завоевателей. Среди этих предсказаний выделяются криптограммы, обретенные по преданию на гробнице Константина Великого и расшифрованные патриархом Геннадием Схоларием (1454–1456, 1463). Новогреческий текст

<sup>1</sup> Methodus, una cum exemplis, conscribendarum epistolarum, incerti autoris, Graece et Latine, nunquam antea in lucem edita. Basileae, 1548. P. 3.

<sup>2</sup> Epistolarum conscribendarum methodus, una cum Exemplis, incerti autoris, Graece et Latine, in utriusque linguae studiosorum gratiam nunc multo quam antea et emendatior, et locupletior edita. Ioanne Sambuco Pannone Tirnaviensi interprete. Basileae, 1552. P. 3–4.

<sup>3</sup> Chernoglazov D.A. Ancient Epistolary Theory in the Byzantine School: Pseudo-Libanios' Manual and its Later Versions // Philologia Classica. 2018. Vol. 13 (2). P. 265–275.



произведения содержится в Хронографе Псевдо-Дорофея и был переведен на «славенороссийский» язык.

Пророчество о Константинополе, включенное в русский перевод Хронографа, встречается и отдельно от него. На начало XX в. было известно четыре перевода этой главы на русский язык: 1) текст 7149 (1640/1641 г.) из сборника Московской Типографской библиотеки; 2) перевод Арсения Суханова 1650 г.; 3) перевод Гавриила Назаретского, выполненный в Москве в 1651 г.; 4) Перевод Парфения, митрополита Лаодикейского, 1698 г.

Нами был обнаружен и опубликован еще один текст из Приказа тайных дел. Тексты из Типографской библиотеки и Тайного приказа, совпадающие по датировке, имеют существенные различия. Кроме явных текстологических расхождений этих списков, в варианте Типографской библиотеки представлены абзацы, что мог сделать как переводчик, так и писец текста. При этом трудно сказать, с каким протографом имел дело переписчик (переводом с греческого языка или списком с русского перевода), кому принадлежат описки и явные ошибки. Ошибки могли допустить как переводчик, так и писец, которые плохо понимали сложный для восприятия текст.

К названным выше пророчествам следует добавить еще одно, которое было составлено в Москве в ноябре 1667 г. Паисием, митрополитом Газы (1610–1678). Греческий дидакал, писатель и полемист Паисий Лигарид оставил заметный след в церковной, политической и культурной жизни Придунайских княжеств и России. Он принял самое активное участие в подготовке и проведении Большого Московского собора 1666–1667 гг. Его деятельность на соборе, а также влияние на принятые там решения в отношении Московского патриарха Никона (1605–1681) оцениваются в научной литературе преимущественно негативно. Эта историографическая традиция, восходящая к трудам авторитетнейших специалистов по истории Русской церкви митрополита Макария (Булгакова) и Н. Ф. Каптерева, преобладает и сегодня. Между тем, казалось бы, хорошо известные обстоятельства жизни и деятельности Паисия Лигарида, в том числе и литературной, могут быть существенно дополнены и скорректированы.

Сам факт составления Газским митрополитом пророчества не удивителен, т. к. он является автором «Хрисмологиона», известного сборника хрисм, т. е. византийских и поствизантийских предсказаний. Сочинение состоит двух частей. Первая содержит посвящение царю Алексею Михайловичу, три предисловия и сорок два пророчества от ветхозаветных времен до падения Константинополя в 1453 г. Она заканчивается монодией патриарха Геннадия на взятие Константинополя османами и элегией Матфея Камариота на ту же тему. Вторая часть посвящена еще не сбывшимся на момент создания труда предсказаниям, в том числе, о будущем Константинополя, о русском народе и многое другое. Наряду с разделами о божественных знамениях в Хрисмо-

логионе присутствует толкование снов, рассуждения о магии, бронтологиях (громовниках) и т.п. В сочинении Лигарида представлены практически все сюжеты византийской и поствизантийской пророческой традиции. Очевидно поэтому, что находясь в России, Газский митрополит обращает внимание царя Алексея Михайловича на необычные природные явления, трактуя их как свидетельства будущих военных успехов государя. Так, в августе 1666 г. Паисий советовал царю начать войну против Порты и Речи Посполитой, предсказывая, что она будет победоносной, т. к. на это указывает некая комета. В 1674 г. он прислал государю из Киева толкование появления 8 апреля 1673 г. «четырех солнц» как знак победы христиан в борьбе с Османской империей.

Пророчество 1667 г., написанное на латыни и обращенное к Алексею Михайловичу, представляет собой толкование части предсказания о Константинополе. Ссылаясь на пророка Иезекииля, Андрея Юродивого и криптограмму на гробе царя Константина, митрополит Паисий пишет о предстоящем отвоевании Константинополя «желтым» или «русым» народом. Он говорит, что традиционно под русым народом подразумевались западные европейцы: «у греков обще, яко видети есть у Фотиа, аще же и суть инии народи желтаго или русаго цвета власы, яко немцы, французы, изъясляются», он же, Паисий, видит в нем русских, т. к. семнадцатая буква греческого алфавита «ро» в предсказании может означать только русских: «аз же преглаголю, пророчествуя: желтый род иматъ град сей (Константинополь. – *Н. Ч.*) восприяти, его же имянование лежит в седмдм на десять начертании алфавита грецкаго, еже есть (далее в тексте пропуск места, очевидно, в оригинале была написана буква ρ. – *Н. Ч.*), отнюдуже рус наречется». Это замечание Паисия Лигарида весьма существенно для исследования, т. к. и в отечественной, и в зарубежной историографии принято считать, что отождествление русого народа с русскими произошло в Московском царстве при переводе текста с греческого языка. При этом не учитывается, что такое же отождествление существует и у Герасима Влаха, митрополита Филадельфийского (1607 (?) – 1685), в его сочинении 1656 г. «Одоление на Турское царство».

В предсказаниях о Константинополе XVII в. отчетливо прослеживаются не только следы подлинной истории падения Города в 1453 г., но и представления авторов того времени о возрождении греческого государства.



**Ю. Ю. Чуева**

*Управления образования администрации Губкинского городского округа*

*(Белгородская обл., г. Губкин)*

**Роль ранневизантийской знатной женщины  
в развитии императорской власти в V–VI вв.**

Культ императора как центральной фигуры христианского мира стали основой общественной и идейной жизни ранней Византии. Сильная императорская власть, призванная сформировать и поддерживать идею крупнейшей христианской империи и христианского императора, существенно отличает Византию от стран Западной Европы того периода. Идея монархического государства была теоретически обоснована в ранневизантийский период, но корнями она восходит к учению Платона. Византийский император был обязан олицетворять такие христианские добродетели как благочестие, милосердие. Супруга правителя которая также должна была отличаться добродетельностью, занимала видное место в общественной жизни империи.

Брак императора имел большое политическое значение. При выборе супруги роль играло ее социальное положение и личные качества. Ярким примером императрицы, обладавшей незаурядным умом и сильной волей, была императрица Феодора. Ее активное участие в политической жизни обеспечило, в частности, непрерывное обеспечение столицы продовольствием. В правление Юстиниана основные сельскохозяйственные провинции были монофизитскими, находившиеся в оппозиции к церковным взглядам императора. Но Феодора неофициально оказывала поддержку монофизитам, что позволило снизить остроту проблем продовольственного снабжения императорских войск и столицы.

Примером женского влияния на укрепление императорской власти является и императрица Пульхерия, являвшаяся фактически правительницей в качестве регента при Феодосии Младшем. Посредством брака Пульхерия возвела на престол императора Маркиана, что послужило прецедентом для дальнейшей истории Византии. Императрицы иногда возводили на престол очередных императоров, легитимируя их через брак (Верина, Ариадна). Такие брачные практики стали специфической формой участия женщин в развитии императорской власти.

Нередко императрицы сглаживали соперничество различных группировок императорского двора, принимали активнейшее участие в церковной жизни. Основывая монастыри (как, например, Евдокия), поддерживая виднейшие христианские общины и церковных деятелей, императрицы вносили ощутимый вклад в укрепление императорской власти.

В традициях византийской дипломатии были браки с целью заключения мира или установления дружественных отношений с другими народами вне территории государства.

Византийские императрицы должны были способствовать формированию и соблюдению *ὁμόνοια* — общего согласия, «единомыслия» между монархом и подданными. Ранняя Византия представляла собой фактическую монархию с элементами конституционных начал, сильную именно своей государственной, а не лично-деспотической властью. Следовательно, идея христианского монарха основывалась не столько на личности самого императора, сколько на его месте и официальном положении в государстве как божьего помазанника на земле.

Византийские императрицы разделяли ответственность перед подданными империи за сохранение образа величайшего христианского правителя. Юридически не имея прямых полномочий для управления государством, они фактически оказывали значительное влияние на внешнюю и внутреннюю политику государства.

Часть же ранневизантийских императриц официально носили императорский титул и упоминались в официальных документах как соправители. Однако фактически реальной властью они не обладали.

***В. Н. Чхаидзе***

*Институт археологии РАН (Москва)*

### **Византийская власть на Тамани и в Крыму в конце XI – начале XIII вв.**

В византийской историографии территории Крымского и Таманского полуостровов с конца XI в. (после возвращения в империю Тмутаракани) и до 1204 г. (падение Константинополя) традиционно рассматриваются как органичные части Византии<sup>1</sup>. В последние годы значительное количество научных публикаций и дискуссии на конференциях посвящены т. наз. «Крымской Хазарии» XI в. и проблеме ее локализации – теме, возникшей вокруг событий, происходивших в Крыму и на Тамани в X–XII вв.<sup>2</sup>

Известные к настоящему времени свидетельства византийской власти в регионе: три типа моливдовулов Олега-Михаила – представителя византийской администрации на территории, включавшей Матраху,

---

<sup>1</sup> См.: *Каждан А.П.* Византийский податной сборщик на берегах Киммерийского Боспора в конце XII в. // Проблемы общественно-политической истории России и славянских стран. М., 1963. С. 93–101; *Литаврин Г.Г.* Новые сведения о Северном Причерноморье (XII в.) // Феодальная Россия во всемирно-историческом процессе. М., 1972. С. 237–242.

<sup>2</sup> Библиографию см.: *Чхаидзе В.Н.* «Хазария» XI века: к вопросу о локализации (по данным византийских моливдовулов). М., 2016. 44 с.



Зихию и часть Крыма<sup>1</sup>; наличие печатей византийских чиновников центральной администрации XI–XII вв. в Херсоне, Судаке и на Тамани, а также многочисленных печатей представителей знатных имперских родов Дук, Ангелов, Палеологов, Кастамонитов, Каматиров, Кедрин, Агиостефанитов, Врахамиев и др. Наконец, нельзя не отметить хорошо известные свидетельства Мануила Ставоромана, Феофилакта Охридского, Никифора Василяки, Иоанна Цеца, Константина Пигонита, хрисовулов Мануила I и Иоанна II и др. Можно констатировать, что все известные нам (хоть и немногочисленные) виды источников не позволяют усомниться в наличии византийской власти в Крыму и на Тамани вплоть до 1204 г.<sup>2</sup> В XIII в. Крым и, вероятно, Тамань уже контролировались Трапезундом.<sup>3</sup>

В 2017 г. появилась крайне скептическая работа К. Цукермана, который отверг все эти данные, высказав смелую гипотезу, согласно которой в конце XI в. не произошло возвращения Матархи-Тмутаракани под юрисдикцию Византии, а боспорские города «выжили сами по себе и процветали»<sup>4</sup>. Безусловно, столь смелые и зачастую ни на чем не основанные сомнения вызвали ответную реакцию, трансформированную в дискуссию<sup>5</sup>.

Недавно появилось и исследование Н. А. Алексеенко, который верно отметил: «византийские моливдовулы XII столетия показывают, что система государственного управления претерпевает серьезную реформу практически на всей территории империи... в империи продолжает существовать некая бюрократическая форма, но, по-видимому, уже не традиционного централизованного управления, а больше ориентированная на

---

<sup>1</sup> Периодичность выпуска печатей и их хронология впервые предложены В. Зайбтом: *Seibt W. Ἐπίσκοπος τῆς Ἀτέλου. Residierte der Bischof von Atel in Chazaria (am Unteren Don)? // Studies in Byzantine Sigillography. Turnhout, 2019. Vol. 13. S. 123–126.*

<sup>2</sup> *Чхаидзе В.Н.* Византийская власть на Боспоре (последняя четверть XI – начало XIII вв.) // МАИЭТ. 2018. Т. XXIII. С. 721–730.

<sup>3</sup> *Майко В.В.* Провинциально-византийская культура Восточного Крыма первой половины XIII в. // Империя ромеев во времени и пространстве: центр и периферия. Тез. докл. XXI Всероссийской научной сессии византинистов. М.; Белгород, 2016. С. 133; *Степаненко В.П.* Византия и Крым в постфемный период (конец XI–XII вв.): к постановке проблемы // МАИЭТ. 2018. Т. XXIII. С. 716.

<sup>4</sup> *Zuckerman K.* The End of Byzantine Rule in North-Eastern Pontus // МАИЭТ. 2017. Т. XXII. Р. 311–336.

<sup>5</sup> *Чхаидзе В.Н.* Восстановление византийской власти на Боспоре (последняя четверть XI века) // ΧΕΡΣΩΝΟΣ ΘΕΜΑΤΑ: империя и полис. Материалы X Международного Византийского семинара (Севастополь – Балаклава 28 мая – 1 июня 2018 г.) / отв. ред. Н.А. Алексеенко. Севастополь; Симферополь, 2018. С. 167–172; *Степаненко В.П.* Византия и Крым... С. 713–720; *Чхаидзе В.Н.* Византийская власть... С. 721–730; *Цукерман К.* Закат византийской власти в Крыму: полемический отклик // ΧΕΡΣΩΝΟΣ ΘΕΜΑΤΑ: империя и полис. Материалы XI Международного Византийского Семинара (Севастополь – Балаклава 3–7 июня 2019 г.) / отв. ред. Н.А. Алексеенко. Симферополь, 2019. С. 237–244.

имперский нобилитет. Так что, как нам представляется, исчезновение около рубежа XI/XII вв. печатей представителей византийской администрации как в Таврике, так и в других провинциях, по всей видимости, совсем не означает отсутствие имперской административной власти на местах. Просто византийское управление перешло в иную плоскость, когда главную роль во всех сферах стали играть представители имперского нобилитета: высокопоставленные придворные столицы и аристократы из регионов»<sup>1</sup>.

Таким образом, к настоящему времени сложились два противоположных мнения относительно византийской власти в Крыму и на Тамани: реалистичное и скептическое. Согласно первому (В. П. Степаненко, Н. А. Алексеенко, В. Н. Чхаидзе и др.), византийская власть на территории Боспора существовала с конца XI в. до 1204 г.; по суждению К. Цукермана, с конца XI в. органы имперской власти в Крыму исчезают и боспорские города оказываются предоставленными сами себе. Как представляется, вследствие исчерпанности нарративных данных, археологические находки и, прежде всего, активно пополняемый в последнее время сфрагистический комплекс, позволят показать, на какой же из сторон истина.

***Ю. В. Шелудченко***

*Белгородский государственный национальный исследовательский университет (Белгород)*

### **Монастыри Иудейской пустыни по «Житиям» Кирилла Скифопольского**

Кирилл Скифопольский, палестинский писатель VI в., в своих «Житиях» описывает монастыри Иудейской пустыни. Все герои Кирилла стремятся через Иерусалим, где они почитали святыне места и некоторое время оставались в монастыре или благотворительном учреждении, побыстрее отправиться в пустыню на восток от города. Пустынная среда, которая их ждала, была суровым местом. По своим физическим свойствам Иудейская пустыня отличалась от пустынь как Египта, так и Сирии. В Египте контраст между возделанными, обитаемыми землями и пустыней разителен и четко определен. Монах не мог отойти далеко от реки, и пустыня навязывала монашеской жизни характер борьбы за выживание. Человек должен был оставаться в одном месте, зарабатывая ручным трудом, гончарным делом и плетением из тростника. Группы монахов должны были точно воспроизвести на краю пустыни главные черты деревень Верхнего Египта.

---

<sup>1</sup> *Алексеенко Н.А.* Византия без Византии: XII в. – империя «почтенных» нобилей! // ХΕΡΣΩΝΟΣ ΘΕΜΑΤΑ: империя и полис. Материалы XI Международного Византийского Семинара (Севастополь – Балаклава 3–7 июня 2019 г.) / отв. ред. Н.А. Алексеенко. Симферополь, 2019. С. 36.



Сиро-палестинское монашество, напротив, было феноменом гор, контрастом дикой местности и цивилизации. Монах уходил в бесплодные горные районы. Иногда беспорядочный, но обычно обильный дождь гарантировал, что отшельник мог поддерживать свою жизнь благодаря водосборным водоемам и растениям, росшим естественным путем. Монашеская жизнь была неформальной и неустроенной. Если условия становились слишком тяжелыми, монах всегда мог вернуться в ряды безземельных работников, ищущих работу в деревнях.

Пустыня к востоку от Иерусалима способствовала развитию монашеской жизни, отличной от той, что была в Египте и Сирии. Монастыри были многочисленными и часто росли в непосредственной близости друг от друга. Для VI в. были предложены цифры от 60 до 130 пустынных монастырей<sup>1</sup>. Иногда отдельные общины находились в одном и том же месте, как, например, на холме Кастеллион, который был занят савваитской киновией и лаврой отшельников.

Иудейские монастыри могли вырасти до больших размеров. Согласно сообщению 440 г., в одном монастыре у Мертвого моря находилось около 800 монахов, а в монастыре Романа близ Фекоа – 600. Й. Хиршфельд дает общую цифру в 2800 монахов в Иудейской пустыне, но это количество, видимо, занижено. Существование монашеского сообщества такого размера требовало обильных запасов пищи и воды, а также возможности достаточного заработка для обеспечения всем необходимым. Чтобы выжить, монашеские общины должны были воспользоваться возможностями, предлагаемыми местностью.

Топографические подробности, сообщаемые Кириллом относительно монастырей, многократно подтверждались в ходе раскопок: например, обнаружение кладбища св. Евфимия, линии стен церкви его лавры, места Новой Лавры с остатками двух церквей на холме к юго-востоку от Фекоа и др. Дальнейшие археологические работы А. Овадии и Й. Хиршфельда позволили уточнить топографию монастырей Иудейской пустыни, установить связь их расположения с каньонами-вади, спускающимися с Иудейских гор в долину Мертвого моря, уточнить древние дороги (Иерусалим-Иерихон и др.). Дж. Биннс в своем каталоге, составленном на основе свидетельств Кирилла, подтвержденных археологически, дает описания 30 монастырей.

Путешествие из Иерусалима к берегам Мертвого моря драматично. На расстоянии 24 км дорога падает с 750 м над уровнем моря в Иерусалиме до - 430 м у берегов Мертвого моря. По мере спуска меняется ландшафт. Горная местность вокруг Иерусалима и Вифлеема относительно плодородна. Почва относится к средиземноморскому типу *terra rossa*, а среднее количество

---

<sup>1</sup> Hirschfeld Y. Dwelling Houses in Eretz-Israel in the Roman-Byzantine Period. Jerusalem, 1987. P. 13–19.

осадков – 600 мм в год. Сочетание богатой почвы и обильного минимума осадков (даже если дождь идет с ноября по февраль) обеспечивает обильную растительность, включая оливковые рощи и другие деревья. В 3,5 км к востоку от Иерусалима почва становится известковой степной, образуя ирано-туранский тип пустыни. Эта скалистая, сухая и холмистая местность покрыта кустами, но не деревьями. Среднее количество осадков – от 250 до 400 мм в год. В 11 км от Мертвого моря склоны холмов – каменистые и пустынные, смещающийся гравий и крупнозернистый песок – создали почвенный тип хаммадской скалистой пустыни. Количество осадков – от 100 до 200 мм в год. Наконец, на берегах Мертвого моря растительный и животный мир похож на жизнь в некоторых частях Африки. Дождя практически нет. Географический тип этой территории, с резким падением высот, четыремя совершенно разными типами почвы, сжатыми в небольшую область, и огромной разницей в характере осадков, создал среду, дающую разнообразные возможности для различных форм монашеской жизни.

Жизнь в пустынях зависит от наличия воды. Сегодня единственным постоянным потоком в Иудейской пустыне является Вади-эль-Килт, на котором построен монастырь Хозива. Другие вади обеспечивают сезонное снабжение водой – Вади Кидрон (Великая Лавра), Вади Мукеллик, где впервые поселились Евфимий и Феокист. Монастыри зависели от наличия родниковой воды или сбора дождевой воды в цистернах. Их строили либо в западных районах пустыни, где было относительно много дождей, либо на склонах оврагов с потоком, протекавшим внизу долины.

Рост монастырей, описанных Кириллом, происходил в период, который был более влажным. После 330 г. среднее количество осадков увеличилось и оставалось на высоком уровне примерно до 500 г. После этого уровень осадков снизился, признаком чего является пятилетний голод и засуха, которые, как сообщает Кирилл, были прекращены по молитвам Саввы. Евфимий и Савва основали свои монастыри в период, когда было много осадков. Практически все дожди выпадают в зимние месяцы. Это привело к популярной аскетической практике благочестивых путешествий. Именно в Иудейской пустыне этот путь прохождения Великого поста превратился в обычную часть монашеской жизни, как для Евфимия, так и для Саввы.

Характер снабжения продовольствием варьировался в зависимости от среды, в которой находился монастырь. В горах Иудеи каждый монастырь являлся автономным сельскохозяйственным предприятием, большим и очень хорошо организованным. Относительно плодородные склоны вокруг Вифлеема и Иерусалима открывали возможность выращивания оливок и других культур. Там монастыри смогли развиваться в солидные хозяйства, с сетью цистерн, оливковыми и винными прессами, пекарнями, зернохранилищами.



**С. В. Ярцев, Е. В. Шушунова**

*Тульский государственный педагогический университет имени  
Л. Н. Толстого (Тула)*

### **Особенности заключения мира с готами императором Валентом в 369 г.**

Война римлян с готами 367–369 гг., как известно, закончилась встречей императора Валента с готским вождем Атанарихом «на гребных судах на середине реки» (Amm.Marc. XXVII. 5.9). Казалось бы, для готов, неудачно для себя поддержавших узурпатора Прокопия (Amm.Marc. XXVI. 10.3), наступил долгожданный мир. Однако особенности заключенного Валентом договора с варварами вызывают неоднозначную оценку данного события.

В первую очередь, обращает на себя внимание отмена римских выплат и серьезные ограничения в торговле для готов по условиям нового договора (Amm. Marc. XXVII.5.7–8; Zosim. IV.11; Themist. Orat. X.135). Выходит, что вместо налаживания тесных взаимовыгодных отношений со своими союзниками, Валент был настроен продолжать политику противостояния с готами. При этом известно, что вместе с экономическими факторами давления обычно тесно шли действия, связанные с культурной экспансией против варваров. Необходимым условием для проведения такой политики являлся непосредственный контакт варваров с римлянами или с римскими предметами роскоши, развращающими варварскую знать. Это достигалось, как правило, через организацию варваров в равноправные с римским населением общины, непосредственное внедрение римлян в варварскую среду, службу варваров в римской армии, предоставление варварам гражданства или же воспитание наследников в традициях римской культуры. Последнее чаще всего происходило через институт заложничества.

Вероятно, именно с этой целью, наравне с обеспечением выполнения договора, заключая мир с Атанарихом, Валент потребовал и получил заложников (Amm. Marc. XXVII.5.8). Аммиан Марцеллин не уточняет их количество и имена, можно лишь предположить, что они отправились вслед за императором в Константинополь. Тем не менее, заметим, что заложников, как правило, брали из ближайших родственников варварских правителей. Тогда они должны быть родичами как Атанариха, так и Эрманариха. Последний, хотя и не упоминался как участник договора с римлянами, исходя из того, что являлся стороной военного конфликта, должен был, по идее, присутствовать при его заключении. Однако это однозначно способствовало бы единению готов перед лицом римской угрозы, что противоречило бы имперской стратегии. Поэтому наиболее вероятней выглядит версия, что договор с Эрманарихом заключался отдельно, например, на Боспоре, но об этом, к сожалению, нам ничего неизвестно.

Со стороны Атанариха заложником, скорее всего, был Фритигерн или упоминаемый всегда вместе с ним Алавив (Amm. Marc. XXXI.4.8, 5.5). Если статус Фритигерна, правившего позднее «вместо королей», был равен опекунам малолетнего «царя гревтунгов» Алафею и Сафраку (Iord. Get. 134), то, возможно, именно Алавив был истинным «риксом» (наследником Атанариха?). В этом случае Фритигерн мог быть его ближайшим родственником, например, по линии матери, и тоже являться опекуном. То, что Фритигерн явно находился в Константинополе в качестве заложника, следует из принятия им арианства, ревностным поборником которого был сам Валент, и его последующей борьбы за власть с Атанарихом, активно поддержанной римлянами (Socrat. Hist. eccl. IV.33; Sozom. Hist. eccl. VI.37; Theodor. Hist. eccl. IV.33). Тем самым римлянам удалось добиться разделения и ослабления тервингов, что, безусловно, являлось важной стратегической целью римской экономической и культурной экспансии по отношению к варварам.

Учитывая, какие невероятные усилия предпринимали римляне по разделению и ослаблению тервингов, будет выглядеть невероятным, что в данной ситуации они совсем забыли про грейтунгов. Вот почему со стороны Эрманариха, вероятно, также существовали заложники, через которых римляне пытались ослабить уже это объединение. Надо сказать, что вариантов на такую роль у грейтунгов было не так уж и много. Наиболее вероятным претендентом является сын Эрманариха Гуннимунд вместе со своим сыном Гезимундом, а также, возможно, кто-то еще из их ближайших родственников: «Германарих, сын Агиульфа, родил Гунимунда, Гунимунд же родил Торисмунда, а Торисмунд родил Беримуда; Беримуд родил Ветериха» (Iord. Get. 80–81). Пребывали же эти люди, скорее всего, в столице Боспорского государства, где находились вместе с другими представителями союзных варваров, возможно даже с некоторыми из гуннов, только появившимися в Северном Причерноморье. Не исключено, что пребывание этих людей на Боспоре было организовано по примеру известной равноправной с эллинами варварской общины танаитов, с целью такой же координации действий с варварскими союзниками.

Похоже, что именно ко времени пребывания на Боспоре готских заложников апеллировал «Баламбер, король гуннов», когда «призвал к себе Гезимунда, сына великого Гуннимунда, который, помня о своей клятве и верности, подчинился гуннам со значительной частью готов» (Iord. Get. 248). По-видимому, упомянутый союз уходил своими корнями в более ранние времена, чем нападение гуннов на готов, и по этой причине его надо было «помнить». Не исключено, что уже тогда проримски настроенные представители готской, гуннской, а возможно, и меотийской знати были специально интегрированы в состав боспорской аристократии. Во всяком случае, такому предположению не противоречит неожиданное появление во время правления Валента,



Феодосия и Аркадия в погребениях столичной знати необычных предметов, напоминающих европейские находки горизонтов Виллафонтана (360/370–400/410 гг.) и Унтерзибенбрунн (380/400–440/450 гг.).

Таким образом, очевидно, что, несмотря на официальный мир с готами в 369 г., противостояние с ними не закончилось. Договор стал лишь очередным этапом в борьбе Валента с тервингами и грейтунгами Северного Причерноморья.

### СОКРАЩЕНИЯ

АДСВ – Античная древность и средние века

ВВ – Византийский временник

МАИЭТ – Материалы по археологии, истории и этнографии Таврики

ПСРЛ – Полное собрание русских летописей

ПЭ – Православная энциклопедия

СВ – Средние века

ЧОИДР – Чтения в Обществе истории и древностей российских

ХСб – Херсонесский сборник

DOP – *Dumbarton Oaks Paper*

JÖBG - *Jahrbuch der Österreichischen Byzantinischen Gesellschaft*

NE - NEA ΕΛΛΗΝΙΚΑ

PL – *Patrologia Latina* / Ed. J.-P. Migne.



## СОДЕРЖАНИЕ

<i>АВИЛУШКИНА Л. Т.</i> Ветхозаветная история в «Хронике» Михаила Глики .....	3
<i>АЛЕКСЕЕНКО Н. А.</i> Константинополь и Таврика в совокупности традиционных интересов Византии. Новые находки императорских печатей .....	5
<i>АРУТЮНЯН А. Ж.</i> Фракия и ее население по данным «Древнеармянской географии» или «Ашхар(h)ацуйц»-а .....	8
<i>БАРАБАНОВ Н. Д.</i> Колонна как сакральный объект в византийском народном христианстве .....	10
<i>БАРЫНИНА О. А.</i> Македонский ренессанс как историческая проблема .....	13
<i>БАХМАТОВА М. Н.</i> Запад и Восток в философии истории Никифора Григоры и Л. Н. Толстого .....	15
<i>БИБИКОВ М. В.</i> Неизвестный греческий вариант жития Феодосия Печерского ...	17
<i>БОЛГОВ Н. Н.</i> Захария Ритор и его сочинение «Жизнь Севира Антиохийского» .....	20
<i>БОЛГОВА А. М.</i> Беритская школа права в изображении Захарии Схоластика .....	22
<i>БОЧАРОВ С. Г.</i> Археология гетуэзской Газарии. Введение в научную проблему .....	24
<i>БУЗАНАКОВ Ю. В.</i> Эволюция крепостных сооружений ранневизантийской Антиохии в IV–VII вв. ....	27
<i>БЫСТРИЦКИЙ Н. И.</i> Отечественные сессии византинистов: инфометрический анализ .....	30
<i>ВАНЬКОВА А. Б.</i> Послушание игумену в византийском монастыре .....	34
<i>ВИНОГРАДОВ А. Ю., КОСОУРОВ Д. А.</i> Византия – противник или сторонник объединения Грузии? .....	37
<i>ВОЗЧИКОВ Д. В.</i> Образ Михаила VIII Палеолога в венецианском нарративе XIV–XV вв. ....	39
<i>ГАВРИЛОВИЋ А. Ђ.</i> О украсу надбедреника Светог Јована Златоустог и Светог Василија Великог у манастиру Ставреникита на Светој гори Атонској .....	41
<i>ГИНЬКУТ Н. В.</i> Гетуэзская крепость Чембало в изображениях и рисунках путешественников конца XVIII – первой половины XIX в. и современный археологический контекст .....	43
<i>ГИНЬКУТ Н. В.</i> Византийская керамика XIV в. и ее подражания из раскопок крепости и поселений консульства Чембало .....	45
<i>ГОГОЛЕВ Д. А.</i> К вопросу об использовании некоторых урбанистических терминов в «Церковной истории» Феодорита Кирского .....	47
<i>ГОЛОВИНА О. В.</i> Германцы в армии Юстиниана .....	49
<i>ГРАЦИАНСКИЙ М. В.</i> Императорские прерогативы в «божественных делах» и понятие церковного «первенства чести» .....	52
<i>ГРЕЧУХИНА А. А.</i> Постыжение человека в трактате Синесия «О сновидениях» .....	54
<i>ДЕНИСОВ С. А.</i> Эпирско-сербские отношения в первой половине XIII в. ....	56



<i>ДЕНИСОВА И. В., ЛЮ-КУ-ТАН В. А.</i> Византинист Федор Михайлович Россейкин (1879–1951) – ученый и педагог .....	59
<i>ЕЛИСЕЕВА А. Ю.</i> К истории женских монастырей традиции Шенуте в Египте ....	61
<i>ЕМАНОВ А. Г.</i> Личная эмблема греческого моряка первой половины XV в.: переворачивание кодов образного мышления.....	63
<i>ЕНДОЛЬЦЕВА Е. Ю.</i> Зооморфные образы в архитектурной пластике Кавказа IX–XI вв.: возможные истоки и значение .....	66
<i>ЕРМАК Е. С.</i> Образ Христа Militans: диалог культур в иконографии и стилистике раннехристианской скульптуры .....	68
<i>ЖИГАЛОВА Н. Э.</i> Роль светских и духовных лидеров в организации обороны Фессалоники 1422–1430 гг. ....	70
<i>ЗАБОЛОТНЫЙ Е. А.</i> Привилегии митрополитов и императорская власть в XI в.....	73
<i>ЗАЙЦЕВА Е. С.</i> Бегство из Рима: западные сенаторы на Востоке в середине VI в. ....	75
<i>ЗАЙЦЕВА И. В.</i> Медиевизация научного знания: Иоанн Филопон и отказ от аристотелизма .....	77
<i>ЗАХАРОВА А. В.</i> Икона Богородицы Павсолипи с острова Халки и византийская живопись позднепалеологовского периода .....	79
<i>ЗОЛОТУХИНА Н. Е.</i> К вопросу о положении местных племен (маврусиев) после установления византийской власти в Северной Африке (534–540 гг.) ....	80
<i>ИЗОТОВА О. Н.</i> «Одушевленные иконы» в теории образа иконоборцев и иконопочитателей .....	82
<i>КАРПОВ С. П.</i> Византийское содружество и Латинская Романия: развитие или эрозия идеологием? (К постановке проблемы).....	83
<i>КНЯЗЬКИЙ И. О.</i> Византия и кочевнические союзы в Нижнем Подунавье (конец IX – начало XIII вв.).....	87
<i>КОЗЛОВ А. С.</i> Далмация в Византийском «содружестве» V в.....	89
<i>КУРБАНОВ А. В., СПИРИДОНОВА Л. В.</i> Неопубликованное руководство братьев Лихудов по эпистолографии .....	92
<i>КУЩ Т. В.</i> Милость победителя: турки в захваченных византийских городах ....	93
<i>ЛИТОВЧЕНКО Е. В.</i> К вопросу об образе христианина в письмах Сидония.....	95
<i>ЛОПАТИНА М. Ю.</i> Иоанн Газский: классические мотивы ранневизантийской поэзии.....	98
<i>МАЙКО В. В.</i> Историческая топография Сугдеи средневизантийского времени (VIII–IX вв.).....	100
<i>МАКАРОВ Д. И.</i> О рационалистическом характере этики Феодора Метохита и ее источниках (На примере Слова 10 «О нравственных проблемах, или Об образованности») .....	102
<i>МАНОХИН Я. В.</i> Из Палестины на Кипр: к истории зарождения монашества на Кипре.....	105

<i>Манохина О. А.</i> Христианские ранневизантийские монастыри Иудейской пустыни: проблема исторических источников.....	107
<i>Мантова Ю. Б.</i> Инвективные стратегии в творчестве Иоанна Цеца.....	108
<i>Медведев И. П.</i> Об одном неизвестном эпизоде из истории византиноведческих связей Петербургской Академии наук и Афинского университета (середина XIX столетия).....	111
<i>Мирошниченко Е. И.</i> Социальные связи Синесия Киренского: трансформация института куриалов в конце IV – начале V вв. и епископская власть.....	112
<i>Назаров А. Д.</i> Германские наемники в византийско-иранской войне 572–591 гг. ....	115
<i>Норкин К. В.</i> Позиция Анастасия Синаита по отношению к монофиситам .....	117
<i>Охлупина И. С.</i> Демонические черты образов иконоборцев в житиях византийских святых IX в. ....	119
<i>Пашкин Н. Г.</i> Византия в международных аспектах истории периода Констанцского собора (1414–1418).....	122
<i>Петрунин В. В.</i> Советский тип политической секуляризации и концепция «византизации» Д. Б. Зильбермана .....	124
<i>Пиотровская Е. К.</i> Значение сборника № 245 из коллекции Археографической комиссии в Архиве Санкт-Петербургского Института истории РАН в научном наследии митрополита Евгения Болховитинова.....	125
<i>Прокопенко С. Н.</i> Трансформация городской среды Сиде в IV–VI вв. ....	127
<i>Родионов О. А.</i> Византийское монашество второй половины XIV в. в сочинениях прп. Каллиста Ангеликуда.....	130
<i>Романчук А. И.</i> Три страницы из истории крымской археологической экспедиции.....	132
<i>Роменский А. А.</i> Избиение катепана в Херсоне: контекст летописной статьи 6574 (1066) г. ....	134
<i>Руднева М. А.</i> Военные конфликты и народные волнения в ранневизантийской Александрии.....	136
<i>Рябцева М. Л.</i> Византия на Боспоре и завершение процесса христианизации.....	138
<i>Сашанов В. В.</i> Византинист В. Г. Васильевский: несостоявшийся memoira ученого в 1949 г. ....	141
<i>Свенссон С. Я.</i> Византийское влияние в витражном искусстве XIII века на острове Готланд (Швеция). К вопросу о датировке и мастерах .....	143
<i>Семичева Е. А.</i> Восток и Запад в позднеантичных бревиариях .....	145
<i>Серов В. В., Крейдун Ю. А.</i> Церковные новеллы 536 г. и финансовая политика Юстиниана I.....	148
<i>Синица М. М.</i> Природные явления как предзнаменования исторических событий в ранней Византии (по трактату «О знамениях» Иоанна Лиды) .....	149



<i>СКОТНИКОВА Г. В.</i> Владимирская земля XII в. как «Царство Марии»: русское претворение византийской традиции.....	151
<i>ТУМИНСКАЯ О. А.</i> Византийские экспозиции Русского музея: 1898–1928 гг. ....	153
<i>УЛЬЯНОВ О. Г.</i> Первоначальный статус Русской Церкви по данным византийских источников X в. из собрания Österreichische Nationalbibliothek.....	155
<i>ФРОЛОВ Д. Л.</i> Ромей: или архонт, или виллан? Категории свободного и зависимого населения в государствах франкократии.....	158
<i>ХРАПУНОВ Н. И.</i> Не приметив Византию: средневековые памятники Крыма глазами иностранных путешественников рубежа XVIII–XIX вв. ....	160
<i>ХРУШКОВА Л. Г.</i> «Раб, придворный историк и эмигрант»: образ Никодима Павловича Кондакова в сочинениях Ивана Фолетти.....	163
<i>ЦЫПКИНА А. Г.</i> Итоги и результаты Трапезундских экспедиций Ф. И. Успенского .....	165
<i>ЧЕРНОВ А. Ю.</i> Почитание Богородицы в Константинополе и Москве в конце XIV–XV вв. ....	167
<i>ЧЕРНОГЛАЗОВ Д. А.</i> Псевдо-Либаний и Эразм Роттердамский: византийская эпистолярная теория в западноевропейской рецепции .....	169
<i>ЧЕСНОКОВА Н. П.</i> Греческие пророчества XVII в. о Константинополе в русской традиции .....	171
<i>ЧУЕВА Ю. Ю.</i> Роль ранневизантийской знатной женщины в развитии императорской власти в V–VI вв. ....	174
<i>ЧХАИДЗЕ В. Н.</i> Византийская власть на Тамани и в Крыму в конце XI – начале XIII вв.....	175
<i>ШЕЛУДЧЕНКО Ю. В.</i> Монастыри Иудейской пустыни по «Житиям» Кирилла Скифопольского.....	177
<i>ЯРЦЕВ С. В., ШУШУНОВА Е. В.</i> Особенности заключения мира с готами императором Валентом в 369 г.....	180



Научное издание

# ВИЗАНТИЙСКОЕ «СОДРУЖЕСТВО»: ТРАДИЦИИ И СМЕНА ПАРАДИГМ

Тезисы докладов

XXII-й всероссийской научной сессии византинистов РФ,  
Екатеринбург, 24–28 сентября 2019 г.

Редактор и корректор *Т. В. Куц*

Оригинал-макет *И. С. Охлупиной*

Подписано в печать 13.09.2019. Формат 60 x 84 1/16.  
Усл. печ. л. 10,87. Тираж 100 экз. Заказ № 286

Издательство Уральского университета  
620000, Екатеринбург, ул. Тургенева, 4

Отпечатано в Издательско-полиграфическом центре УрФУ  
620000, Екатеринбург, ул. Тургенева, 4  
Тел.: + (343) 350-56-64, 350-90-13  
Факс: +7 (343) 358-93-06  
E-mail: [press-urfu@mail.ru](mailto:press-urfu@mail.ru)